Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное бюджетное учреждение «Институт истории имени Шигабутдина Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–69646 от 2 мая 2017 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 2 раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7A Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная)

HISTORICAL ETHNOLOGY. 2020, VOL. 5, NO. 2

ACADEMIC JOURNAL

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution «Shigabutdin Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences» (420111, Kazan, Baturin St., 7A)

Certificate of registration in the Mass Media ПИ № ФС 77–69646 received from Roskomnadzor on May 2, 2017

Published twice annually

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE:

420111, Kazan, Baturin St., 7A Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception)

http://historicalethnology.org E-mail: historical.ethnology@gmail.com

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2020

© «Историческая этнология», 2020

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: Хакимов Рафаэль Сибгатович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Научный редактор: Габдрахманова Гульнара Фаатовна (Институт истории им. III. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Выпускающие редакторы: Марданова Динара Замировна, Гайнанова Миляуша Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редакторы английских текстов: Аскар Ален (Назарбаев университет, Нур-Султан, Республика Казахстан), Шарифуллина Диляра Рашитовна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Редактор татарских текстов: Гайнанова Миляуша Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Редакторы русских текстов: Винтер Андрей (независимый исследователь), Марданова Динара Замировна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь: Гараева Алсу Мансуровна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бари Донна (Университет штата Пенсильвании, Юниверсити-Парк, США)

Габдрафикова Лилия Рамилевна (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Гибатдинов Марат Мингалиевич (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Головнев Андрей Владимирович (Институт истории и археологии УрО РАН, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Российская Федерация)

Данилко Елена Сергеевна (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация)

Дробижева Леокадия Михайловна (Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация)

Екеев Николай Васильевич (Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова, Горно-Алтайск, Российская Федерация)

Забирова Айгуль Тлеубаевна (Университет Объединенных Арабских Эмиратов, Аль-Айне, ОАЭ)

Иноуа Атсуши (Университет Симане, Машуэ, префектура Симане, Япония)

Хотопп-Рике Миесте (Институт Кавказских, Татарских и Туркестанских исследований (ICATAT), Магдебург, Германия)

Низамова Лилия Равильевна (Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Российская Федерация)

Ногманов Айдар Ильсурович (Институт истории им. III. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Салихов Радик Римович (Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Сейдаметов Эльдар Халилович (Крымский инженерно-педагогический университет, Симферополь, Российская Федерация)

Титмайер Элизабет (Музей Европейских Культур, Берлин, Германия)

Шайдуллин Рафаэль Валеевич (Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, Казань, Российская Федерация)

Ягафова Екатерина Андреевна (Самарский государственный педагогический университет, Самара, Российская Федерация)

EDITORIAL OFFICE

Editor-in-Chief: Rafael Khakimov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

The Science Editor: Gulnara Gabdrakhmanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Issuing Editors: Dinara Mardanova, Milyausha Gaynanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

English Editors: Askar Alen (Nazarbayev University, Nur-Sultan, The Republic of Kazakhstan); Dilyara Sharifullina (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Tatar Editor: Milyausha Gaynanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Russian Editors: Andrew Winter (independent researcher); Dinara Mardanova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Managing Secretary: Alsu Garaeva (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Donna Bahry (Pennsylvania State University, University Park, USA)

Liliya Gabdrafikova (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Marat Gibatdinov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Andrey Golovnev (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Boris Yeltsin Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation)

Elena Danilko (N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Leokadiya Drobizheva (Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Nikolay Ekeev (S.S. Surazakov Scientific-Research Institute of Altaic Studies, Gorno-Altaisk, Russian Federation)

Aygul Zabirova (United Arab Emirates University, Al-Ain, United Arab Emirates)

Atsushi Inoue (Shimane University, Matsue, Shimane Prefecture, Japan)

Mieste Hotopp-Riecke (Institute for Caucasian, Tatar and Turkestan Studies (ICATAT), Magdeburg, Germany)

Liliya Nizamova (Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation)

Aydar Nogmanov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Radik Salikhov (Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

El'dar Seydametov (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation)

Elisabeth Tietmeyer (Museum of European Cultures, Berlin, Germany)

Rafael Shaidullin (Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation)

Ekaterina Yagafova (Samara State Pedagogical University, Samara, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема номера: Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»

ОТ РЕДАКЦИИ

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин:	
реформатор и «сетевой менеджер»	198
Публикации	
Фахреддин и Магометанское духовное собрание	
Гарипова Р. Роль Ризаэддина Фахреддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи	
Пресса как дискурсивный источник	
Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре	
Фахреддин и исламское богословие	
Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы» Гайнетдинов А.М. Ризаэддин Фәхреддин Мәржанинең кайбер ялгышлары хакында	
«Женский вопрос» и исторические работы Фахреддина	
Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы	306
Документы	
Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан	331
Хроника научной жизни	
<i>Марданова Д.З.</i> Произведения Ризаэддина Фахреддина, изданные в 2018–2020 гг.	345

CONTENTS

Special topic of the issue: Rizaeddin Fakhreddin: a Reformer and a "Network Manager"

FROM EDITORS Mardanova D.Z., Gaynanova M.R. Rizaeddin Fakhreddin: **PUBLICATIONS** Fakhreddin and Muslim Spiritual Assembly Garipova R. The role of Rizaeddin Fakhreddin in the Reform Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution The Press as a Discursive Source Murtazina L.R. The Views of Rizaeddin Fakhreddin Miftakhov I.G. Rizaeddin Fakhreddin's Articles in "Shura" Magazine regarding to Religious and National Clothing ....254 Fakhreddin and Islamic Theology Khairutdinov A.G. M. Bigiev's Critical Review of Rizaeddin Fakhreddin's "Religious and Social Problems" ....269 Gainutdinov A.M. Rizaeddin Fakhreddin "Women's Question" and Fakhreddin's Historical Works Zakirzyanov A.M. The Aesthetics of the Enlightenment Khasavnekh A.A. Rizaeddin Fakhreddin and his Biographical Book "Mashkhur Khatynnar" ("Famous Women") ....306 Salakhova E.K. Metrical Books as one the most Critical Important Historical Source in the Scholarly Research of Rizaeddin Fakhreddin ....318 **DOCUMENTS** Abzalina R.A. Collection of Personal Belongings of Rizaeddin Fakhreddin in Funds of the National Museum of the Republic of Tatarstan ......331 CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE Mardanova D.Z. Rizaeddin Fakhreddin's books

Специальная тема номера:

Ризаэддин Фахреддин: Реформатор и «Сетевой менеджер»

От редакции

УДК 908

РИЗАЭДДИН ФАХРЕДДИН: РЕФОРМАТОР И «СЕТЕВОЙ МЕНЕДЖЕР»

Д.З. Марданова

Институт истории им. III. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация dinara.mardanova@gmail.com

М.Р. Гайнанова

Институт истории им. III. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация тдаупапоva@gmail.com

В вводной статье к тематическому номеру «Pизаэддин Фахреддин: реформатор и "сетевой менеджер"» предпринимается попытка взглянуть на религиозное, общественное, издательское, научное и писательское наследие Ризаэддина Фахреддина в свете его участия в конструировании мусульманского публичного пространства внутри российского общества.

Ключевые слова: мусульманское реформаторство, XIX век, Россия, Ризаэддин Фахреддин

Для цитирования: Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 198–205. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.198-205

Российское общество характеризуется богатством культур проживающих здесь народов, разнообразием форм их взаимодействия и контактов. Данное обстоятельство влияло на историю этих территорий, делая

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»

опыт межэтнических отношений уникальным, в том числе в таком его аспекте, как производство знания. Активное участие в этом процессе играло государство, непосредственно определявшее и направлявшее его в нужное, с точки зрения государственного интереса, русло.

В данных условиях нередко вставал вопрос: что управляет столь многоликим и неоднородным обществом? Кто или что конструирует публичное пространство, устанавливает норму, формирует стандарты и систему ценностей, направляет вектор его развития? Принято считать, что в поликультурных и многоконфессиональных обществах правом голоса обладает некое властное «большинство», навязывающее другим «правила игры». Однако, как показывают недавние исследования, это не совсем и не всегда так. Даже в условиях Российской империи, которая вплоть до 1905 г. (указа Николая II от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости») на законодательном уровне официально считалась православной империей, данная формула не работала столь прямолинейно и однобоко. Существовало множество различных форм взаимодействия между различными акторами на имперском пространстве.

Подтверждением, в частности, служат исследования Роберта Крюза. рассмотревшего становление России как мусульманской державы, когда ислам становился компонентом имперского христианского общества, а сами мусульмане оказывались активными участниками повседневной жизнедеятельности империи (Crews 2019). Другим примером стало исследование Паоло Сартори и Павла Шаблея, которые на примере кодификации местного права в ходе присоединения Казахской степи к Российской империи в 60-70-е годы XIX века показали, что процесс имел разнонаправленный характер и в нем принимали участие не только имперские акторы, но также и представители местных элит; кроме того, на изменения в стратегиях кодификации влияли политические, экономические и культурные факторы – все вместе это создавало ситуацию «правовой гибридности» (Сартори, Шаблей 2017). Интересный пример разных стратегических тактик мусульман рассмотрела Розалия Гарипова, проанализировав брачные практики российских мусульман. Она показала, что нередко верующие лавировали между существующими инстанциями (имперскими и шариатскими судами), выбирая наиболее подходящую и удобную для них в решении того или иного вопроса (Garipova 2017: 112–141).

Поэтому голос «большинства», конечно, звучит «громче», но только до определенного момента — пока не выработана стратегия поведения, позволяющая «меньшинству» лавировать между установленными правилами и стандартами, и задача эта, конечно, облегчается в условиях тяжеловесного бюрократического аппарата и всевозможных «но».

В связи с этим, даже имея доступ к экономическим, политическим, информационным и прочим ресурсам, «большинство» тем не менее вынуждено прислушиваться и реагировать на другие голоса публичного про-

странства. Подобная исследовательская рамка позволяет уйти от виктимизирующего нарратива, нередко пропагандируемого разными акторами публичного пространства, видящими в татарах и в целом мусульманах исключительно подчиненных субъектов, совершенно лишенных права голоса и вынужденных подстраиваться и «догонять».

В рамках данной проблематики интересны стратегии и тактики поведения, к которым прибегали мусульмане Волго-Уральского региона на рубеже XIX-XX вв. Один из ярких их представителей, сыгравших важнейшую роль в пропаганде реформаторских идей, формировании и трансформации исламского дискурса того времени, - татарский писатель, ученый и религиозный деятель Ризаэддин Фахреддин (1859–1936), еще при жизни заслуживший всенародную славу, почет и уважение. Как человек рубежного времени, который понимал, что в изменяющихся условиях мусульманам необходимо занять свою нишу и найти формы взаимодействия с представителями власти, Фахреддин действовал на разных уровнях. За свою жизнь пройдя долгий путь от религиозного и общественного деятеля, издателя и публициста, ученого и богослова до писателя и историка, он в каждом амплуа поступал в зависимости от окружающей обстановки и в соответствии с существующими потребностями. В январе 2019 года исполнилось 160 лет со дня рождения Ризаэддина Фахреддина, поэтому мы подготовили специальный номер в журнале «Историческая этнология», посвященный его творческому наследию.

Номер открывает статья *Розалии Гариповой*, где анализируется правовой сборник «*Мутала 'а*». В сборнике через частный случай – проблемы развода женщин, чьи мужья пропали или исчезли по тем или иным причинам, Фахреддин, будучи кади Оренбургского магометанского духовного собрания, пытается решить более важные структурные проблемы, появившиеся в XIX веке и связанные с религиозным авторитетом и применением шариата мусульманами Российской империи. Осознавая, что решить этот вопрос возможно только объединив усилия, он одновременно создает общее пространство для правотворчества, в котором принимают участие мусульмане всей империи. Тем самым создается общее дискурсивное поле, где сам Фахреддин выступает неким рупором для мусульман разных частей империи.

В продолжение темы о муфтияте как важной проблеме в российском исламском дискурсе *Ренат Беккин* рассматривает нарративы о происхождении муфтията в среде волго-уральских мусульман. Автор пишет, что к середине XIX в. тюрко-татарское население Российской империи стало рассматривать Духовное собрание в Уфе как институт, охраняющий его национальную идентичность в православном государстве. Происходит постепенное присвоение муфтията определенной частью мусульманского населения империи, конструируется легенда о том, что муфтият как институт исторически существовал у тюрко-татар задолго до того, как они были по-

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»

корены Москвой. Позже легенда о муфтияте как национальном институте татар подвергается модификации, но главный тезис о том, что муфтият является важным инструментом сохранения духовной культуры татарского народа, остается неизменным. Изменения в интерпретации истории института муфтията во многом отражали процессы, происходившие в системе духовных управлений мусульман в советское время.

Важным ресурсом для формирования общественного мнения и полем для влияния на исламский дискурс являются периодические издания – газеты, журналы, получившие широкое распространение среди мусульман начиная с XX в. Понимая это, Фахреддин активно использует данный ресурс, выступая в качестве издателя, редактора, журналиста вначале газеты «Вакыт» (1906–1918), позднее журнала «Шура» (1908–1917). В своих статьях Фахреддин затрагивает вопросы образования, просвещения, положения мусульман; касается деятельности религиозных институтов; публикует биографические очерки, статьи по истории, вопросам религии и нации, периодической печати, языку и литературе. В качестве редактора Фахреддин привлекает авторов не только из разных городов Российской империи, но также Бейрута, Каира, Льежа, Медины, Парижа, Стамбула и других, превращая прессу в место для обсуждения актуальных вопросов.

Ляля Муртазина на примере публикаций Фахреддина в татарской периодической печати за 1913—1914 гг. рассматривает его ответы, а также мнения мусульманской общественности в связи с официальным письмом Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел России. В письме спрашивалось мнение мусульман о состоянии религиозных школ с точки зрения постулатов исламского вероучения. Ответ Фахреддина играл важную роль при формировании правильного отношения к татарским школам.

Ильяс Мифтахов анализирует статьи и высказывания Фахреддина, опубликованные в рубрике «Об одежде» в журнале «Шура», где он работал главным редактором. Фахреддин провел глубокий анализ религиозных, национальных, экономических и медицинских аспектов в одежде. Он сообщает о том, что не существует специального одеяния, предписываемого исламом для священнослужителей, и что у каждой нации существует своя одежда, соответствующая климатическим условиям и обычаям. Акцент делается на том, что ученым (улемы) и духовенству следует отличаться от остальных людей хорошими знаниями и высокой нравственностью, а не внешним одеянием. Тем не менее желательно для духовенства носить ту одежду, которая считается у их народа религиозной; у татар, например, отличительной особенностью одежды религиозных деятелей являются чалма и чапан. Фахреддин занимает твердую позицию в отношении сохранения национальной одежды, подчеркивает ее необходимость и актуальность во все времена.

Богословского наследия Фахреддина касаются в своих статьях Айдар Хайрутдинов и Айдар Гайнутдинов. В статье Хайрутдинова рассматривается критика Мусы Бигиева на сочинение Фахреддина «Дини вэ ижтимагый мәсьэләләр» («Религиозные и социальные проблемы»). Обсуждаются вопросы, связанные с отношением к практике такфира; о соотношении между убеждениями верующего и движениями сердца; о необходимости использовать достижения науки для понимания Корана, перевода его отдельных сур. Гайнутдинов анализирует критику Фахреддина в адрес сочинения признанного татарского богослова Шихабуддина Марджани. Фахреддин рассматривает вопросы вероубеждения ученого Ибн Таймии, которого некоторые обвиняли за его утверждения о телесности Бога и нахождении Его в конкретно определенном месте, а также за запрет посещать могилу пророка Мухаммада. По мнению автора статьи, Фахреддин, тщательно изучив его книги, приходит к выводу, что ученого оклеветали и неправильно поняли. В защиту этой позиции приводятся аргументы и слова других ученых.

Чувствуя ответственность за свой народ и, вероятно, понимая, что в условиях индустриализации и модернизации общества требуются новое сознание и новый образ мыслей, Фахреддин пишет в том числе художественные произведения, а также выпускает целую серию сочинений о воспитании. Среди работ по воспитанию и нормам поведения: «Тэрбияле ана» («Воспитанная мать»), «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок») и «Шәкертлек адабе» («Поведение шакирда»), «Тәрбияле хатын: хөрмәтле галимнәр әсәреннән җыелды. Һәрбер өйдә вә һәрбер хатын кулында бу китаптан бер данәсе булырга тиешледер» («Воспитанная женщина: собрано из произведений уважаемых ученых»). Среди художественных сочинений – «Сәлимә» («Салима»), «Әсма» («Асма»), в которых автор выступает сторонником приобщения народа к достижениям европейской культуры, поднимает проблему эмансипации женщины. Альфат Закирзянов в своей статье на примере этих повестей прослеживает тесную связь между общественными изменениями и судьбой женщин; в них исламские ценности изображаются в тесной взаимосвязи с русско-европейскими достижениями. В центре Вселенной у Фахреддина оказывается нравственный, образованный и воспитанный человек, радеющий за интересы народа. По мнению автора статьи, в действиях главных героев художественных произведений Фахреддина отражаются авторские религиозно-этические и философско-эстетические взгляды.

Выбор Фахреддином женщины в роли идеализированного героя неслучаен. В целом осознавая огромную роль женщины в жизни общества, Фахреддин видит в женщинах «матерей нации», задача которых – воспитать новое поколение, достойных «сынов нации». Поэтому в условиях эмансипационных процессов второй половины XIX – первой половины XX вв. в мире и в российском обществе, он также выводит в своих работах

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»

татарскую и мусульманскую женщину на первый план. Важным шагом в этом направлении стало его биографическое сочинение «Мәшһүр хатыннар» («Знаменитые женщины»), посвященное известным мусульманским женщинам. На упомянутом сочинении в своей статье останавливается Алсу Хасавнех. Автор рассматривает две версии этого произведения, первая из которых — печатная книга, изданная в Оренбурге в 1904 г.; вторая — рукописный список, датируемый 1934 г. В статье автор исследует структуру печатной книги, особенности и примечательные стороны ряда разделов «Мәшһүр хатыннар». Также в статье дается перевод биографии одной из ярчайших представительниц татарской нации — Гафифы Тунтарии.

Сочинение «Мәшһүр хатыннар» – не единственная работа подобного рода. Заслуга Фахреддина – в том, что он в целом уделяет большое значение исторической научной работе. Он создает целую «серию» биографических сочинений, где рассказывает о важной роли выдающихся мусульманских деятелей: наряду с «Мәшһүр хатынар», его перу также принадлежат сочинение «Мәшһүр ирләр» («Знаменитые мужы») и получивший наибольшую известность биографический труд «Acap», где на основе материалов метрических книг Фахреддин сумел восстановить биографии, точные даты рождения и смерти и родословные видных людей, ученых и имамов. Важными источниками для этих работ стали метрические книги, которые, как отмечает Эльмира Салахова в своей статье, сохранились во многом благодаря стараниям Фахреддина. В статье анализируется роль метрических книг в качестве источников для научных исследований, рассматривается степень использования метрических книг ученым-исследователем Фахреддином в своих работах, а также источниковедческие возможности этих документов в раскрытии целого ряда научных тем. Также автор статьи обращается к автобиографии Фахреддина, содержащей много выписок из метрических книг членов его семьи и близких родственников.

Рамзия Абзалина в рубрике «Документы» описывает коллекцию личных вещей Фахреддина в фондах Национального музея РТ, приводит информацию о приобретении этой коллекции музеем.

Завершает номер статья-обзор произведений Ризаэддина Фахреддина, опубликованных в 2018–2020 гг.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press, 2006.

Garipova R. Married or not Married? On the Obligatory Registration of Muslim Marriages in Nineteenth-Century Russia // Islamic Law and Society. 2017. № 24. Pp. 112–141.

Сартори П., Шаблей П. Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

Сведения об авторах:

Марданова Динара Замировна — научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); dinara.mardanova@gmail.com

Гайнанова Миляуша Рамилевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); mgaynanova@gmail.com

Поступила 20.10.2020 Принята к публикации 11.11.2020 Опубликована 25.11.2020

RIZAEDDIN FAKHREDDIN: A REFORMER AND A "NETWORK MANAGER"

D.Z. Mardanova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation dinara.mardanova@gmail.com

M.R. Gaynanova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation
mgaynanova@gmail.com

In an introductory article to the thematic issue "Rizaeddin Fakhreddin: a Reformer and a 'Network Manager'" we attempt to look at the religious, social, publishing, scientific, and literary legacy of Rizaeddin Fakhreddin in the light of his participation in the construction of Muslim public space within Russian society.

Keywords: Muslim reformism, Russia, 19th Century, Rizaeddin Fakhreddin

For citation: Mardanova D.Z., Gaynanova M.R. Rizaeddin Fakhreddin: reformator i "setevoy menedzher" [Rizaeddin Fakhreddin: a Reformer and a "Network Manager"]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 198–205. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.198-205

REFERENCES

Crews R. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press, 2006. (In English)

Марданова Д.З., Гайнанова М.Р. Ризаэддин Фахреддин: реформатор и «сетевой менеджер»

Garipova R. Married or not Married? On the Obligatory Registration of Muslim Marriages in Nineteenth-Century Russia. *Islamic Law and Society*, 2017, no. 24, pp. 112–141. (In English)

Sartori P., Shabley P. *Eksperimenty imperii: adat, shariat i proizvodstvo znaniĭ v Kazakhskoĭ stepi* [Empire Experiments: Adat, Sharia and Knowledge Production in the Kazakh Steppe]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. (In Russian)

About the authors:

Dinara Z. Mardanova is a Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); dinara.mardanova@gmail.com

Milyausha R. Gaynanova is Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); mgaynanova@gmail.com

Received October 20, 2020 Accepted for publication November 11, 2020 Published November 25, 2020

Публикации

Фахреддин и Магометанское духовное собрание

УДК 930.85

РОЛЬ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА В РЕФОРМЕ МУСУЛЬМАНСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Р. Гарипова

Назарбаев Университет Нур-Султан, Казахстан rozaliya.garipova@nu.edu.kz

В конце XIX – начале XX вв. мусульманские общины в разных частях мира столкнулись со схожей проблемой – неспособностью женщин получить развод после исчезновения их мужей, которые могли пропасть без вести, исчезнуть или не вернуться по разным причинам. Эти женщины, лишенные средств к существованию (нафака), не могли обеспечивать себя материально, а также вновь выйти замуж. В этой статье рассматриваются ответы российских мусульманских ученых (улемы) на эту проблему, собранные видным исламским ученым Ризаэддином Фахреддином в сборнике «Мутала а». Проблема развода в волго-уральском мусульманском обществе была тесно связана с вопросом религиозного авторитета. Поэтому инициатива Фахреддина была направлена не только на решение проблем женщин, но и на решение структурных проблем, появившихся в XIX веке и связанных с религиозным авторитетом и применением шариата. Я утверждаю, что сборник юридических мнений «Мутала а» был одновременно попыткой найти окончательное решение проблемы развода женщин и инструментом укрепления правового авторитета улемов.

Ключевые слова: развод с пропавшими мужьями, фетва, мусульмане Волго-Уральского региона, Ризаэддин Фахреддин, религиозно-правовой авторитет

Для цитирования: Гарипова Р. Роль Ризаэддина Фахреддина в реформе мусульманского семейного права в Российской империи // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 206–224. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.206-224

Фахреддин, респонденты и источник ^{I} . Ризаэддин Фахреддин наиболее известен как редактор популярного реформистского журнала «Шура» и как автор многотомного биографического словаря религиозных деятелей региона «Асар». Также он принимал участие в мусульманских конгрессах первой четверти XX века и занимал должность муфтия Центрального духовного управления мусульман в 1918–1936 гг. Наряду с этим, малоизвестными остаются его инициативы по решению супружеских проблем мусульманских женщин Волго-Уральского региона. Несмотря на существование нескольких исследований его литературных работ, посвященных женскому вопросу, в целом его роль как защитника женских прав до настоящего времени остается слабо изученной темой². По-прежнему недостаточно исследована его деятельность на должности кади Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС) с начала 1891 по 1905 гг. В связи с этим интерес представляют не только его взгляды на «женский вопрос» в литературных трудах, но и его деятельность, направленная на улучшение положения женщин. Эта деятельность нашла свое отражение в работе Фахреддина «Мумала 'а» (Фэхреддин 1897).

Будучи кадием ОМДС, Фахреддин имел возможность ознакомиться с многочисленными прошениями женщин, полученными из разных мест Поволжья, Урала и Западной Сибири, находящимися под юрисдикцией этого учреждения⁴. Как кади он отвечал за рассмотрение и разрешение дел, связанных с супружескими и наследственными спорами. На регулярных заседаниях ОМДС, зафиксированных в журналах присутствия Оренбургского магометанского духовного собрания, кадии рассматривали жалобы по семейным и наследственным делам и в зависимости от характера дела решали его дальнейшую судьбу. По каждому делу в журнал присутствия вносилась запись с кратким описанием этого дела, а также информация об ответственном, отвечающем за его разбор и итоговое решение. В 1890-е годы со всей Российской империи от мусульман приходили многочисленные письма о решении семейных и наследственных споров. Особенно много писем поступало от женщин, отправлявших прошения о разводе, о разрешении на повторный выход замуж или о разрешении на выход замуж по собственному желанию, также присылались жалобы на жес-

¹ Я выражаю благодарность Институту Кеннана (Вашингтон, Ди-Си) за предоставление первой учрежденной в 2016 году стипендии имени Джеймса Биллингтона, которая дала мне возможность работать над этим важным источником.

 $^{^2}$ Фахреддин написал ряд важных работ о женщинах, среди которых «Сәлимә, яки гыйффәт», «Әсма», «Тәрбияле ана», «Гаилә», «Мәшһүр Хатыннар».

³ Он служил в качестве кадия с февраля 1891 по 1905 гг. В 1905–1906 гг. он начинает свою журналистскую карьеру с основания «*Шура*». Подробнее см. (Ризаэддин Фэхреддин 1999).

⁴ По обращению мусульманских женщин в ОМДС по вопросам, касающимся развода со ссыльными или пропавшими без вести мужьями, и как работали российские имперские законы, затрагиваемые в этих случаях, см. (Garipova 2020).

токое обращение со стороны мужей. Среди прошений о разводе особое место занимали дела по сосланным (наф'и) или пропавшим (га'иб уланларның) мужьям. В последние десятилетия XIX в. число ходатайств женщин о разводе и разрешении на повторный брак в сравнении с предыдущими годами резко возросло (көннән-көн артып вә күбәеп), что и побудило Фахреддина подготовить сборник «Мутала 'а» (Фэхреддин 1897: 25).

3 сентября 1896 г. Фахреддин разослал имамам и ахундам, улемам под юрисдикцией ОМДС, письма, в которых спрашивал их мнения о своем предложении. Он предлагал облегчить положение женщин, обращавшихся в ОМДС с просьбой расторгнуть (ϕ асх) их браки в связи с пропажей их мужей. Ответное письмо Фахреддин просил прислать до января 1897 г.

Собрав ответы улемов из разных частей Российской империи, Фахреддин составил сборник «Мөталәга (Мутала а): Идарә-и Исламия Ырынбургыя үзәренә галимләремез тарафындан никах хосусында язылмыш әфкярләрнең холясасы жәмегь иделмеш рисаләдер» («Размышление: сборник мнений улемов по вопросу о браке, направленных в Оренбургское духовное собрание»), включивший в себя 63 правовых заключения (Фәхреддин 1897). Первая часть книги посвящена обсуждению важности данной проблемы и разъяснению проекта, предложенного Фахреддином. Далее рассматриваются мнения улемов о его целесообразности.

При анализе *Мутала 'а* меня интересовали ответы на следующие вопросы: чем важен этот сборник? Что он говорит о Фахреддине как ученомправоведе и как члене ОМДС? Какая проблема с правовым авторитетом улемов Волго-Уральского региона конца XIX — начала XX вв. побудила Фахреддина инициировать дискуссию на всероссийском уровне и обратиться к имамам и *ахунд*ам из разных городов и провинций с просьбой высказаться и предложить варианты решения? Я предполагаю, что Фахреддин преследовал две цели. Во-первых, очевидно, что он не просто хотел найти решение данного вопроса, он использовал эту коллективную фетву как инструмент для реформы мусульманского семейного права. Во-вторых, через решение этого вопроса он затрагивал проблемы, связанные с религиозным авторитетом и функционированием шариата в Российской империи.

Фахреддин включил в *Мутала 'а* правовые мнения 63 исламских ученых из разных уголков Российской империи. Из них двадцать один человек подписался как *ахунд* и *мударрис*, двадцать три — как *ахунд*, один — как армейский *ахунд* (*'аскари ахунд*), один — как административный *ахунд* (*мулкия ахунды*), четырнадцать — как имам и *мударрис* и три — как имам. Таким образом, из 63 респондентов сорок шесть имели звание *ахунда*, а семнадцать — имама. Тридцать пять респондентов были учителями медресе (*мударрисы*). Фахреддин включил в сборник мнения ученых из следующих российских городов и деревень: Казани, Уфы, Оренбурга, Стерлитамака, Петропавловска, Верхнеуральска, Семипалатинска, Томска, Петербурга, Москвы, Пензы, Орска, Троицка, Челябинска, Самары, Симбирска, Буинска, Ханской ставки, Мензелинска, Мамадыша, Бугульмы, Новоузенска, Ставрополя и некоторых

других. Часть ответов были подписаны именами нескольких ученых, что указывало на коллективное обсуждение этого вопроса улемами, в ходе которого они выработали общее мнение. Также в *Мутала 'а* Фахреддин включил ответы известных *ахунд*ов, среди которых были московский *ахунд* Хайр ал-Дин ибн Аги, бугульминский *ахунд* Гилман бин Ибрахим ал-Карими, а также мнение имама и *мударрис*а села Тунтар — Ишмухаммада бин Динмухаммада. Двадцать из этих 63 ученых упоминаются в *Асаре* Фахреддина, крупнейшем сборнике биографий известных религиозных деятелей региона. После публикации *Мутала 'а* волго-уральские улемы не прекратили слать Фахреддину свои мнения по этому вопросу; новые письма были опубликованы во втором сборнике в 1901 г. 5

Признание проблемы. Чрезвычайное беспокойство Фахреддина вызывали брошенные жены, оставленные без средств к существованию. В своей работе он подчеркивал, что члены ОМДС были обеспокоены количеством петиций женщин, оставшихся без попечения мужей. По словам Фахреддина, такие несчастные браки имели серьезные социальные последствия:

«Российская империя развивалась, дальние путешествия становились проще, нередко это приводило к росту числа мусульман, покидавших свои дома в поисках лучшего дохода (кәсеб вә эш). Других же ссылали в Сибирь за совершенные ими преступления. Большинство из этих мужчин не могли обеспечить должное содержание (нафака) своим женам. Более того, некоторые из них даже не сообщали женам о своем новом местонахождении. Если человек умирал, жена могла даже не получить об этом известия. Часть таких жен с малолетними детьми на руках были вынуждены ходить из деревни в деревню, прося милостыню. Эти женщины ходатайствовали о расторжении своих браков (ϕ acx)» (Фехреддин 1897: 25).

⁵ Худжат Махмудов. Хөжжэт эл-Хэким б. Дэут эл-Мэхмуди. Интикад алаквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та ик. Казан, Типография Императорского Университета, 1901. Спасибо анонимному рецензенту за информацию об опубликованном варианте рукописи Интикад ал-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та лик. Подробнее см. (ОРРК К(П)ФУ). Рукопись данного произведения состоит из 214 фолио под названием Интикад ал-аквал би ал-тахкик фи таджвиз ал-никах би ал-та лик [«Критическое рассмотрение утверждений, касающихся исполнения брака при определенных условиях»]; я рассмотрю ее в отдельной статье. Данный сборник включает в себя переписку Фахреддина с известным сибирским имамом и мударрисом Худжжат ал-Хакимом бин Дауд ал-Махмуд улы по данному вопросу, еще несколько ответов от разных имамов, ответы двух муфтиев (муфтия Таврического духовного собрания и муфтия Закавказья), а также длинный список исламских источников на эту тему. В этой рукописи Фахреддин выражает благодарность Худжжату ал-Хакиму за проявленный интерес к чтению ответов улемов, полученных Фахреддином после публикации «Му*тала 'а*», и к подготовке этих ответов к публикации.

Несмотря на то, что некоторые прошения были необоснованны, большинство из них правдиво описывали жалкое положение (мэзлум во кызганыч хэлдо) женщин, оказавшихся без мужей в «брачной» ловушке, — уточняет Фахреддин. Отсутствие возможности у женщины развестись и повторно выйти замуж было настоящим бедствием для мусульманской общины. Столкнувшись с резким ростом числа подобных прошений, ОМДС приняло решение «срочно принять во внимание и решить этот вопрос»⁶.

Несколько имамов из числа опрошенных признали актуальность этой проблемы. Например, *ахунд* и *мударрис* Дийа' ал-Дин бин ал-Мавлави Джалал ал-Дин из деревни Ша'ай Мензелинского уезда призвал пересмотреть (*иджетихад*) исламское право, чтобы помочь женщинам, чьи мужья не предоставляют содержание:

«Не только пропавшие мужья, но даже и мужчины, живущие со своими семьями, не обеспечивают их содержанием и проводят свои жизни в разврате. Чтобы спасти себя и своих детей, женщины вынуждены отказываться от своего имущества и состояния, чтобы откупиться от мужей, прибегающих к домашнему насилию. Эти женщины просят о разрешении на хул , так как они не имеют возможности получить $maлak^8$; таким образом, они отказываются от прав, которые предоставляются им шариатом (шари 'а). Такое жестокое обращение с женщинами никоим образом не соответствует духу шариата (шари 'а). Хотя в большинстве случаев мужчины виновны в неисполнении супружеских обязанностей (нушуз), в метрических книгах крайне редки записи талака, большинство составляют записи хул '. Я боюсь, что мы все будем нести ответственность за такие решения, которые противоречат шариату и человечности. Поэтому имамам необходимо провести переосмысление (иджтихад) законов шариата, чтобы защитить права женщин» (Фэхреддин 1897: 29-30).

Муса бин Фатхаллах, служивший имамом и *мударрисом* в деревне Ахунд, неподалеку от Вирхурала (Верхнеуральск), также указывает на ущемленное положение женщин и их незащищенность в браке по текущему толкованию исламского права. В течение двадцати трех лет своей службы он своими глазами видел насилие, которому подвергались женщины. У некоторых из них пропадали мужья, и, не имея возможности прокормить семью, женщинам приходилось жить с другими мужчинами

⁶ Там же.

⁷ Развод, инициированный женой по взаимному согласию с мужем; буквально означает «выкуп», другими словами, развод в обмен на денежную компенсацию, которую жена должна выплатить мужу.

⁸ Расторжение брака, совершаемый мужем путем троекратного повторения слова «талак», что представляет собой формальный отказ от брака со своей женой (безвозвратный развод).

или даже заниматься проституцией. Некоторые из них имели родственников, но те зачастую очень неохотно соглашались приютить и обеспечивать их. Жизнь женщин, не имеющих возможности повторно выйти замуж, была несчастной - «даже некоторые животные жили лучше, чем эти женщины». Более того, продолжал он, «когда мужчина брал вторую жену, обычно он начинал плохо обращаться с первой. Муж мог отослать ее к родителям и больше никогда не принимать ее в качестве супруги. Если она просила о пропитании или разводе, он отказывал. Таким женщинам ничего не оставалось, кроме как влачить жалкое существование в горе и муках. Даже когда жены были обходительны со своими мужьями, некоторым из них все равно приходилось терпеть жестокое обращение. Единственным способом женщин избавиться от такого положения была возможность потребовать хул а, то есть пожертвовать своим имуществом. Таким образом, хотя обычно именно мужчины не выполняли свои супружеские обязанности (*нушуз*), права женщин были незащищены». Мусаа ибн Фатхаллах утверждал, что имамы, не препятствовавшие совершению мужчинами таких жестоких поступков, сами становились соучастниками (Фэхреллин 1897: 32).

Ахунд и мударрис Бурхан ал-Дин Наср ал-Дин улы из деревни Дийа'баш, расположенной неподалеку от Синекли (Ульяновск), был свидетелем того, как мужчины, приехавшие работать на фабрику в его деревню, брали местных женщин в жены, а когда работа заканчивалась, бросали их, не заботясь о содержании (нафака) своих супруг. Бурхан ал-Дин заявил: «В нашей стране замужние женщины, не получающие пропитание от своих мужей и у которых есть дети или другие иждивенцы, находятся в неопределенном состоянии (калму 'аллика). Многие женщины остаются беспомощными ('аджиз) и находятся в разврате, так как повторный брак им недоступен». Он отметил, что вместе с другими улемами знал об этой проблеме и они рассматривали возможность предоставления женщинам права на условный развод (амр би-л-йад) во время церемонии бракосочетания. Однако эта идея, не получив одобрения ОМДС, была отклонена (Фэхреддин 1897: 26–28).

Ахунд Мухаммад Шафи Мухаммад Шариф улы из деревни Урки-Ирмат Стерлитамакского уезда в своем ответе также затронул многочисленные болезненные темы:

«В наше время улемы не в состоянии обеспечить достаточно надежные решения для новых религиозных (шариатских) вопросов. Люди не обращают внимания на мнения улемов, и широко распространяются невежество и моральное разложение. Они не только не выполняют обязательных религиозных требований (фард и ваджиб), но даже не знают о существовании этих обязательств. В связи с этим в нашей стране часто нарушаются супружеские права (хукук завджиййа). Мужчины ожидают от своих жен служения, не являющегося обязательным согласно исламскому закону и обычаю (када' вә

дийанат лазым булмаган хезмәтләрне), и считают принуждение женщин выполнять такое служение «хорошим обычаем» ('adam xaсана). Более того, многие мужчины бесстыдно притесняют и бьют своих жен, что противоречит написанному в Коране. Жениться на женщине, а затем развестись с ней, забрав все ее имущество, стало для таких мужчин своего рода доходом (бер сәудә хөкүменә *оверелде*). Многие мужчины берут себе вторую и даже третью жену, хотя знают, что не выполнили своих обязательств по отношению даже к первой. Нет никаких сомнений в том, что такие вещи запрещены (харам) и не соответствуют шариату. Молодые женщины, чьи мужья исчезли, не оставив им средств к существованию, вынуждены бродить по улицам и базарам, а также в сомнительных местах (мавади тохмат). Это, в свою очередь, ведет к бедствиям и хаосу (фитна ва фасад). Поскольку они не могут получить развод от своих мужей и у них нет другого выбора, они начинают жить с кем-то в блуде. Я сам направил несколько таких дел на рассмотрение Оренбургского Собрания» (Фэхреддин 1897: 55-57).

Фахреддин и его решение: правовое заимствование и маслаха. В своем проекте Фахреддин предложил два пути решения этой проблемы. Одно из решений состояло в том, чтобы заключать браки с условиями брачного контракта, который включал бы в себя следующие пункты:

- 1. Муж не должен находиться в другой провинции более года без обеспечения финансами (нафака) своей жены.
- 2. Если муж приговорен к ссылке (*нафи ителсъ*), он должен развестись со своей женой до отъезда.
- 3. Муж не должен бить (кыйнамас) свою жену, употреблять алкоголь или оставлять ее без финансовой поддержки.
- 4. Муж не может взять вторую жену, если он не в состоянии финансово обеспечивать первую.

Если одно из этих условий нарушается — женщина может получить развод. Фахреддин закончил свое вступление двумя вопросами к волго-уральским улемам. Во-первых, уместно ли (мувафик) заключать браки с супругами по договору, наделявшему женщину правом объявить о безвозвратном разводе (талак ба'ин) в присутствии местного приходского имама, если одно из вышеперечисленных условий было нарушено? Вовторых, законно ли по шариату (шар'и) требовать от имамов заключать браки с оговоренными условиями? Также Фахреддин спросил имамов и ахундов об альтернативных методах, которые могли бы облегчить развод жен со ссыльными и пропавшими мужьями.

Подробнее брачный договор будет рассмотрен в другой статье; здесь же я планирую рассмотреть вопрос заимствования мнений, применяемых в других *мазхаб*ах (шафиитском и маликитском), где предоставляются более широкие права на развод. В частности, развод допускается при дли-

тельном оставлении жены, при отсутствии обеспечения ей материальной поддержки или в случае насилия (Ali 2006: 27)⁹. Волго-Уральский регион и Западная Сибирь были регионами, где исторически преобладал ханафитский мазхаб. Неизвестно, как решался данный вопрос в регионе, но в целом у ханафитов сложилось отрицательное отношение к практике разводов, что отличало эту исламскую правовую школу от других¹⁰. Отсутствие мужа не рассматривалось как основание для развода; считалось, что жена пропавшего должна ждать его возвращения. Фахреддин объяснял неприятие разводов ханафитами тем, что «аннулирование таких браков являлось бы вынесением решения в ущерб (дарар) пропавшему лицу; соответственно, причина для аннулирования таких браков, по ханафитскому мазхабу, оказывалась сомнительной (муджиб тараддуд ва исхтибах)» (Фэхреддин 1897: 23). Поэтому в качестве решения он предложил использовать юридические заключения других мазхабов, подчеркнув, что ОМДС, в принципе, не против такого подхода:

«Идара' Исламийа (Оренбургское мусульманское духовное собрание) не обязывала решать этот вопрос в соответствии с ханафитским мазхабом. Поскольку имамы [в России] являются не кадиями ханафитского мазхаба, а просто исламскими судьями (шәригать казыйлары), они могут принимать решения, основанные на любом мазхабе» (Фәхреддин 1897: 23).

Следуя этому утверждению, Фахреддин обосновал свое решение принципом *маслаха*. *Маслаха*, как наглядно продемонстрировал Фелицитас Опвис, использовалась юристами на протяжении всей истории для «подстраивания» под социальные изменения. Часто переводимый как «общественный интерес», этот термин буквально означает «причина или источник чего-то хорошего или полезного», также возможен перевод «социальное благополучие» (Орwis 2007: 62). В конце XIX и начале XX вв. реформаторски настроенные юристы, такие как Джамал ал-Дин ал- Касими и Рашид Рида, использовали *маслаха* для обоснования желаемых реформ¹¹.

_

 $^{^{9}}$ Фахреддин также предложил ввести практику заключения брачного договора, что будет описано в отдельной статье.

¹⁰ Существует пример, когда *ахуно* Уруви разрешил развод на основании непредоставления средств к существованию.

¹¹ Как объясняет Опвис, в то время как *маслаха* исторически имела различные модели и значения, ал-Касими и Рида использовали модель *маслаха*, предложенную ханбалитским правоведом XIV века Наджм ад-Дином ал-Туфи (ум. 1316), который понимал *маслаха* как «цель закона и независимое мерило получаемых решений». Не включив *маслаха* в формальные процедуры, он стал почти исключительным рационалистом. «Модель ал-Туфи предоставила юристам легко применимые средства для расширения и адаптации закона, используя *маслаха* в качестве юридического указателя в своем собственном праве». «Придание юридической определенности результатам содержательных рассуждений позволило му-

Подобно ал-Касими и Риде, Фахреддин обращался к принципу *маслаха* для изменения определенных аспектов семейного права¹².

Более того, Фахреддин стремился провести правовые изменения на широком общеимперском уровне, а не только в одной махалле. Он хотел, чтобы другие имамы и ахунды переняли метод заимствования в качестве обыденной практики, и поэтому утверждал, что заимствование следует рассматривать как маслаха, то есть общественную пользу для общего блага. Помощь женщинам, оказавшимся в бедственном положении, облегчение их тягот, предоставление возможности на развод и повторное замужество – все это маслаха. Однако, по его мнению, такое заимствование (интикал) допустимо только тогда, когда этого требует ситуация, когда в этом есть необходимость (дарура), а не подряд во всех случаях. Заимствование не должно осуществляться с легкостью, оно не запрещено только в случае, если оно не умаляет ценности шариата. По мнению Фахреддина, когда заимствование используется для поиска решения проблемы, когда иджтихад совершается с этой целью, тогда метод заимствования полезен и приравнивается к маслаха. Таким образом, сам процесс заимствования был общественной пользой (маслаха). По мнению Фахреллина, заимствование подходов из другой правовой школы для получения развода «облегчит жизнь женщин, облегчит их страдания и решит более масштабную проблему общества» (Opwis 2007).

Около пятнадцати ученых из числа опрошенных высказались за допустимость заимствования или за применение правовых мнений других мазхабов. Из 63 ученых лишь несколько не особенно благосклонно отнеслись к практике заимствования из других мазхабов. Так, Мирзаа Захид бин 'Абд ал-Кадир из деревни Сафакул, расположенной неподалеку от Челябинска, утверждал, что «поскольку необеспечение жены не является причиной развода в нашем мазхабе, мы не можем считать это уместным и не знаем других способов развода; эти меры [развод и брак по контракту] станут началом пути по развращению женщин» (Фэхреддин 1897: 43). По аналогичным причинам имам и мударрис Мухаммад бин Мухаммад Али из Мамадышского уезда считал, что заимствование у другого мазхаба невозможно и даже запретно (Фэхреддин 1897: 34).

_

сульманским юристам обосновать *маслаха* в качестве критерия для вывода решений без процедуры юридической аналогии. *Маслаха* стала пониматься как независимый стандарт, выведенный из богооткровенного закона и познаваемый человеческим интеллектом на основе конкретных объективных критериев. В этой интерпретации концепция *маслаха* включает в себя как мутазилитскую, так и ашаритскую позиции о том, как достичь знания морали».

¹² Фахреддин знал о работах и мнениях Рашида Риды, состоял с ним в частой переписке и публиковал свой собственный журнал «Шура» по примеру «ал-Манара». Он также написал биографию Рашида Риды. Подробнее см. (Dudoignon 2006); (Sadeh 2020).

Большинство респондентов, поддержавших допустимость заимствования из других мазхабов, положительно отнеслись к заимствованию в решении вопроса об облегчении получения женщинами развода. Вторя инициативе Фахреддина, они предложили разводиться нуждающимся женщинам на основе предписаний шафиитского, ханбалитского или маликского мазхабов. Например, 'Абидуллах бин 'Абд ал-Хаким из деревни Мидяк Челябинского уезда предложил назначать представителей для ссыльных мужей, которые брали бы на себя ответственность за обеспечение нафака. При отсутствии такой возможности женщинам будет трудно жить без мужей, поэтому имамы не должны препятствовать разводу. В таких случаях «кадии-шафииты и кадии-ханбалиты могут давать развод женам ссыльных. Если таких кади нет, ханафиты могут судить по постановлениям другого мазхаба. В действительности существует фетва, которая позволяет следовать маликитскому мазхабу в случае пропажи мужей» (Фэхреддин 1897: 47–48). Вслед за ним, другие ученые подчеркивали, что правильно аннулировать брак (тафрик), используя мнения другого мазхаба (накл мазхаб), и что во времена, когда это необходимо, заимствование из другого мазхаба приемлемо (Фәхреддин 1897: 44–47, 50–51).

Хотя большинство респондентов согласились следовать другому мазхабу в решении рассматриваемого вопроса, возникли разногласия о точной процедуре заимствования мнений у других мазхабов. Многие опасались, что начнется злоупотребление этим принципом. Некоторые предложили назначать шафиитского представителя (на 'иб). Мухаммадджан бин Кадир Мухаммад из деревни Нуркай Мензелинского уезда предложил составить фетву, основанную на мнении имама Малика об отсутствующих мужчинах и преступлениях, которые находились в рассмотрении. Что касается случаев необеспечения жены средствами, то было бы уместно и полезно назначать представителя шафиитов в помощь к ханафитскому ка- ∂u для расторжения брака (ϕacx) (Фэхреддин 1897: 36–37). Другие улемы с разной степенью оговорок также говорили о назначении шафиитского на иба (Фэхреддин 1897: 37-38, 60). Только один имам, Джамал ал-Дин Сайф ал-Дин, счел ненужной эту меру, потому что, по его утверждению, каждый имам мог бы просто непосредственно заимствовать постановление у другого мазхаба (Фэхреддин 1897: 50-51).

Вопрос о назначении шафиитского *на 'иб*а вызвал наиболее жаркие споры, коснувшись более крупной проблемы, которая обсуждалась в регионе в течение уже нескольких десятилетий — вопрос о религиозном авторитете. Другими словами, возможность развода по шафиитским постановлениям была глубоко связана с трансформацией религиозного авторитета, которую улемы переживали в Российской империи в XIX в.

На'иб, ОМДС и проблема религиозного авторитема. В своем письме к улемам Фахреддин рассматривал вероятность назначения представителя из шафиитов при исламских судах ОМДС в системе Российской Империи. Больше всего его беспокоил вопрос о том, сможет ли ОМДС

институционализировать эту должность и согласятся ли имамы разрешать развод женщинам под таким «принуждением». По его мнению, «даже если Садр ал-Шари'а Хазратларе¹³ говорит о допустимости назначения представителя шафиитов (на 'иба) в случае необеспечения женщины и вынесения решения в пользу расторжения брака (фиркат), то для ОМДС ввести такое правило было бы немыслимым (ижра' во дустур ал-амал ойламак Идаро-и исламия вчен мутасавир тугелдер)» (Фохреддин 1897: 23). Пытаясь прояснить это, Фахреддин утверждал:

«Пока государственные законы издаются так, как это делается сейчас, Оренбургское собрание не может назначить представителя шафиитов по причине отсутствия в государственных законах о мусульманах положения о такой религиозной позиции, как на иб. Даже если бы такое положение существовало, им мог бы стать только ктото из числа имамов махалли. Однако махаллинские имамы действуют в своих махаллях не как представители (на иб), они обладают независимой юридической властью (мөстәкыйльләрдер). Назначение имамов не входит в компетенцию ОМДС – имамы избираются общиной махалли и утверждаются губернскими властями. Если община махалли изберет шафиитского имама и потребует от властей утвердить его, то это, возможно, поможет решению таких проблем. Это предлагал Садр ал-Шари а. Однако мы считаем, что назначение тысяч шафиитских имамов невозможно. Более того, даже если Садр ал-Шари'а, обосновал свое объяснение правилом, что "у простых людей нет мазхаба; как бы фетву ни произносили – это и будет их мазхаб", мало кто принял бы ee» (Фэхреддин 1897: 23-24).

В этом разъяснении он поднял много противоречивых вопросов, возникших в результате трансформации религиозной власти и функционирования шариата в регионе. Существовали государственные указы, которые определяли различные аспекты мусульманской жизни и были реальностью, с которой необходимо было мириться. Если мусульмане хотели узаконить такую должность *на'иб*а, то нужен был государственный указ. Кроме того, Фахреддин затронул проблемный вопрос о махаллинских имамах и *ахунд*ах как независимых шариатских экспертах. Поскольку ОМДС уже осуществляло контроль над улемами, вопрос состоял в том,

¹³ Садр ал-Шари а Хазратларе — известный правовед, автор руководства по фикху, который был одним из самых популярных в Волго-Уральском регионе в XIX веке. Шарх Викайа — это комментарий к 'Викайат ал-Ривайа фи Маса'ил ал-Хидайа' (написанный его дедом Махмудом ибн Садр ал-Шари'а (ум. 1346)), который, в свою очередь, был комментарием к Хидайе ал-Маргинани. 'Убайдаллах ал-Махбуби был выдающимся ученым в области естественных наук, религии и права. Он умер в Бухаре. В книге описываются ежедневные практики мусульманина в соответствии с ханафитским мазхабом.

кто из махаллинских имамов может занимать подобную должность. Он также подчеркивал, что не существовало никакой возможности найти и назначить множество шафиитских имамов, поэтому этот вопрос должен решаться именно через ОМДС. Неясно также, каким образом ОМДС могло добиться юридического признания такой позиции как *на 'иб* на государственном уровне. Наконец, даже если мусульманам удастся создать такую должность, согласятся ли махаллинские имамы пользоваться этой возможностью, чтобы давать развод женщинам?

Один из вопросов, беспокоивших *ахунд*ов и имамов, состоял в том, где найти человека, способного действовать в качестве шафиитского *на иб*а в ханафитском регионе. Другими словами, кто будет шафиитским *на иб*ом и как получить разрешение от государства на такое назначение? Этот вопрос наряду с другими поднял Ахмад Вали бин Тухфатуллах из Петропавловска, представлявший улемов своего региона.

«... назначение шафиитского или ханбалитского кади зависит от того, сможем ли мы найти таких людей и получит ли человек, который может их назначить, разрешение на это. Однако в нашем регионе таких людей мало, и непонятно, кто может их назначать. Если Махкама-и Исламийа позволит принимать решения на основе других мазхабов и если она увеличит правомочность улемов принимать эти решения [по этим вопросам], это уменьшит угнетение и жестокость» (Фэхреддин 1897: 38–39).

Ахмад Вали бин Тухфатуллах недвусмысленно подчеркивал наличие структурных ограничений. Найти такого ученого было недостаточно, и даже в случае обнаружения требовалось его официальное назначение. Его слова также предполагали, что этот вопрос в равной степени зависел бы от компетенции ОМДС, его способности выносить решения на основе других мазхабов, а также действий, которые бы обязывали улемов принимать вынесенное решение. Вопрос о независимом юридическом авторитете нашел большой резонанс в других ответах, собранных в Мутала 'а. Реакция улемов была неопределенной. С одной стороны, некоторые из них полагали, что им необходимо иметь больше свободы в решении семейных проблем. С другой стороны, они признавали, что ОМДС должно осуществлять некоторый контроль и руководить, когда это необходимо.

Некоторые из опрошенных прямо и косвенно поднимали вопрос о независимом юридическом авторитете приходских имамов. Их интересовало, в какой степени махаллинские имамы могут принимать решения самостоятельно, без вмешательства ОМДС. Хафмз ал-Дин Наср ал-Дин улы заявлял, что «в нашей стране каждый имам является кади в вопросах брака, развода, похорон и других обрядов в своей махалле, и каждый имам осведомлен о том, что происходит в его махалле» (Фэхреддин 1897: 27–28). Он подчеркивал, что махаллинские имамы, непосредственно знающие членов своей общины и их семьи, лучше всего подходят для решения этой проблемы (раз-

вода жен, у которых пропали мужья). Поэтому имамы должны иметь возможность самостоятельно расторгать такой брак. Таким образом, Наср ал-Дин улы утверждал, что каждый имам может принять независимое решение, основанное на его непосредственном знании людей, семей и их проблем внутри махалли, а значит, он может совершать свой собственный иджтихад, обусловленный конкретной ситуацией (там же).

Другие респонденты также подчеркивали важность независимости махаллинских *ахунд*ов и имамов. Джамал ал-Дин Сайф ал-Дин улы, например, утверждал, что махаллинские имамы в делах о разводе с такими мужчинами должны сохранять «полную автономию (*камиль мухтарийа*)» (Фэхреддин 1897: 50–51). По его мнению, махаллинские имамы могли бы аннулировать браки по просьбе тех женщин, которые остались без *нафака*, чьи мужья употребляют алкоголь или бьют их без причины.

«Правильность решений махаллинских имамов о разводе по причине отсутствия содержания женщины, а также вопрос о том, нужно ли следовать решениям других *муджтахидов*, не подлежат обсуждению, поскольку такое решение принимается тогда, когда в этом есть необходимость (дарура). Необходимость легитимизирует такие решения, что подтверждается айатами и хадисами. Кроме того, нет доказательства (далил), что умма нашего Пророка должна следовать определенному муджтахиду. Хорошо известно, что в случае необходимости можно заимствовать решения из другого мазхаба. Соответственно, нет необходимости назначать представителя шафиитов, маликитов или ханбалитов или их кади» (там же).

К 1890-м годам, когда велась эта дискуссия, религиозный авторитет имамов и ахундов уже был подорван, хотя институт ахундов как экспертов по шариатским вопросам еще не исчез14. Проблема религиозного авторитета махаллинских улемов (имамов и ахундов) началась после 1820-х годов, когда ввели функцию ОМДС по рассмотрению мусульманских семейных и наследственных споров. Если в 1820-е и 30-е гг. мусульмане лишь изредка обращались в ОМДС с петициями по вопросам брака, развода и наследования, то к середине столетия число петиций существенно возросло, а к 1870-м и 80-м гг. еще более выросло. Возможность обжалования решений своих махаллинских имамов снижала их авторитет в глазах простых людей. Недовольный решением имама мог обратиться в ОМДС с просьбой о пересмотре дела и попросить, чтобы его дело рассмотрел другой имам или ахунд. Таким образом, имамы и ахунды оказались в зависимости от прихотей прихожан. Кроме того, от них требовался отчет в ОМДС с деталями разбора каждого супружеского или наследственного дела. Такие отчеты сами по себе, возможно, не имели большого значения, однако позволяли ОМДС в определенной мере контролировать приход-

¹⁴ См. (Garipova 2018); (Spannaus 2013).

ских имамов и axyhdов. Ко всему прочему, если ОМДС получало прошение-жалобу от прихожанина, недовольного тем или иным решением улема, то члены ОМДС, как правило, требовали от улема подготовить объяснительный отчет. Это разрушало традиционную связь между имамом и его прихожанами, сделав первого более уязвимым. Такая уязвимость усиливалась при возникновении споров с несколькими сторонами, как например, в супружеских или наследственных делах, в случаях, когда какой-нибудь сельский житель затаивал обиду на приходского имама. Например, причиной для доноса мог служить брак несовершеннолетних, заключенный имамом, в отсутствии согласия семьи на этот брак. Кроме того, ОМДС контролировало соответствие решений имамов законодательству Российской империи и в некоторых вопросах, таких как развод жен ссыльных и пропавших мужей, запрещала улемам вообще иметь с ними дело. В ряде случаев ОМДС запрещало имамам выполнять даже традиционную функцию «проповеди добра, запрещения зла» или «вмешиваться» в жизнь простых мусульман, если те не просят об этом (там же).

Таким образом, цель Фахреддина была очень похожа на то, что Фелицитас Опвис описывал относительно использования *маслаха* Джамалал-Дином ал-Касими и Рашидом Рида. Согласно Опвису, эти реформаторски настроенные религиозные ученые «распространяли идею об использовании *маслаха* в те времена, когда авторитет традиционно образованных религиозных ученых начал рушиться»:

«В контексте инициированных государством программ по модернизации Османской империи и Египта светские реформаторы рассматривали религиозное право и его деятелей как фактор, замедляющий прогресс и препятствующий осуществлению административных и образовательных реформ. Чтобы сохранить или даже расширить значимость исламского права и тем самым свое собственное влияние, правоведы должны были доказать, что оно [право] способно удовлетворять потребностям современного общества и совместимо с целями современного государства. ...В то же время модель ал-Туфи [маслаха] не ставила под сомнение исламскую правовую герменевтику как таковую и не отвергала традиционное толкование Корана. Принятие этого закона не ставило под сомнение ни исламский характер закона, ни религиозное образование улемов. И ал-Касими, и Рида были традиционно образованными учеными, слабо знакомыми с западной образовательной традицией, оба являлись улемами и отождествляли себя с ними как с социальной группой. Они были направлены на реформирование исламского права изнутри, чтобы усилить его актуальность и укрепить положение улемов в обществе» (Opwis 2007: 71-72).

Фахреддин пришел к похожим соображениям. *Маслаха* стала бы полезным юридическим принципом для реформирования аспектов семейного права. Помимо этого, следовало бы сохранить и расширить значение исламского семейного права в то время, когда существовала опасность скорого

перехода браков и разводов мусульман под юрисдикцию гражданских судов (ЦГИА РБ: Д. 547). Фахреддин, понимая, что законы Российской империи настойчиво вторгаются в мусульманскую сферу, хотел найти решение внутри мусульманской общины и в рамках исламской традиции продемонстрировать актуальность и способность исламского права решать современные проблемы, такие как развод женщин с пропавшими мужьями.

Фахреддин видел наличие сложностей у имамов в решении этого вопроса. Махаллинские имамы и ахунды по-прежнему оставались «творцами исламского права», теми, кто принимал решения (када'), составлял юридические заключения ('ифта) и просто консультировал людей по исламским семейным вопросам. Фахреддин также осознавал, что через «проблемные» разводы улемы теряли свой авторитет. Через предлагаемый проект он хотел повысить статус улемов региона и решить наиболее важные проблемы, связанные с религиозным авторитетом. Одним из способов сделать это были организация общемусульманской дискуссии в публичной сфере и достижение общего решения видными улемами Урало-Поволжья и Западной Сибири.

Заключение: публичная сфера, консенсус и религиозный автори**тет.** Являясь сборником правовых мнений разных исламских ученых империи, Мутала а представляет собой уникальный взгляд на реформу исламского семейного права и проблему религиозного авторитета. Этот важный юридический источник служит уникальным примером коллективного «'uфma» в поздней Российской империи. Вряд ли найдутся подобные сборники мнений ряда мусульманских ученых по одному вопросу. Организованный через государственный институт ОМДС, сборник Мутала а обладает чертами институционального проявления коллективного правового мышления. Инициируя его, Фахреддин стремился добиться коллективного решения, которое бы распространилось на все мусульманские общины Российской империи. Он обращается с запросом к улемам из разных частей империи и просит их прислать собственную точку зрения, сославшись в своем запросе на то, что по отдельности ахунды и имамы (улемы) испытывают трудности в достижении окончательных решений, связанных с делами по разводу женщин. Тем самым Фахреддин пытается выработать общее правило институционализированным путем. Правовая стандартизация, будучи современной концепцией, обычно использовалась колониальными администрациями, что касается Мутала а, то в ней мы видим пример, когда процессом стандартизации занимается представитель местной религиозной элиты. Для внедрения существенных изменений в жизнь женщин он использует государственный институт. Фахреддин действует не столько как отдельный имам, сколько как мусульманский ученый, одновременно являющийся членом имперского института (ОМДС), империя при этом представляет собой некие рамки, в которых реализуется данная инициатива.

Мутала а является примером «модерной» фетвы и поэтому отражает некоторые из характерных черт ифта, формирующихся с XIX в. В Вопервых, мы видим, что имамы и ахунды, потерявшие часть своей независимой юридической власти, особенно в вопросах, пересекающихся с общеимперским правом, стали более зависимыми от государственной правовой системы. Во-вторых, в условиях отсутствия самостоятельности в принятии правовых решений имамам и ахундам приходилось продумывать пути, позволявшие бы им вносить изменения в систему; кроме того, учитывая, что индивидуально имамы и ахунды не могли заниматься этим вопросом, требовалось организовать новую коллективную фетву. Обсуждаемый вопрос предполагал поиск новых путей, которые бы позволили отойти от ограничений ханафитской правовой школы в использовании иджетихада.

Эта инициатива – хотя и неизвестная, но очень важная страница в жизни Ризаэддина Фахреддина, времен его службы кадием в Оренбургском мусульманском духовном собрании. Она свидетельствует о его влиянии на общественную и религиозную жизнь мусульманской общины России. Сборник Мутала а был для него способом внесения существенных изменений в исламское право в условиях, когда предложенные ОМДС решения не были полностью приемлемы в глазах мусульманского населения. Выступив с этой инициативой от имени Оренбургского Собрания, Фахреддин умело использовал свой авторитет среди муфтиев и других кади. Также благодаря собственному авторитету у ахундов и имамов, он запросил их мнение о проблеме развода женщин. Его целью было внести изменения на общеимперском уровне; поэтому он предложил ввести эти реформы как общее правило для всех имамов. Позднее, в произведении *«Дини вә ижтимагый мәсьәләләр»*, опубликованном в 1914 году, Фахреддин вспоминает о своей деятельности в Оренбургском собрании по разрешению проблем женщин, добивающихся развода. Он упоминает о предпринятых совместных попытках по поиску правового решения этого вопроса, о том, что «эти усилия не увенчались успехом из-за людей, не желающих действовать и, более того, препятствующих тем, кто хочет чтото изменить» (узләре эшләргә яратмый вә эшләучеләргә аяк чалудан тартынмый торган адәмнәрнең сәбәбеннән бу эш юлда калды). Несмотря на оставление своей должности кади в 1905 году, Фахреддин продолжает искать коллективное решение этой проблемы путем консенсуса улемов (иджма). В этой связи он ссылается на пример из ал-Манара и усилия египетских мусульман-реформаторов по публичному обсуждению правовых вопросов для достижения консенсуса при решении их вопросов $(\Phi$ әхреддин 2011: 69)¹⁶.

¹⁵ Cm. M. Kh. Masud, B. Messick and D. Powers (eds.), *Islamic Legal Interpretation: Muftis and Their Fatwas*, eds. (Cambridge: Harvard University Press, 1996).

¹⁶ Спасибо анонимному рецензенту за информацию о данном источнике.

Вопрос «проблемного» брака был решен, по крайней мере на бумаге, в ранний советский период, в 1925 г., когда Оренбургское собрание, переименованное в ЦДУМ (Центральное духовное управление мусульман) и состоявшее из реформистски настроенных улемов, обладало относительной независимостью от большевистских властей, с которыми оно поддерживало сотрудничество (Islam Majallasī 1926: 546–548).

«Многие мусульманки, чьи мужья погибли во время Первой мировой войны, либо в период голода [мужья, которые отправились на поиски еды во время голода 1921–1923 гг. и не вернулись], обращаются в Центральное религиозное управление (Диния назарате) с просьбой о разводе. Не имея никакой информации о своих мужьях, эти женщины, ссылаясь на отсутствие какого-либо финансового обеспечения, что делает их жизнь крайне несчастной, просят разрешения на развод в соответствии с их религиозным законом, то есть принимая во внимание их мусульманское вероисповедание». Рассмотрев различные мнения, муфтий и кади решили последовать за шафиитскими правоведами в решении этого вопроса: «Принимая во внимание трудности тех лет и положение женщин, а также изучив мнения религиозных ученых и муджтахидов, находящихся под своей юрисдикцией, Центральное религиозное управление вынесло правовое решение о том, что женщины, чьи мужья пропали без вести, или женщины, брошенные своими мужьями и не получавшие содержание (нафака), имеют право на развод в соответствии с шариатом» (Islam Majallasī 1926: 546-548).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ОРРК К(П)ФУ – Отдел рукописей и редких книг Казанского (Приволжского) федерального университета. Интикад ал-аквал би-л-тахкик фи таджвиз ал-никах би-л-та^{*}лик. Шрифт 1449Т.

Ризаэддин Фәхреддин 1999 – Ризаэддин Фәхреддин: Фәнни-биографик жыентык / Төз. Р.Мәрданов, Ж.Миңнуллин, С.Рәхимов. Казан: Рухият, 1999.

Фәхреддин 2011 – Фәхреддин Р. Дини вә ижтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан: Рухият, 2011.

Фэхреддин 1897 — Фэхреддин Р. Мөталэга (Мутала'а): Идарә-и Исламия Ырынбургыя үзәренә галимләремез тарафындан никах хосусында язылмыш эфкярләрнең холясасы жәмегъ иделмеш рисаләдер ». Казан: Думбравский, 1897.

ЦГИА РБ – Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. 295. Оп. 6. Д. 547.

Islam Majallasī 1926 — Fatwā bābī. Īkinchī fatwa / Islam Majallasī, May 1926, no. 1, pp. 546–548.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Dudoignon S. Echoes to Al-Manar Among the Muslims of the Russian Empire: a preliminary research note on Rizaeddin Fakhreddin and the Shura // Intellectuals in the modern Islamic world: transmission, transformation, communication / Eds. Stéphane

A. Dudoignon, Komatsu Hisao and Kosugi Yasushi. London; New York: Routledge, 2006. Pp. 85–116.

Garipova R. Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-Century Russia // Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917 / eds. Paolo Sartori and Danielle Ross. Edinburgh University Press, 2020. Pp. 156–182.

Garipova R. Where Did the Ākhūnds Go? Islamic Legal Experts and the Transformation of the Socio-Legal Order in the Russian Empire // Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law. 2018. № 19. Pp. 38–67.

Opwis F. Islamic Law and Legal Change: The Concept of Maşlaḥa in Classical and Contemporary Legal Theory // Shari'a: Islamic Law in the Contemporary Context / eds. Abbas Amanat and Frank Griffel. Stanford University Press, 2007. Pp. 62–82.

Sadeh Roy Bar. Between Cairo and the Volga-Urals: Al-Manar and Islamic Modernism, 1905–17 // Kritika. 2020. № 3. Pp.525–553.

Spannaus N. The Decline of the Ākhūnd and the Transformation of Islamic Law under the Russian Empire // Islamic Law and Society. 2013. № 20–3. Pp. 202–241.

Сведения об авторе: Гарипова Розалия – PhD, ассистент-профессор Назарбаев Университета (010000, пр. Кабанбай Батыра, 53, Нур-Султан, Республика Казахстан) rozaliya.garipova@nu.edu.kz

Поступила 06.08.2020 Принята к публикации 27.10.2020 Опубликована 25.11.2020

THE ROLE OF RIZAEDDIN FAKHREDDIN IN THE REFORM OF ISLAMIC FAMILY LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE

R. Garipova

Nazarbayev University Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan rozaliya.garipova@nu.edu.kz

At the end of the nineteenth and early twentieth century, Muslim communities in different parts of the world faced a common problem – women's inability to obtain divorce after their husbands got missing or disappeared. These women, deprived of provision (nafaqa), could neither sustain themselves financially nor remarry. This paper focuses on the responses of Russia's Islamic scholars to this problem which were compiled by a prominent religious scholar Rizaeddin Fakhreddin in a publication, titled Mutala'a. The problem in the Volga-Ural Muslim community was deeply entangled with the question of religious authority under the Russian imperial rule. Therefore, Fakhreddin's initiative aimed not only at bringing solution to women's hardship but also at addressing the problem of religious authority and structural challenges in the application of shari'a which developed in the nineteenth century. I argue that this collection of legal opinions was both an attempt to find a permanent solution to the prob-

lem of divorce of women and an instrument to strengthen the legal authority of the 'ulama.

Keywords: divorce with missing husbands, fatwa, Volga-Ural Muslims, Rizaeddin Fakhreddin, religious and legal authority

For citation: Garipova R. Rol' Rizaeddina Fakhreddina v reforme musul'manskogo semeynogo prava v Rossiyskoy imperii [The role of Rizaeddin Fakhreddin in the Reform of Islamic Family Law in the Russian Empire]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 206–224. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.206-224

REFERENCES

Dudoignon S. Echoes to *Al-Manar* Among the Muslims of the Russian Empire: a preliminary research note on Rizaeddin Fakhreddin and the *Shura* 1908–1918. *Intellectuals in the modern Islamic world: transmission, transformation, communication*. London and New York: Routledge, 2006, pp. 85–116. (In English).

Garipova R. Between Imperial Law and Islamic Law: Muslim Subjects and the Legality of Remarriage in Nineteenth-Century Russia. *Sharia in the Russian Empire: The Reach and Limits of Islamic Law in Central Eurasia, 1550–1917*. Edinburgh University Press, 2020, pp. 156–182. (In English).

Garipova R. Where Did the Ākhūnds Go? Islamic Legal Experts and the Transformation of the Socio-Legal Order in the Russian Empire. *Yearbook of Islamic and Middle Eastern Law*, 2018, no.19, pp. 38–67. (In English).

Opwis F. Islamic Law and Legal Change: The Concept of Maşlaḥa in Classical and Contemporary Legal Theory. *Shari 'a: Islamic Law in the Contemporary Context*. Stanford, California: Stanford University Press, 2007, pp. 62–82. (In English).

Sadeh Roy Bar. Between Cairo and the Volga-Urals: *Al-Manar* and Islamic Modernism, 1905–17. *Kritika*, 2020, no. 3, pp. 525–553. (In English).

Spannaus N. The Decline of the Ākhūnd and the Transformation of Islamic Law under the Russian Empire. *Islamic Law and Society*, 2013, no. 20–3, pp. 202–241. (In English).

About the author: Rosalia Garipova is a PhD, assistant-professor at Nazarbayev University (53 Kabanbay Batyr Ave., Nur-Sultan 010000, Republic of Kazakhstan); rozaliya.garipova@nu.edu.kz

Received August 6, 2020 Accepted for publication October 27, 2020 Published November 25, 2020

NARRATIVES ON THE ORIGIN OF THE INSTITUTION OF THE MUFTIATE AMONG TATARS IN SOVIET TIMES

R.I. Bekkin

Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia St. Petersburg, Russian Federation Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences Moscow, Russian Federation bekkin@mail.ru

The rationale behind the creation of the institution of the muftiate in 1788 in Ufa was that the state wanted to better control the spiritual life of Muslims in the Russian Empire and use it as a tool for implementing domestic and foreign policy. It seemed more convenient for the government to deal with an organized structure incorporated into the system of state-controlled institutions rather than with separate, non-institutionalized representatives of Muslims who relied mainly on their authority among faithful and did not need legitimation and support from the state (either financial or legal). A certain number of Muslim religious figures also did not initially accept this institution. However, by midnineteenth century the Muslim community came to the understanding that it needed the institution of the muftiate through which they could represent and defend their interests relative to the state and the Synodal Church as a governmental body.

Moreover, the Tatars began viewing the spiritual assembly in Ufa as a national institution guarding Tatar national identity within the context of the Orthodox state. The Tatar population of the empire thus appropriated the muftiate, giving rise to the legend that the institution had historically existed among the Tatars long before they were conquered by the Russians.

The first narratives that the muftiate existed in the Kazan Khanate and was destroyed after the conquest of Kazan in 1552 probably appeared at the end of the nineteenth century. In Soviet times, this point of view was widespread in the 1920–1930s. Later it was modified and subsequent aspects of the narrative emphasized some aspects of the history of the muftiate, and concealed others. But the main thesis that the muftiate is an important institution for preserving the spiritual culture of the Tatar people remained unchanged. These changes in the interpretation of its history became in many ways a reflection of the processes that took place in the system of Soviet muftiates and, above all, in the Central Spiritual Administration of Muslims in Ufa in Soviet times.

This point of view contradicted the views of a number of Soviet historians (Lyutsian I. Klimovich, Arshaluis M. Arsharuni, Hadzhi Z. Gabidullin, Galimjan G. Ibragimov and others), who considered the muftiate an exclusively colonial institution imposed on Muslims and serving as an instrument of enslavement and oppression.

Keywords: muftiate, the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, Rizaeddin Fakhreddin, Faizrakhman Sattarov, Islam in the USSR

For citation: Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 225–242. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.225-242

Introduction

With the loss of statehood by Tatars in the middle of the sixteenth century the Islamic scholars ('ulama') started to play the role of not only religious but political leaders of the Volga-Ural region. In the eighteenth century, the intentions of the imperial authorities, which sought to bring the religious life of its minority populations under control, coincided with the above-named processes. This led to the formation of the so-called 'Muslim clergy' as a special social group within the spiritual estate of the Russian Empire.

On the other hand, in late eighteenth-early twentieth century, the opposite trend can also be observed. Representatives of the two ideologically opposed camps – some state bureaucrats, missionaries and hierarchs of the Orthodox Church on the one hand, and unofficial Islamic religious leaders on the other – criticized the institutionalization of the ministers of the Islamic religion.

In the eyes of the former, the muftiate (established in 1788 under the name of the Ufa Spiritual Mohammedan Law Assembly (*Ufimskoe dukhovnoe magometanskogo zakona sobranie*), later known as the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (*Orenburgskoe Magometanskoe Dukhovnoe Sobranie*, OMDS), acted as a tool for consolidating Muslims and strengthening the position of Islam in the empire. For the latter, the Spiritual Assembly in Ufa was an instrument for the state for controlling the religious life of the followers of Islam. The paradox is that these two critical views on the muftiate did not contradict but complemented each other. The muftiate was indeed conceived and implemented as an instrument of control over Muslims, and it continued to fulfill this function until the fall of the monarchy. At the same time, however, it acted as a consolidating center for Tatars living in the European part of the country and Siberia.

The following factors also contributed to the strengthening of the role of OMDS as a national institution for the Tatars: a) the policy of the imperial authorities, which sought to prevent the expansion of the influence of OMDS outside the Tatar communities (especially since 1860s), b) the personnel policy of

¹ From the very first yeas of the existence of the institution of the muftiate the Russian authorities relied on it as a promoter of the Russian influence among Kazakh population. As the Russian historian Irina A. Rechkina argues, the Russian government consciously facilitated the strengthening and spread of Islam in Kazakh Steppe. This policy was aimed at preventing the influence of Bukhara emirate and Khiva khanate (Rechkina 2006: 80). In 1868 the religious affairs of Kazakhs (Kyrgyzes in the terminology of that time) were removed from the scope of the jurisdiction of OMDS. These questions were referred to the competence of local mullahs who in turn were subordinate to the civil administration and the Ministry of Internal Affairs.

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

the muftis who employed Tatars in the muftiate. Thus by limiting the sphere of influence of OMDS to only the Tatar-Muslim population, the authorities, indirectly contributed to the transformation of the muftiate into a national institution for the Tatars and strengthened their national identity.

It seemed more convenient for the government to deal with an organized structure incorporated into the system of state-controlled institutions rather than with separate, non-institutionalized representatives of Muslims who relied mainly on their authority among faithful and did not need legitimation and support from the state (either financial or legal). In addition, the costs associated with the creation and upkeep of the muftiate seemed to be less than the money that would have been spent in bribes in order to take control of individual religious figures. Baron Iosif Igelström, the author of the muftiate project², directly wrote about this: "As a reward for this small expense [680 silver rubles a year. – R.B.] all the local peoples upholding the Mohammedan law, when they realize hereby the extent to which the faith is respected in Your Majesty's empire, will be all the more devoted and steadfast" (Yunusova, Azamatov 2013: 26).

That is, the main outcome of Catherine's reforms in the Islamic sphere was that holding a position in the system of state institutions rather than enjoying authority among believers became the primary source of legitimacy for Muslim religious leaders. In Max Weber's terminology, the charismatic authority of Muslim religious leaders was replaced by bureaucratic authority (Turner 2006: 23). It should be noted that the transition from one type of legitimacy to another did not occur at once but took almost half a century.

However, despite the restrictions that *akhuns*, imams and mullahs faced because of the campaign for the institutionalization of the Muslim clergy, the establishment of the muftiate at that stage was undoubtedly a progressive step. It was not the creation of OMDS itself that mattered but the fact that it was one of the necessary steps towards giving Islam the status of a tolerated religion instead of the status of a persecuted (unrecognized) faith which it had possessed since 1552 when Muscovite Rus' annexed the Kazan Khanate. In other words, the institutionalization and bureaucratization of Islam became the price Muslims of the Russian Empire paid to the state to legitimize it. It was a bargain for all parties. Being forced to operate in the new legal environment, the ministers of the Islamic religion managed to make the most of the rights they were granted by imperial legislation.

A certain number of Muslim religious figures also did not initially accept this institution. However, by mid-nineteenth century the Muslim community came to the understanding that it needed the institution of the muftiate through which they could represent and defend their interests relative to the state and the Synodal Church as a governmental body. Moreover, the Tatars began viewing the Spiritual Assembly in Ufa as a national institution guarding Tatar national identity within

² Some authors suppose that the idea of the muftiate was proposed by Dmitri B. Mertvago (1760–1824), who served as advisor to the Ufa provincial administration (Zagidullin 2011: 4).

the context of the Orthodox state. The Tatar population of the empire thus appropriated the muftiate, giving rise to the legend that the institution had historically existed among the Tatars long before they were conquered by the Russians.

The first narratives that the muftiate existed in the Kazan Khanate and was destroyed after the conquest of Kazan in 1552 probably appeared at the end of the nineteenth century. One can only guess what caused the emergence of these narratives. If not the chief, then one of the main reasons was the desire of the Turkic-Tatar authors to substantiate the idea that the institution of the muftiate had its roots among the Muslims of the Volga-Ural region. It seemed important to them to emphasize that the muftiate was not a colonial institution, but a national one created by the Muslims themselves. This point of view was widespread in the early Soviet times during 1920–1930s. Later it was modified and subsequent aspects of the narrative emphasized some aspects of the history of the muftiate, and concealed others. But the main thesis that the muftiate is an important institution for preserving the spiritual culture of the Tatar people remained unchanged. These changes in the interpretation of its history became in many ways a reflection of the processes that took place in the system of Soviet muftiates and, above all, in the Central Spiritual Administration of Muslims of Inner Russia and Siberia (Tsentral'noe Dukhovnoe Upravlenie Musul'man Vnutrennev Rossii i Sibiri), established in 1920 in Ufa.

In this article I investigate two texts produced by Islamic religious figures in Soviet time: the memorandum of Mufti Rizaeddin Fakhreddin compiled in 1923 and the sermon of the *imam-khatib* of the Leningrad Cathedral Mosque Faizrakhman Sattarov dedicated to the fiftieth anniversary of the October Revolution (1967).

Rizaeddin Fakhreddin: "The Russian government... constantly ran into opposition from the Muslim clergy and, naturally, oppressed it by all measures"

The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly, which a number of Muslim religious figures initially perceived as hostile, began over time to be viewed as a primordially national institution, if not for all Tatars, then at least for those who lived in the Volga-Ural region. This is reflected in narratives dating back to the twentieth century that are part of the so-called "Islamic discourse." According to the German Islamic studies scholar Reinhard Schulze, Islamic discourse comprises "all media, institutions, linguistic statements and symbols deliberately using a vocabulary and a sign system which convey concepts of the Islamic tradition" (Schulze 2002: 9).

One of the key elements of the narratives about the Spiritual Assembly as the primal national institution of Tatars of the Volga-Ural region is the legend that the muftiate had existed long before the eighteenth century. Thus in the nineteenth-century composition *Tawarikh Bulgaria* (*Bulgarian Chronicles*), the author, a Tatar historian by the name of Khusain Amirkhanov, writes that at

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

least the post of mufti was known in the Kazan Khanate (Amirkhanov 2010: 87). However, this statement may result from a misconception of the term "mufti" that came into use among Muslims of the Volga-Ural region in a later era (the late eighteenth century). In other words, Amirkhanov could have called muftis religious figures who in fact had other titles. Unfortunately, not all materials that could shed light on the history of religious life in the Kazan Khanate have been put into circulation, and the scanty information we do have only allows us to learn about the place which Islamic religious figures occupied in the system of government in the Kazan Khanate.³

To the best of my knowledge, the first mention of this legend in texts authored by Muslims dates back to the early Soviet era, specifically, to a Memorandum by Mufti Rizaeddin Fakhreddin (Ridha al-Din Fakhr al-Din) sent to the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee (VTsIK)⁴ on behalf of the Central Spiritual Administration of Muslims of Inner Russia and Siberia:

Following the adoption of Islam, the Turkic peoples of the Volga and Urals organized their Spiritual Administration with the posts of mufti, *qazis*, mullahs and *muezzins*. This form of organization of the Spiritual Administration of Muslims existed before they *were conquered by Ivan the Terrible* [my emphasis. – R.B.]. Russian tsars, intolerant of all non-Christian religions, completely destroyed the Spiritual Administration and destroyed the prayer houses . . . Despite such oppression, the Muslims of the Volga and Ural regions completely preserved their religion and their spiritual organization, although in an illegal, underground form (Arapov 2010: 40).

The above extract introduces several important ideas:

- 1) The muftiate was known to the Muslims of the Volga-Ural region long before Russian rule, and, therefore, this institution is not a product of imperial bureaucracy.
- 2) The muftiate continued its existence after the fall of the Kazan Khanate in an "underground form"; that is, it was a body in opposition to the current government.

A similar interpretation by the leadership of TsDUM of the history of spiritual administration among the Tatars is the result of a well-thought-out strategy of relations with the highest state authority in Soviet Russia – the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. The author of the Memorandum (perhaps it was a collective author) had the task of convincing Soviet officials "to allow schoolchildren under eighteen years of age to study in groups in *mektebs*, mosques, and general civilian school buildings outside Muslim classroom hours" (Arapov 2010: 44). In addition, it was necessary to protect

³ I am grateful for this reference to the historian Azat M. Akhunov from Tatarstan.

⁴ All-Russian Central Executive Committee (VTsIK) – supreme legislative, administrative and regulatory body of state power in the Russian Soviet Federative Socialist Republic in 1917–1937.

the Spiritual Administration from oppression by the republican authorities (particularly the leadership of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, in whose capital TsDUM was located).

The spiritual administration in Ufa acted as an intermediary between Moscow and Muslim citizens. Being limited in its rights, TsDUM, represented by the mufti, used the opportunity to defend the interests of Muslims. In particular, in some cases the appeals of the mufti on behalf of TsDUM to the authorities responsible for the implementation of confessional policy in Moscow helped to cancel or mitigate decisions of the authorities of the national republics directed against the muftiate and believers.

The author of the Memorandum indicates that the muftiate had nothing to do with the administrative institutions of the tsarist regime, but arose in Volga Bulgaria (10 - 13 centuries). This state itself is not mentioned, but the phrase "after the adoption of Islam organized their Spiritual Administration" refers to the indicated historical period. The legend put forward in the Memorandum that the institution of the muftiate was created precisely in Volga Bulgaria and not later (under the Golden Horde or the Kazan Khanate) has its own explanation. The Memorandum was compiled in 1923, when the Golden Horde and the Kazan Khanate were still considered, in accordance with the traditions of prerevolutionary historical science, as feudal states hostile to Muscovite Rus'. At the same time, the attitude toward Volga Bulgaria of Russian and then Soviet historians in the early 1920s was more neutral than hostile. Thus, whoever drew up the Memorandum or advised its author had a good idea of the addressees, namely representatives of the new government who spoke the language of class struggle. That is why "the Muslim clergy" in the Memorandum are presented as an oppressed group under the tsarist regime and the muftiate is described as a national institution that defended the interests of the masses and fought against the chauvinistic Russification policy pursued by tsarist officials:

The Russian government, pursuing an embarrassing policy [among] the foreigners of Russia, constantly ran into opposition from the Muslim clergy and, naturally, oppressed it by all measures. The only support of the Muslim clergy came from the popular masses: the clergy, closely uniting with the people, taught them religion, literacy and always consoled them in difficult days. It is appointed by the people themselves. All the ministers of the Islamic religion were always chosen by believers and were responsible to them. They do not receive a salary. The population pays them in a strictly voluntary manner as much as they can for the performance of spiritual rituals. The rural clergy is engaged in ordinary peasant farming (Arapov 2010: 42).

⁵ See Rashid I. Malikov's work, which holds that the Muslim clergy as a separate social stratum probably formed in Volga Bulgaria (Malikov 2013: 29).

⁶ For more details on the perception of the history of the Kazan Khanate in Soviet historical science, see, for example: (Khamidullin et al. 2012).

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

The author of the Memorandum is silent about the fact that the mufti and assessors (*qazis*) received good salaries from the state and were incorporated into the system of the imperial state bureaucracy. He only writes about mullahs and other notable ministers of religion, who indeed depended materially on the community that elected them (*mahallah*). Being the representatives of the peasant estate (social class) themselves, the mullahs were not only materially but also, due to their origin, closely connected with the masses. The imams are singled out as Muslim clergy, but they just did not fall into this category. "The Muslim clergy" comprised a small privileged group of Muslim bureaucracy that included the mufti and members of the board of the muftiate (*qazis*). Neither does the author of the Memorandum mention about the role of assistants and allies of the Russian authorities which the Tatars – the ministers of the Islamic religion played in the colonization of the Kazakh Steppe.

Thus, the author of the Memorandum is telling the truth, as it were, but only part of the truth. Strictly speaking, in the context of communist ideology, the muftis, who were fairly affluent, were as oppressive as other representatives of the tsarist administration (Arapov 2010: 42). The Memorandum deliberately obscured this fact, noting only the following:

One of the issues that had been worrying and displeasing the Muslim population was the appointment of the mufti and *qazis*. They were appointed by the Russian government. Muslims constantly protested against this, demanded permission to choose the mufti and *qazi* and, along with this, separation of the church from the state (Arapov 2010: 42).

As a matter of fact, the question of separating the church from the state was not raised either by the spiritual authorities or by Muslims until 1917. However, the decree "On the Separation of the Church and the State, and the School from the Church" of 1918 was indeed met with enthusiasm by a significant number of Muslims. The *qazis* of TsDUM, including Mufti Fakhreddin, cooperated with the Soviet government. Therefore, it was important for the mufti to emphasize the completely different role the Spiritual Administration on the one hand and the ministers of the Islamic religion on the other hand played in the Russian Empire and in Soviet Russia. In summary, this role was formulated as follows: in tsarist Russia, the clergy protected the people from oppression by the authorities, and in Soviet Russia the Spiritual Administration acted as a natural ally of the Soviet government in the "political and economic liberation of the Muslim peoples of the East" (Arapov 2010: 42).

Quite naturally in the eyes of the author of the Memorandum, the muftiate promoted "the establishment of necessary calm among the Muslim population, recognition and good will towards the Soviet government, the power of workers and peasants" (Arapov 2010: 43). Indeed, if under the monarchy the Muslim clergy raised their voices in defense of the disadvantaged, now it could not but act as a natural ally of the regime which spoke on behalf of the underprivileged.

The Memorandum of 1923 is also of particular interest because Mufti Rizaeddin Fakhreddin, whose signature appears under the typewritten text, was known in pre-revolutionary years for his criticism of OMDS in his book *Government Orders Relating to Muslims* (Fakhreddin 1902: 9–10). The main emphasis in his criticism was that OMDS showed excessive zeal in promoting the interests of the Russian state among Muslim subjects of the empire.

Faizrakhman Sattarov: "there were no organizations for conducting religious affairs"

Another important element of the narrative about the muftiate that was formed in the Soviet era was the myth about the disenfranchised position of the ministers of the Islamic religion in the Russian Empire. Thus in 1967 the *imam-khatib* of the Leningrad Cathedral Mosque Faizrakhman Sattarov (1929–2015) noted in his sermon dedicated to the fiftieth anniversary of the October Revolution how many benefits Muslims received from the Soviet government. ⁷ Among other things, he touched on the role of the muftiate, contrasting the position of the Spiritual Administration in tsarist Russia with its current position in the USSR. Evidence of the dismissive attitude of the imperial authorities towards Islam was that "there were no organizations for conducting religious affairs" (Bekkin 2018: 302).

He goes on to note:

True, in 1788 the tsar allowed the organization of a religious center called the Spiritual Assembly of Islam in Ufa. About a hundred years later [in] 1872, it was allowed to create a Muslim religious center in Transcaucasia. However, these organizations were only formal, because the ministers appointed to head these centers were not allowed to do anything. The ceremony of marriage, divorce, naming, everything was in the hands of the tsarist government (Bekkin 2018: 302).

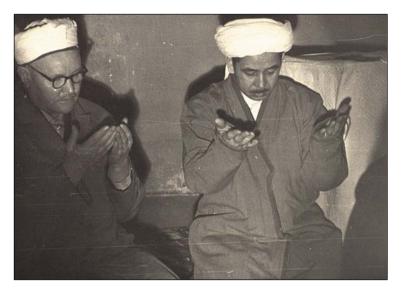
At first glance it might seem that these extracts from the 1923 Memorandum and the Sermon of 1967 containing an interpretation of the history of the muftiate strongly contradict one another. In fact, however, the texts are mutually complementary. The Memorandum states that the muftiate was a primordial national institution known even to the ancestors of the modern Tatars, and that it was then organized once again already in imperial times. The Sermon says nothing about the period preceding the Russian conquest of the Kazan Khanate, but it is clear from its text that the creation of the muftiate in Ufa was a kind of concession of tsarism to Muslims. This statement does not contradict the text of the Memorandum, whose author tries to talk less about the muftiate during the imperial period and more about it before the Russian conquest. At the same time, Sattarov, like the author of the Memorandum, strongly emphasizes the institution is needed for the normal functioning of Islam. The Sermon therefore reproaches the imperial authorities for not creating the muftiate or an organiza-

⁷ For a detailed analysis of this Sermon, see: (Bekkin 2018).

⁸ This refers to the Transcaucasian Mohammedan Spiritual Directorates of Sunni and Shia Teachings.

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

tion similar to it for a long time (according to the Memorandum, the muftiate existed in the sixteenth-eighteenth centuries, albeit illegally, but this narrative was either not known to Sattarov, or was ignored by him).

Imam-khatib Faizrakhman Sattarov (at the center) at prayer in the Leningrad Cathedral Mosque, 21 April 1967. To his left is muezzin Musa Nemeshev. Photo by D.I. Iskakov (Courtesy the State Museum of the History of Religion)

Even after 1788, Sattarov notes, the muftiate could not be regarded as a full-fledged representative of the aspirations of Muslims oppressed by the Romanov monarchy. It was a fictitious organization that did not have any rights and opportunities. The Spiritual Administration in Ufa, according to the Sermon, did not have any opportunity to conduct even the main rites, not to mention represent the interests of Muslims vis-à-vis government officials. And it was not until the Soviet regime, according to Sattarov, that Muslims acquired the right to have an organization that fully corresponded to their aspirations.

Needless to say, most statements in the sermon concerning the religious life of Muslims before 1917 do not stand comparison with reliable sources. In 1967, when the text we are considering was prepared, these sources were not available to most believers who listened to Sattarov. Among the parishioners of the Leningrad Cathedral Mosque there were, however, many living witnesses of the pre-revolutionary era. These people remembered what happened after October, when Muslim religious leaders fell into the category of "disenfranchised", that is, were deprived of many civil and social rights. How they perceived the words contained in the sermon that the imams were not allowed to carry out religious rituals before the October Revolution is anyone's guess.

Initial sheets (1–4) of a typewritten copy of Faizrakhman Sattarov's Friday sermon, read on the occasion of the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution, 1967 (Courtesy the State Museum of the History of Religion)

Уважаемые мусульмане! (Поздравление пятницей.)

Уважаемые мусульмане поздравляю Вас наступающим днем великого праздника, днем исполнения — 50-летия любимого Советского государства, днем приносящим равенство и свободу всем народам нашего
государства. Да здравствует день одержавший победы Великой Октябрыской Социалистической революции. Да ниспоилет Аллах нам и нашим
поколениям в будущем встречать день в которое сделала первые шаги
наше дорогое любимое государство, как мы его встречаем сегодня веж
ликими успехами и наивысшими достижениями.

Уважаемые мусульмане, если позволит Аллах, мы сегодня услышим в честь торжественного праздника о Великой Социалистической революции, которое нам принесла вечную радость.

Сегодня речь будет посвещена положении религии в царское время, и о великом развитии религии после установления Советской
власти. На соновании дел которое ведет Духовное управление мусульман и из истории очевидцами которой является старшее поколение.

Известно что в царское время положение мусульман было очень, очешь
плохим. Официально признанной религией считалось только христианство. На религию ислама никакого внимания не обращали, на оборот
религию ислама смотрели призрением унижением. Даже для ведения
религиозного дела ни каких организаций не было. Правда в 1788
году было разрешено царем организовать религиозный центр под названием Духовное Собрание ислама в гор. Уфе. Примерно сто лет спустя
1872 году было разрешено создать мусульманский религиозный центр
в Закавказьии. Однако эти организации были только формальными, потому что поставленным во главе этих центров служителям ничего не
позволялось делать. Обряд блакосочетания, развод, наречения имени

- 2 -

все было в руках царского правительства. Почет служителям культа оказывали меньше, чем рядовым чиновникам.

До 1868 г. в гор. Уфе правление Оренбургского Духовенства не имело помещения. Все редигиозные дела велись только на русском языке. Даже когда в 1889 году отмечалось 100 летие создания Управдения Оренбургского духовенства не было разрешения говорить ни на каком языке кроме русского. Потому что согласно уставу все релитиозные дела проходили под контролем административных властей царского режима: Все проповеди сводились к прославлению императора, желанием ему делгой ечастливой жизни.

Также никакого уважения не имели руководство приходе в сельских местах. Их брали даже на военную службу и сборы, тогда как
представителей других религий не брали ни когда. Сулжители других
религий получали жалование, а мусульманским служителям получать
жалование от подаяния не разрешали. Приход помогал по мере возможности. В годы голода народ получал определенный паек от государства, а муллу обходили. Что касается образования только дворянские
и зажиточные семьи могли дать образование своим детям. Бедному
же нужно было работать как лапти чиновника прислугой у них на дому!

Сказанном пророком 1400 лет назад что учеба для женщик и мухчин обязательно они понятия не имели. Но людям понимающее это,
показалось не решимой проблемой. Таким образом матери и сестры быпи пишены от взятия карандаша в руки. Названная пророком женщина
подругой жизни, своему мужу разделяющая все успехи, радости, счастия и не взгоды ни в нескольких года, а на вечно немогла написать
одну строчну письма своему дорогому мужу или кавалеру отдавая
одну монету волота.

В царское время мусульмане Северного Кавказа Туркестанской области (и таджики, казахи, киргизы, туркмены и узбеки) до 1905 г.

- 8 -

были соверенно забитыми народами. У них небыло ни какого религиозного общественного органа, они вели свои религиозные дела, как умели.

1905 г. царское правительство, желая ослабить Оренбургское Духовное Управление в г.Уфе, приказало объеденить его со Среднеазматским Духовным Управлением и выработать проект нового устава. Однако, сиогласно этому проекту, мусульмане, не получив никаких прав, оказащись под наи более сильным контролем.

Мусульмане и религиозные служители культа не довольные с этим проектом постоянно вели споры раздоры до Великой Октябрьской революции.

Похожие на это издевательство и гнета со стороны царя не только в пути религии, но и в другой области очень очень много они переживали суровые времена и никак не могли освободиться от них гнета.

Однако таким унижениям, мучениям пришел однажды конец. Под руководством великого вождя Ленина в 1917 году Великая Октябрьская Социалистическая революция одержала победу и установила Великое Советское государство, которое является образцовым примером своими достижениями. Оплотом установления мира во всем мире, и права, равенство, свободу всем народам. Как только установилась Советская власть, религиозные дела были упорядочены согласно шариату.

21-то января 1918 г. состоянись выборы нового муфтия и казыев Первым муфтием был Казанец-Голим- тан ишан Голиев. Мусульманское Управление Оренбургской губернии получило название Духовного управления России и Сибири.

Духовное управление оставалось центральным органом религии ислама. Организовались организации мухтасибов и имамов приходах. - 4 -

Был принят новый устав, также было разрешено на постройку новых мечетей, создание специальных школ-медресе для подготовки имамов и муадзинов. В школах были приняты новые программы, было разрешено издать коран и афтиак (8 часть корана). Таким образом Великая Онтабрьская социалистическая ревслюция дала всем народам оди наковые права, отделив религию от государства. По советскому закону каждый гражданин свободно может исповедывать любую религию, это личное дело каждого. Советское Правительство разрешило среднеазматским народам (киргизам, казахамт таджикам, туркменам, узбекам) создавь свое Средне Азматское Духовное Управление мусульман.

Мусульманам Северного Кавказа и Дагестана было разрешено создать свое Духовное Управление мусульман в г.Буйнакск Дагестанской Автономной Республике.

А мусульмане Азербайджанской, Армянской, Грузинской ССР соединились в Духовное управление мусульман в г.Баку Азербайджанской Советской Социалистической республике.

На съезде 25-го октября 1948 года Духовное управление России получило название Духовного Управления Европейской части ССР и Стбири и туда включились все мусульмане, живущие в РСФСР. Украинской, Белорусской, Латвийской, Литовской ССР.

Все Духовные Управления приняли новые уставы. Руководители этих Духовных Управлений не назначались царским указом, как это делалось во время царского правительства, а на оборот все мусульмане, живущие в Советском Союзе посылают своих представителей для принятия участия о выборе религиозного рлужителя Духовных Управлений мусульман. В настоящее время все духовыне Управления объединяют всех приходов, и управляют ими в религиозном деле в работе на местах только согласно тариату, издают указы, отвечают на все вопросы.

Thus, according to the Sermon, the golden age in the history of the muftiate came after the October Revolution of 1917. In this respect, the Memorandum diverges somewhat from the Sermon, maintaining that the golden period occurred during the existence of independent Muslim states in the Volga-Ural region. Regarding the position of the muftiate under the Soviet regime, the author of the Memorandum is more restrained. This is not only because F. Sattarov and R. Fakhreddin were representatives of different generations of Muslim religious figures, but also because in 1923 both the future of the Soviet government itself and potential changes in the government's confessional policy in relation to Muslims and the Spiritual Administration were unknown.

The narratives discussed above were important not only in order to solve some current problems associated with the functioning of the Spiritual Administration in Ufa. In 1920–1930 some studies appeared whose authors sought to prove that "the version so far prevalent in literature and supported by the Muslim clergy about the persecution of Islam as a religion by the Russian autocracy is false" (Klimovich 2002: 93–133). The most prominent representative among historians professing such views was Lyutsian I. Klimovich, who insisted that the tsarist government did not fight Islam as a religion but only old Islamic administrative bodies, "which did not want to come to terms with Russian domination" (Klimovich 2002: 10). Klimovich describes the Muslim clergy themselves as "agents of autocracy," and through a tendentious selection and interpretation of facts from the history of the muftiate, tries throughout his work Islam in Tsarist Russia to present the Muslim clergy as a natural ally of the autocracy in suppressing the masses of peoples traditionally professing Islam (Klimovich 2002: 10). Moreover, Klimovich's oppressors are not only the socalled highest clergy (the mufti, qazis, etc.), but also ordinary ministers of the Islamic religion⁹. Biased though Klimovich's works are, one thesis repeated throughout the book is obviously correct: "For us . . . the role of tsarism in relation to Islam as a religion is important. From the first steps of the Russian autocracy, this line is expressed in the desire to enlist Islam in its service" (Klimovich 2002: 10). Soviet officials also pretty soon realized that it was important for them not only to rely on the loyal ministers of the Islamic religion to carry out their policies, but also to keep the muftiate in Ufa inviolable, as a structure that would allow them to control the religious life of believers.

⁹ There were also some Tatar historians who criticized the muftiate and the clergy. Thus, in particular, a famous Tatar writer and historian Galimjan Ibrahimov wrote about the Muslim clergy: "With its "decrees," metrics, prayers, offered in mosques for the tsar, in particular, with its Spiritual Assembly, muftis, it was firmly soldered to the autocracy (*samoderzhavie*)." (Ibragimov 1926: 8).

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

SOURCES AND MATERIALS

Amirkhanov Kh. *Tavarikh-e Bulgaria* [Bulgarian chronicles]. Moscow: Mardzhani Publ. house. 2010. (In tatar)

Arapov D.Yu. *Islam i sovetskoe gosudarstvo (1917–1936). Sbornik dokumentov* [Islam and the Soviet State (1917–1936). Collection of documents]. No. 2. Moscow: Mardzhani Publ. house, 2010. (In Russian)

Fakhreddin P. *Islamner khakynda khokumet tedbirlere* [Government orders relating to Muslims]. Orenburg, 1902. (In tatar)

REFERENCES

Bekkin R.I. «Ukorotit' khvost nezakonnykh religioznykh deyateley». Ob ideynoi evolyutsii vzglyadov Faizrakhmanova Sattarova na rol' «ofitsial'nogo dukhovenstva» v religioznoy zhizni musul'man Rossii ["Dock the tail of illegal religious igures." The ideological evolution of Faizrakhman Sattarov's views on the role of 'official clergy' in the life of Russian Muslims]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubechom*, 2018. no. 4. pp. 277–323. (In Russian)

Ibragimov G. *Tatary v revolyutsii 1905 g*. [Tatars in the Revolution of 1905]. Kazan, 1926. (In Russian)

Kemper M. "Ljucian Klimovič: Der ideologische Bluthund der sowjetischen Islamkunde und Zentralasien literatur" [Ljucian Klimovič: The Ideological Bloodhound of Soviet Islamic Studies and Central Asian Literature]. *Asiatische Studien/Études asiatiques* 63, 2009, no. 1, pp. 93–133. (In German)

Khamidullin B.L., Izmailov I.L., Izmailov B.I. Istoriya Kazanskogo khanstva v trudakh otechestvennykh istorikov (1920–1950-e gg.) [The History of the Kazan Khanate in the Works of Russian Historians (1920–1950s)]. *Naucnyy Tatarstan*, 2012, no. 3, pp. 92–113. (In Russian)

Klimovich L. *Islam v tsarskoi Rossii* [Islam in Tsarist Russia]. Kazan: Iman Publ., 2002. (In Russian)

Malikov R.I. *Sotsial'noye polozheniye musul'manskogo dukhovenstva Kazanskoy gubernii* [The Social Status of the Muslim Clergy of the Kazan Province in Late 19th – early 20th centuries]. Kazan: Russian Islamic University Publ., 2013. (In Russian)

Rechkina I.A. Musul'manskaya politika rossiyskikh vlastei v kazakhskoy stepi: (konets XVIII v. – 60-e gg. XIX vv.) [Muslim Policy of the Russian Authorities in the Kazakh Steppe: (Late 18th century – 60s of the 19th century)]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2006, no. 2, pp. 80–84. (In Russian)

Schulze R. A modern history of the Islamic world. London: I.B. Tauris, 2002. (In English)

Turner B.S. *Weber and Islam. A critical study*. London and New York: Routledge, 2006. (In English)

Yunusova A.B., Azamatov D.D. 225 let tsentral'nomu dukhovnomu upravleniyu musul'man Rossii: istoricheskie ocherki [225 Years to the Central Religious Administration of Muslims of Russia: Historical Essays]. Ufa: Ufa Printing Plant, 2013. (In Russian)

Zagidullin I.K. Predisloviye. Orenburgskoe magometanskoye dukhovnoye sobraniye i dukhovnoye razvitiye tatarskogo naroda v posledney chetverti XVIII – nachale

XX vv. ["Foreword" to the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and the spiritual development of the Tatar people in the last quarter of the eighteenth and beginning of the twentieth centuries]. Kazan: RT Academy of Sciences Institute of History Publ., 2011, pp. 3–11. (In Russian)

About the author: Renat I. Bekkin is a Doctor Sc. (Economics), Ph.D. in Religious Studies, Cand. Sc. (Law), Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor at the Institute of Oriental Studies at the Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russian Federation); Leading Research Fellow at the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (30/1 Spiridonovka St., Moscow 123001, Russian Federation); bekkin@mail.ru

Received September 27, 2020 Accepted for publication November 05, 2020 Published November 25, 2020

НАРРАТИВЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ МУФТИЯТА СРЕЛИ ТАТАР В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

Р.И. Беккин

Институт востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена Санкт-Петербург, Российская Федерация Институт Африки Российской академии наук Москва, Российская Федерация bekkin@mail.ru

Причиной создания института муфтията в 1788 г. было желание государства наиболее эффективным образом контролировать религиозную жизнь мусульман. Правительству казалось более удобным иметь дело с организованной структурой, включенной в систему контролируемых государством религиозных организаций, а не с отдельными, не институционализированными представителями мусульман, которые полагались в основном на свой авторитет среди верующих и не нуждались в легитимации и поддержке со стороны государства. Значительное число мусульманских религиозных деятелей изначально не признали институт муфтията и систему утверждения имамов государством. Однако к середине XIX в. тюркотатарское население Российской империи стало рассматривать духовное собрание в Уфе как институт, охраняющий его национальную идентичность в православном государстве. Таким образом, произошло присвоение муфтията определенной частью мусульманского населения империи. В результате возникла легенда о том, что муфтият как институт исторически существовал у тюрко-татар задолго до того, как они были покорены Москвой.

Первые нарративы о том, что муфтият существовал в Казанском ханстве и был разрушен после завоевания Казани в 1552 г. Иваном Грозным, вероятно, появились в конце XIX в. В советское время эта точка зрения была широко распространена в 1920–1930-е гг. Позже легенда о муфтияте как национальном институте татар подверглась модификации, но главный тезис о том, что муфтият является

Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times

важным инструментом сохранения духовной культуры татарского народа, остался неизменным. Изменения в интерпретации истории института муфтията во многом стали отражением процессов, происходивших в системе советских духовных управлений мусульман в советское время.

Нарратив о муфтияте как исконном национальном институте татар противоречил взглядам ряда советских историков (Л.И. Климовича, М.А. Аршаруни, Х.З. Габидуллина, Г.Г. Ибрагимова и др.). Они рассматривали муфтият исключительно как колониальный институт, навязанный мусульманам и служивший инструментом их порабощения и угнетения.

Ключевые слова: муфтият, Оренбургское магометанское духовное собрание, Ризаэддин Фахреддин, Файзрахман Саттаров, ислам в СССР

Для цитирования: Bekkin R.I. Narratives on the Origin of the Institution of the Muftiate among Tatars in Soviet times // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 225–242. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.225-242

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Амирханов 2010 — Амирханов X. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Перевод со старотатарского, вступительная статья и комментарии А.М. Ахунова. М.: Изд. дом Марджани, 2010.

Арапов 2010 — Арапов Д.Ю. Ислам и советское государство (1917–1936). Сборник документов. Вып. 2. М.: Изд. дом Марджани, 2010.

Фәхреддин 1902 – Фәхреддин Р. Исламнар хакында хөкүмәт тәдбирләре. Оренбург, 1902.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беккин Р.И. «Укоротить хвост незаконных религиозных деятелей». Об идейной эволюции взглядов Файзрахмана Саттарова на роль «официального духовенства» в религиозной жизни мусульман России // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 277–323.

Загидуллин И.К. Предисловие // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII — начале XX вв. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 3–11.

Ибрагимов Г. Татары в революции 1905 г. Казань, 1926.

Климович Л. Ислам в царской России. Казань: Иман, 2002.

Маликов Р.И. Социальное положение мусульманского духовенства Казанской губернии. Казань: Российский исламский университет, 2013.

Речкина И.А. Мусульманская политика российских властей в казахской степи: (конец XVIII в. -60-е гг. XIX в.) // Вестник Омского университета. 2006. № 2. С. 80–84.

Хамидуллин Б.Л., Измайлов И.Л., Измайлов Б.И. История Казанского ханства в трудах отечественных историков (1920–1950-е гг.) // Научный Татарстан. 2012. № 3. С. 92–113.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Юнусова А.Б., Азаматов Д.Д. 225 лет Центральному духовному управлению мусульман России: исторические очерки. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2013.

Kemper M. "Ljucian Klimovič: Der ideologische Bluthund der sowjetischen Islamkunde und Zentralasienliteratur". Asiatische Studien/Études asiatiques 63, 2009, no. 1, pp. 93–133.

Schulze R. A modern history of the Islamic world. London: I.B. Tauris, 2002.

Turner B.S. Weber and Islam. A critical study. London and New York: Routledge, 2006.

Сведения об авторе: Беккин Ренат Ирикович –доктор экономических наук, PhD in Religious Studies, кандидат юридических наук, профессор РАН, профессор Института востоковедения РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ведущий научный сотрудник Института Африки РАН (123001, ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, Российская Федерация); bekkin@mail.ru

Поступила 27.09.2020 Принята к

Принята к публикации 05.11.2020 Опубликована 25.11.2020

ПРЕССА КАК ДИСКУРСИВНЫЙ ИСТОЧНИК

УДК 908

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИННЕҢ ДИНИ ҺӘМ МИЛЛИ МӘКТӘПЛӘР ТУРЫНДАГЫ ФИКЕРЛӘРЕ

Л.Р. Мортазина

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты Казан, Россия Федерациясе lyalyamur@mail.ru

Мәкаләдә күренекле татар галиме, мәгърифәтче-педагог һәм җәмәгать эшлеклесе Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы карашлары яктыртыла. 1913 елда Россиянең чит диндәгеләр эшләре буенча департамент башлыгы тарафыннан Диния нәзарәтенә юлланган рәсми хат һәм анда күрсәтелгән сорауларга җавап әзерләү барышында киң җәмәгатьчелекне әлеге сораулар белән таныштыру һәм дөрес караш формалаштыруга ярдәм итү йөзеннән Р.Фәхреддиннең татар вакытлы матбугатында басылган мәкаләләренә анапиз ясала

Төп төшенчәләр: Ризаэддин Фәхреддин, милли мәгариф, милли мәктәпләр, дини мәктәпләр, дөньяви мәктәпләр, «*Шура»* журналы, рәсми хат

Сылтама ясау өчен: Муртазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 243–253. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.243-253

Мәктәп-мәгариф мәсьәләләре XX гасыр башы татар-мөселман даирәсендә күтәрелгән иң әһәмиятле һәм иң мөһим проблемаларның берседер, мөгаен. Яңача укыту кертелу, мәктәп-мәдрәсәләр системасын ислах итү, дөньяви фәннәр укыту татар мәгарифен яңа баскычка күтәрсә, шул ук вакытта хөкүмәт тарафыннан алып барылган сәясәт (1906–1913 еллар аралыгында «инородецлар» мәгарифенә караган кагыйдәләр, проектлар h.б.), туган телдә укытуны тыю h.б. – болар барысы да гасырлар дәвамында ныгып-урнашкан, бай тарихлы татар мәгарифенең киләчәген куркыныч астына куя.

1910 елның көзендә Дәүләт думасына гомуми башлангыч белем бирүне кертү турындагы закон проекты кертелә, аның кысаларында милли мәктәпләрдә укыту теле турындагы мәсьәләне тикшеру дә карала. Киң

жәмәгатьчелек әлеге чарада мөселман мәктәпләрен туган тел һәм дин укыту тыелган хөкүмәт мәктәпләренә әверелдерү куркынычын күрә (Аршаруни, Габидуллин 1931: 41).

«Рус булмаган халыкларның мэгарифенә карата дәүләт сәясәтенең чагылышы дәүләткүләм гомуми мәжбүри башлангыч укуга күчү ниятендә һәм земстволар үткәргән сәясәттә дә күренгән. Бу планнар да, земстволарның мәгарифкә мөнәсәбәте дә матбугатның игътибар үзәгендә торган» (Ваһапов 2010: 47).

Закон проекты һәм аңа кагылышлы башка мәсьәләләр татар вакытлы матбугатында зур жанлану белән тикшерелә, хөкүмәтнең мәгариф өлкәсендәге сәясәтен фаш итү, милли мәгарифне әлеге сәясәттән, югалудан саклап калу проблемалары күтәрелә.

Мөселман фракциясе вәкилләре мәсьәләне аңлату, халык фикерен ишетү, бер үк вакытта милли мәктәпләрнең торышын өйрәнү нияте белән Россиянең мөселманнар яшәгән өлкәләренә чыгалар, аңлату эшләре алып баралар. Садри Максуди, мәсәлән, 1910 елның жәендә Идел, Урал, Төркестан, Кавказ буйлап сәяхәткә кузгала, әлеге чара матбугатта һәрдаим яктыртылып барыла (Садри әфәнде Максудовның сәяхәте 1910; Садри әфәнде Бохарада 1910; Садри әфәнде илә мөсахабә 1910).

Билгеле булганча, мөселман мәктәпләре һәр заман хөкүмәтнең күз уңында тотылган: аларның саны, мөгаллимнәре, укытуның куелышы, кулланылган дәреслекләр турында мәгълүматлар даими яңартылып торган. ХХ гасыр башында, татар-мөселман мәгарифе яңа баскычка кутэрелгэн, зур усеш алган чорда контроль аеруча көчэя: жэдитчелек хэрэкэте һәм жәдит мәктәпләре күбәю белән татарларның башка мөселман халыклары мэгарифенэ йогынтысы арту, мэктэп-мэдрэсэлэрдэ чит илләрдә, шул исәптән Төркиядә, басылған дәреслекләр, әсбаплар кулланылу, чит иллэрдэ белем алган мөгаллимнэр белем бирү h.б. «рус дэүлэтчелеге мәнфәгатьләренә куркыныч тудырган» мәсьәләләр өзлексез тикшерелеп тора. Ләкин аерым урыннарда, мәсәлән, Төркестанда, халык мәктәпләре инспекторларының жирле халыкларның телләрен белмәве яки начар белуе мөселман мәктәп-мәдрәсәләренең эшчәнлеген тулы бәяләргә мөмкинлек бирмәгән. Мәсьәләне хәл итүнең бер юлы буларак әлеге мәгълүматларны мөселманнарның үзләреннән алу юлы карала. 1913 елның 12 сентябрендә Россия Тышкы эшләр министрлыгының чит диннәр эшләре буенча департаменты директоры Е.В. Менкиннан Оренбург мөфтие М. Солтанов исеменә мөселман мәктәпләре хакында закон ләйхасы төзү өчен кирәкле булган мэгълуматлар соралып жибэрелгэн 8441 нче номер астындагы рэсми хат шундый максатларны күздэ тота. Хатта күрсэтелгэнчэ, элеге чарадан хөкүмәтнең максаты – мөселман мәктәпләренең асылы, максатлары, фәннәрне укыту юллары, укыту программасы, педагогик тәэмин ителеше, дин укытуның эчтәлеген һәм әлеге мәсьәләләрнең ислам дине кагыйдэлэре ягыннан чыгып караганда ни рэвешле дэлиллэнүен

Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре

ачыклаудан гыйбарэт була. Бу хатның эчтэлеге һәм гомумән аның татармөселманнар арасында ни рәвешле кабул ителүе күренекле татар галиме һәм жәмәгать эшлеклесе Риза Фәхреддиннең «Шура» журналының 1913 елгы 24, 1914 елгы 2 нче саннарында басылып чыккан «Дини вә милли мәктәпләребез хакында», «Дини вә милли мәктәпләребез» дигән мәкаләләрендә жентекле тасвирлана 1. Әлеге мәкаләләр күренекле мәгърифәтченең дини һәм милли мәгариф турындагы фикерләре тулы гәүдәләнеш алган әһәмиятле хезмәтләрдән саналырга хаклы.

Мәкаләләр әлеге вакыйганы киң җәмәгатьчелеккә аңлату, аның төп эчтәлеге белән таныштыру максатыннан язылган. Бер яктан, хөкүмәтнең милли мәгариф эшләрен даими күзәтчелектә тотуы, аңа тыкшынуы милләт мәнфәгатьләре ягыннан чыгып караганда бик үк күңелле күңелгә ятышлы күренеш булмаса да, Р. Фәхреддинов аның уңай якларын да күрә:

«Зур бу миллэтнең дини мәктәпләре хакында закон ләйхасы төзү вакытында мәзкүр милләтнең дини кагыйдәләрен вә гомумән шуңа мөнәсәбәтле нәрсәләрне шул милләт галимнәренең үзләреннән тугры ишетеп белү вә ләйханы да шуңа бинаэн кылып төзү бик яхшы эш» (Фәхреддин 1913а: 737).

Р. Фэхреддин татар жәмәгатьчелеген әлеге хатның эчтәлеге белән таныштыру максатыннан аның кулларда йөри торган бер нөсхәсен ирекле рәвештә тәржемә итә:

«Хэзерге вакытта Министерство Мэмлэкэтнең һәр тарафтагы мөселман дини мәктәп вә мәдрәсәләренең бүгенге хәле хакында үз кулында булган материалларны рәткә салырга кереште. Ошбу мөнәсәбәт илә мөтәхассыйс (белгеч – Л.М.) булган затларның үтенечләре буенча мөселманнарның дини тәгълимгә турыдан-туры мөнәсәбәте булган шәригать карарларын белергә ихтыяж тапты. Шул сәбәпле үтенәмез: шәригатьтә мөхәммәдиләрнең дин тәгълим итә торган школларының назначениесе (мәузугы), алардан көтелгән максатлар, аларга тәгълим тәртибе, укытылачак нәрсәләр вә программ, мөгаллимнәр һәйяте вә бала һәм егетләргә дин үгрәтергә алынган кешеләрнең нинди сәляхиятләре (сәләтләре, осталыклары. – Л.М.) хаиз булулары (жыйнавы, эченә алуы. – Л.М.) хакында гомумән бәяннар бармы, булса ниндиләр?» (Фәхреддин 1913а: 738).

Р. Фэхреддин элеге мэсьэлэ буенча үзенең фикерлэрен житкерү кирэк дип таба, шул сәбәпле киң жәмәгатьчелекне әлеге сораулар белән таныштыру өстенә, күпчелектә аларга карата дөрес караш булдыруны да максат итә. Шул сәбәпле ул гомумән дини һәм милли мәктәпләр төшенчәләрен аңлатуға аеруча киң туктала. Бүгенге көндә, Фәхреддин

 $^{^1}$ Әлеге мәкалә шулай ук «Вакыт» газетасының 1913 елгы 6 декабрь санында да дөнья күрә.

фикеренчә, уку урыннары максаты һәм көтелгән нәтижәгә бәйле рәвештә «дини» һәм «дөньяви» исемендә ике сыйныфка аерыла:

«Әгәр дә максуд дин илә ашналык хасыйл итү (таныштыру. – Л.М.) вә дини эшләрдә башкаларга караганда беркадәр ихтисас (белгеч. – Л.М.) кәсеп итү булса, ул мәктәп "дини" исемләнә. Әгәр дә аннан максуд дөнья көтәргә сәбәп була торган һөнәр вә сәнәгать үгрәнү булса, анысы "дөньяви" буладыр. Бу эштән "дини" мәктәптә дөньяви эшләр вә "дөньяви" мәктәпләрдә дини гыйлемнәр укымак дип аңларга тиешле түгел. "Дини" мәктәпләрдә дөньяви һөнәрләр вә дөньяви мәктәпләрдә дини гыйлемнәр укытылырга мөмкин, ихтимал бәгъзе вакытларда бу эш лязем булып та килер. Бәлки дини вә дөньяви исемнәре, югарыда әйтдекемезчә, максуд вә гаять ихтияри илә генә биреләдер» (Фәхреддин 1913а: 738).

Диния нәзарәте карамагында булулары дини мәктәпләрне билгеләүче төп билге. Шул ук вакытта, дини мәктәпләр дини фәннәрне укыту белән генә hич чикләнмәскә тиешләр. Р. Фәхреддин үзенең фикерен раслау өчен түбәндәге фактны китерә:

«Мисырда дәгъвәт вә иршад исемендә дини бер мәдрәсә ачтылар яки ачалар. Моның программында бу көндә ихтыяж күрелгән фәннәрнең һәрбере, хәтта Аурупа телләреннән бер-икесе мәжбүри итеп күрсәтеләдер. Мисыр мөфтие Мөхәммәд Габдүһү хәзрәтләренең "Бу заманда ислам диненең галиме саналыр өчен Аурупа телләренең һич булмаганда берсен белү шарт, Аурупа телләреннән берсен генә дә белгән адәмгә дин галиме исеме бирелү ялгыш эш" дигән сүзе мәшһүрдер. Инде дин галимнәре чыгарыр өчен тәэсис кылына (оештырыла. – Л.М.) торган мәктәпләрдә берәр төрле чит тел укытылмаса, ул мәктәпләр дин галимнәрен ничек житештерә алыр?» (Фәхреддин 1913а: 738).

Шул ук вакытта ул:

«Дөрес, Мөхәммәд Габдүһүнең ул сүзе Коръән вә хәдис маснүне (гадәт итеп алынган. – Л.М.) түгел. Фикһедә исаэ ителеп (васыять ителеп. – Л.М.) тотыла торган бер кагыйдә дә түгел; шуның өчен аңа колак салмаганлыктан бер зарар да булмый. Шулай булса да, мәзкүр сүз, дөрес тәжрибәләрә бинаэн ителгән тугры бер "хакыйкать"тер. Аны инкарь кылучы, Аллаһ каршында гөнаһлы булмаса да, аңлап сөйләүчеләрдән хисап кылынмас», – дип белдерә (Фәхреддин 1913а: 738), чит телләр өйрәнүнең мөһимлеген ассызыклап.

Фәннәр өйрәнүнең әһәмиятен нигезләп, Р. Фәхреддин:

«Ислам дине, фән уку хакында турыдан-туры фәрман биргән булмаса да, һәлакәттән, заляләттән (ялгыш юлга керү, хаталану. –

Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре

Л.М.), хэсрэт вэ фэлэкатьтэн саклану илэ hэм тугры hэм ачык фэрман биргэнлеге мэгълүм», – дип яза (Фэхреддин 1913а: 738).

Рәсми хаттагы дини мәктәпләргә караган вазгыятыне шәригаты күзлегеннән чыгып аңлатма бирү үтенеченә килгәндә, Р. Фәхреддин фикеренчә,

«Заман вә урын үзгәрүе сәбәбеннән үзгәрми һәм башкармый торган нәрсәләр хакында шәригать ачык тәгълимат бирсә дә, заман һәм вакыт үзгәрүе сәбәбеннән үзгәрергә вә башкарырга мәжбүрият була торган яки "табигыйлык" дәрәжәсенә житкән нәрсәләрнең бик күбесе хакында шәригать шул заман галимнәренең мәслихәтләренә тапшырадыр», ди, ягъни кешеләрнең «үзләрен ахирәттә вә дөньяда һәлак булудан саклаячак нәрсәләрне белү, үгрәнү шәригать тарафыннан ачык сурәттә фәрманнар илә тәэкид кылына (раслана. – Л.М.), әмма белү вә үгрәнү кәфиятләрене тәгаен әйтү исә дә гасырның үз балаларына амәнәт ителенәдер» (Фәхреддин 1913а: 738).

Шул рәвешле галим дини мәктәпләрнең максат һәм бурычларын, эчтәлеген билгеләүдә шәригать кануннары белән беррәттән заман таләпләренең дә роле зур булуын раслый.

Укыту ысуллары, билгеле булганча, hәр чор өчен аермалы, үзенчәлекле була, шул сәбәпле аларны бернинди үзгәрешсез озак гасырлар дәвамында куллану мөмкин түгел.

«Ибн Мәскәұвия (Ибн Мискавейх. – Л.М.) вә имам Газәли төзегән программнарның бәгъзе урыннары безнең гасыр өчен уңай булмаса, безнең гасырыбызда төзелгән файдалар вә программнарның да беразы яки бөтенләе киләчәкләр өчен эшкә ярамавы мөмкин», – ди автор (Фәхреддин 1913а: 738).

Шуңа күрә, аның карашынча, тәгълим тәртибе вә тәгълим программалар хакында шәригать тарафыннан бирелгән тугры фәрманнар күрсәтү бик авыр, чөнки даими үзгәреп торуы тиеш булган эшләр хакында ислам шәригатенең турыдан-туры фәрман бирүе мөмкин түгел. Шуңа күрә дә гыйлем өйрәнү мөселманнар өчен фарыз булса да, аның тәхсыйл кәфияте тәгаен кылу һәр гасыр мөселманнарының үзләренә тапшырыла.

Хат барлыгы алты сораудан гыйбарэт, аларга жавапларны биргэндэ Корьэн hэм хэдислэргэ нигезлэнеп дэлиллэү сорала. Р. Фэхреддин бу эшнең хөкүмэт адэмнэре өчен дэ, мөселманнар өчен дә уңайсыз, мэшэкатьле эш булганлыгын эйтэ:

«Әгәр дә, – ди ул, сынау өчен генә булса да, мәзкүр сөальләр илә Инжил вә Тәүрат галимнәренең мөрәжәгать итсәләр вә: "Шушы хакта шәргый бәяннар бармы, булса алар нәрсәләр?" дип сорасалар, зан итәмез ки: Инжил вә Тәурат галимнәре дә жавап бирү турысында уңайсызлыклар күрерләр, вә моның бер мәшәкатьле хезмәт икәнлеген

сөйләрләр. Хәлбуки алар хакында тәрҗемә мәшәкатьләре бөтенләй юктыр» (Фәхреддин 1913а: 739).

Р. Фэхреддин фикеренчэ, хөкүмэт өчен закон проекты төзелгэн вакытта аның дини дэлиллэргэ нигезлэнүе түгел, бэлки дини кануннарга каршы һәм милләтләр өчен зарарлы булмавын гына күз уңында тоту муафикъ. Бу турыда хөкүмәтнең рәсми вәкиле булган мөфтинең «шундый нәрсәләр ислам шәригатенә хилаф түгел», дип биргән фәтвасы, христиан руханилары тарафыннан бирелгән жаваплар кабиленнән хөкүмәт вәкилләре һәм Дума мәжлесе өчен төп дәлил булырга тиешле.

Мөселманнарның дини мәдрәсәләрдә фәннәр уку хокукы булырга, дини дәресләр ана телендә һәм гарәп телендә укылырга тиешле. Әгәр дә мөселманнар өчен шул рәвешле тәртипләр оештырыла калса, Р. Фәхреддин карашынча, моннан мөселманнар гына түгел, хөкүмәт даирәләрендәгеләр үзләре дә файда күрәчәкләр. Шулай ук, мәгърифәтче фикеренчә, проект төзелеп беткәннән соң, Думага тәкъдим ителгәнче тагын бер тапкыр мөселманнарның дини идарәләренә һәм зыялыларга күрсәтелеп үтелсә, эш барышында ачыкланган аерым кимчелекләр һәм житешсезлекләр төзәтелсә, бу ике як өчен дә яхшы булачак.

Риза Фэхреддин алда искэ алынган рэсми хаттагы сораулар белэн журнал укучыларын таныштыра һәм аларга үзе эзерләгән жавапларны да урнаштыра. Бу сораулар түбәндәгеләрдән гыйбарәт:

- 1. «Мөселманнарның дин тәгълимат итә торган мәктәпләрнең назначениесе нинди нәрсә?
  - 2. Шул мәктәпләрдән көтелгән максудлар нинди нәрсә?
  - 3. Аларда тәглим тәртипләре ничек?
- 4. Укытылачак нәрсәләр вә програмнар нинди нәрсә вә нинди рәвештә?
- 5. Мөгаллимнәр һәйяте һәм дин мөгаллимнәре нинди сәляхиятләре хаиз булулары тиеш?
- 6. Ошбу хосусларда ислам шәригатендә бәяннар бармы? Булса, ниндиләр?» (Фәхреддин 1913а: 739).

Әлеге сорауларга бирелгән жавапларда галимнең дини мәгариф, дини мәктәп-мәдрәсәләр һәм аларның эчтәлегенә караган фикерләре тулаем чагылыш таба. Беренче сорауга ул болай дип жавап бирә:

«Дин тэгълим ителэ торган мәктэпләрнең асыл вазыйфалары Аллаһы Тәгаләгә булган бурычларын да вә үз араларында бер-берсенә каршы булган хакларын да үти алырлык динле, игътикадлы вә тәрбияле, гүзәл әхлаклы вә фали инсаннар житештермәкдер» (Фәхреддин 1913а: 739).

Алардан көтелгән максат та, автор фикеренчә, «ислам дине илә ашна (таныш - Л.М.) булмактадыр. Соңгысы исә өч дәрәжәгә аерылырга мөмкин:

Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре

«Мөселман булу өчен шарт ителгән кадәр игътикад (чын күңелдән ышану — Л.М.) вә гамәл рәвешләрен белү; моның өстенә беркадәр дәлилләрне аңлый алу; мәзкүр нәрсәләрнең хикмәтләрен вә дәлил чыгару юллары бар, бу дәрәжә кыяс кыла (чагыштыру — Л.М.) торган вә ижтиһад (тырышлык — Л.М.) илә белүгә кадәр барадыр» (Фәхреддин 1913а: 739).

Р. Фэхреддин, педагогиканың төп принципларына таянып, дини мәктәпләрдә тәгълим-тәрбиянең мөмкин кадәр жиңел юлда алып барылу һәм файдалы булу таләбен алга сөрә, иң кирәкләрдән кирәкләргә күчә барудан гыйбарәт булырга тиешлеген ассызыклый. Укытылачак предметлар һәм программалар мәсьәләсенә килгәндә, алар белем бирүгә карата куелган максатлар белән турыдан-туры бәйле:

«Беренче дэрэжэ өчен игътикад вә гамәли рэвешләрен ялгыз ана теле илә генә дә аңларга мөмкин. Икенче дәрәжә өчен бераз гарәп лөгате вә гомум гарәбия белергә тиешле, өченче дәрәжә өчен Коръән кәримне аңларга вә дәлилләрне дөрес йөртергә ярдәм бирә торган фәннәрне вә моның өстенә дә голүм гарәбия вә гарәп лисанын камил сурәттә белергә тиешле». Шушы өч максат һәм алардан көтелгән нәтижәләрне күз алдында тотып, ул «мөселманнарның мәзкүр өч дәрәжә өчен үзләренә муафикъ сурәттә дини мәктәпләр булырга хажәт бар», дип нәтижә ясый (Фәхреддин 1913а: 739).

Мөгаллимнәр һәйәте һәм дин мөгаллимнәренә хас булырга тиешле сәләт, мөмкинлекләргә килгәндә, Риза Фәхреддин мөселман дини мәктәпләрен башка халыклар, мәсәлән, христиан диненә караган мәктәпләрдән аерып карамый: «христиан дине нисбәт итә нинди сәляхиятләрне хаиз булырга лязем күрелсә, мөселманнарның динен мәдрәсәләрдәге мөгаллимнәр һәйәте илә мөгаллимнәр дә шундый сәляхиятләрне хаиз булырга тиешләр», ди (Фәхреддин 1913а: 739). Алдагы жавапларга нигез, дәлил итеп, автор карашынча, «Төркия, Мисыр вә башка мәмләкәтләрдәге ислам галимнәрен күрсәтергә мөмкин» (Фәхреддин 1913а: 738).

Билгеле булганча, элеге рэсми анкетага жаваплар hәм закон проектын әзерләгәндә ислам галимнәре, имамнарның фикерләре төп урынны алырга тиеш. Р. Фәхреддиннең алда искә алынган мәкаләсе мөселман жәмә-гатьчелеген ялгыш жаваплардан саклау максатыннан чыгып язылган. «Шура»ның 1914 елгы санында басылып чыккан «Дини вә милли мәктәпләребез» дип исемләнгән икенче бер мәкаләсендә ул ислам голямасының әлеге сорауларга жавап әзерләү процессын тасвирлый.

Мәкаләдән билгеле булганча, сораулар аерым бланкларга язылып, Оренбург мөфтие тарафыннан үз кул астында булган муллаларның кайберләренә таратыла, аларның бу хакта фикерләре сорала. Моннан тыш, 10 декабрьдә мөфти беркадәр муллаларны үз каршына жыеп, әлеге мәсьәлә буенча ачыклык кертү максатыннан махсус бер киңәш мәжлесе

жыярга карар кыла. Тик, күп тә үтми, әлеге чараның мөфтинең үз белдеге белән генә оештырылуы, хөкүмәттән рөхсәт алынмавы сәбәпле, мәжлес жыю турындагы карар кире кагыла. Ләкин, шулай булуга карамастан, 10 декабрьдэ 30 дан артык ахун, мөдэррис һәм имам жыела: күбесе, инде юлга чыгу сәбәпле, килмәгез дигән кәгазьне алмаган; кайберләре, белеп тә, элеге чаранын мөселманнар өчен никадэр мөһим бүлүын аңлаган хэлдэ. Уфага килергә карар кыла. Мәжлес уздыруга мөфтинең рөхсәт бирмэячэген аңлаган хэлдэ, муллалар, Бэлэбэй мэчете ахуны Жамалетдин Хурамшин, Мәскәу мәчете имамы Габдулла Шәмсетдинов, бөтен жаваплылыкны үз өсләренә алып, Уфа губернаторы аркылы 10–14 декабрьдә мэжлесне ясар өчен министрдан рөхсэт сорыйлар. Хатка кушымта итеп мәжлеснең программасын һәм катнашачак кешеләрнең исемлеген язып тапшыралар. Министр рөхсэт бирэ, бу хактагы телеграмма кәгазе 13 декабрьдэ килеп ирешэ. 14 декабрьдэ имамнар һәм ахуннар Оренбург диния нэзарэте залына жыелалар. Жыелышка исемлектэ булмаган чит кешелэр, хэтта газета мөхэррирлэре дэ кертелми. Р. Фэхреддин билгелэвенчэ, бу кысынкылык министр һәм губернатор тарафыннан билгеләнми, мәжлесне оештыручыларның үзләренең шулай хәл итуе белән генә эшләнә.

Мәжлестә катнашучылар арасында Петербургның икенче мәхәллә имамы Мөхәммәтзариф Юнысов, Мәскәүнең 1 мәчет имамы Габидулла Шәмсетдинов, Сембердән Мөхәммәтшакир Гаффаров, Тамбов губернасыннан Хәсән Таһиров, Бәйрәкә имамы Мәсгуд Гобәйдуллин, Сергачтан Жәлалетдин Сакалов, Төмән өязеннән Йосыф Сәгыев, Златоусттан Әхмәтсафа Баһаветдинов, Шадриннан Габделвәкил Мөслимов, Уфадан Жиһангир Абзгилдин, Пәрвазетдин Камалетдинов һ.б. – барлыгы 22 кеше була (Фәхреддин 1914: 38).

Жыелышта директор юллаган сораулар укыла, hәм имамнардан аларга жаваплар язып алына (автор аларны мәкаләсендә урнаштыра). Шул ук көнне кичен әлеге жаваплар рәсми хат бланкысына урнаштырыла hәм раслана, әлеге чарада катнашкан имамнар тарафыннан имза куела. Рус теленә тәржемә итеп, чит диндәгеләр эшләре департаменты директорына жибәрергә карар кылына.

Жаваплар Р. Фэхреддин фикерләре белән нигездә тәңгәл килә. Ул бу хакта үзе дә әйтеп уза. Күпчелек очракта жаваплар киңрәк, жентекләбрәк бирелгән. Мәсәлән, укытылачак предметлар турында сүз барганда, жыелышта кабул ителгән документта мәктәптә һәм мәдрәсәләрдә укытылачак предметларның төгәл саннары күрсәтелә, алар санап кителә: мәктәпләрдә 16 төрдәге фәннәр (алар арасында ана телендә уку-язу кагыйдәләре белән имля вә инша, Коръән, гыйльме халь, гыйльме әхлак, тарих мөкатдә, тарихы ислам, тарих милли, Русия тарихы, жәгърафия, хисап, хифзы сыйххәт һ.б. бар), мәдрәсәләрдә, мәктәптә укытыла торган предметлардан тыш, тәфсир, кыйраәт, гыйльме кялям, фикһе, мантыйкъ, гарәп теле һәм әдәбияты, тарихлар, хөкүмәт лисаны (ягъни рус теле), ысул тәгълим, фарсы теле, икътисад, төрки әдәбияты, һәндәсә, моназара,

Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре

фэлсэфэи диния, голүм кимия кебек фэннэр (барлыгы 36 предмет) санап узыла (Фэхреддин 1914: 40–41). Р. Фэхреддин элеге сорау буенча алдан ук борчылуын, һэм, шатлыкка, аның уңай хэл ителүен белдерэ: «Уфада булган жэмгыятынең дини мәдрэсәләрдән фәннәрне сөрмәк тарафында булуларындан хәвефемез зур иде. Чөнки фән сөрелсә, диннең дә сөрелүе лязем булачыгында шөбһәмез юк иде» (Фэхреддин 1914: 42). Моның өстенә, имамнар тарафыннан бирелгән һәрбер жавап аять һәм күпсанлы хәдисләр белән дәлилләнүе дә хөкүмәт тарафыннан куелган таләпләргә жавап бирә. Шул рәвешле Риза Фәхреддин әлеге мәжлестән һәм анда каралган мәсьәләгә карата әйтелгән фикерләрдән риза булуын белдерә, чарада катнашучылар арасында бик мәшһүр, атаклы затларның булуын, әлеге жавапларның мөселманнар һәм аларның мәгарифе өчен ни дәрәжәдә әһәмиятле булуын раслый.

Ризаэддин Фәхреддиннең татар матбугатында басылып чыккан әлеге мәкаләләрендә галимнең милли мәктәп-мәдрәсәләр, аларның эчтәлеге, максатлары, үзенчәлекләре, яхшырту чаралары турындагы h.б. фикерләре чагылыш таба. Бу хезмәтләр шул заман татар жәмәгатьчелегендә татар мәктәпләренә карата дөрес караш формалаштыруда зур әһәмияткә ия.

ЧЫГАНАКЛАР ҺӘМ МАТЕРИАЛЛАР

Садри әфәнде Максудовның сәяхәте 1910 – Садри әфәнде Максудовның сәяхәте // Вакыт. 7 сентябрь 1910.

Садри эфэнде Бохарада 1910 – Садри эфэнде Бохарада // Вакыт. 22 сентябрь 1910

Садри эфэнде илэ мөсахабэ 1910 — Садри эфэнде илэ мөсахабэ // Вакыт. 5 октябрь 1910.

Фэхреддин 1913а — Фэхреддин Р. Дини вә милли мәктәпләребез хакында // Шура. 1913. № 24. Б. 737–740.

Фэхреддин 1913б – Фэхреддин Р. Дини һәм милли мәктәпләребез // Вакыт. 6 декабрь 1913.

Фэхреддин 1914 – Фэхреддин Р. Дини вә милли мәктэпләребез // Шура. 1914. № 2. Б. 37–42.

ТRИӘGДG ИННGФ

Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

Ваһапов Н.Ә. Татар вакытлы матбугатында мәгариф һәм тәрбия мәсьәләләренең чагылышы (1907–1916 еллар). Казан: ТР ФА Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты, 2010.

Автор турында белешмэ: Мортазина Лэлэ Рэис кызы – педагогика фэннэре кандидаты, Татарстан Республикасы Фэннэр академиясе Ш.Мэржани исемендэге Тарих институтының Милли мәгариф тарихы һәм теориясе үзәгенең әйдәп баручы фэнни хезмэткэре (420111, Батурин урамы, 7А, Казан, Россия Федерациясе); lvalvamur@mail.ru

Редакиияга керде 29.05.2020 Басылуга кабул ителде 02.11.2020 Басылды 25.11.2020

THE VIEWS OF RIZA FAKHREDDIN ON RELIGIOUS AND NATIONAL SCHOOLS

L.R. Murtazina

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation lvalvamur@mail.ru

The article analyzes the famous Tatar scholar, teacher, enlightener, and public figure Riza Fakhreddin's opinion on Muslim national and religious schools. Fakhreddin's publications published in the Tatar periodical in 1913-1914 served as a source for writing the work. In 1913, Mufti M.Sultanov received an official letter from the Department for Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The letter requested Muslims' opinions about the situation of religious schools from the Islamic perspective. In his works, Fakhreddin gives the questionnaire answers and covers the Muslim community's opinion about this document.

Keywords: Riza Fakhreddin, national education, national schools, religious schools, secular schools, Shura magazine, official letter

For citation: Murtazina L.R. Rizaeddin Fäkhreddinneñ dini häm milli mäktäplär turyndagy fikerläre [The Views of Rizaeddin Fakhreddin on Religious and National Schools]. Istoricheskaya etnologiya, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 243–253. https://doi.org/ 10.22378/he.2020-5-2.243-253

REFERENCES

Arsharuni A., Gabidullin H. Ocherki panislamizma i pantjurkizma v Rossii [Essays on Pan-Islamism and Pan-Turkism in Russia]. Moscow: Bezbozhnik, 1931. (In Russian)

Vagapov N.E. Tatar vakıtlı matbugatında mägarif häm tärbiyä mäsäläläreneñ çagılışı (1907–1916 yıllar) [Problems of Education and Upbringing in Tatar Periodicals (1907-1916)]. Kazan: RT Academy of Sciences Institute of History Publ., 2010. (In Tatar)

Мортазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре

About the author: Lyalya R. Murtazina is a Cand. Sc. (Pedagogy), Leading Research Fellow of the Center of History and Theory of National Education, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); lyalyamur@mail.ru

Received May 29, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

ВЗГЛЯДЫ РИЗЫ ФАХРЕДДИНА НА РЕЛИГИОЗНЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ

Л.Р. Муртазина

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация lyalvamur@mail.ru

В статье анализируются взгляды известного татарского ученого, педагога, просветителя и общественного деятеля Ризаэддина Фахреддина на проблему национальных и религиозных школ мусульман. Источником послужили публикации Фахреддина в татарской периодической печати за 1913—1914 годы. В 1913 году муфтием ОМДС М. Султановым было получено официальное письмо от Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел России, где спрашивалось мнение мусульман о состоянии религиозных школ с объяснением их на основе постулатов исламского вероучения. В своих работах Фахреддин дает ответы на вопросы анкеты, а также освещает мнение мусульманской общественности об этом документе.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, национальное образование, национальные школы, религиозные школы, светские школы, журнал «Шура», официальное письмо

Для цитирования: Муртазина Л.Р. Ризаэддин Фәхреддиннең дини һәм милли мәктәпләр турындагы фикерләре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 243–253. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.243-253

Сведения об авторе: Муртазина Ляля Раисовна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории и теории национального образования Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); lyalyamur@mail.ru

Поступила 29.05.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИННЕҢ *«ШУРА»* ЖУРНАЛЫНДАГЫ ЛИНИ ЬӘМ МИЛЛИ КИЕМ БЕЛӘН БӘЙЛЕ МӘКАЛӘЛӘРЕ

И.Г. Мифтахов

Әнкара университеты Әнкара, Төркия dajbog12@gmail.com

Мәкаләдә танылған ғалим, дин әһеле, әдип һәм журналист Ризаэддин Фәхреддиннең үзе баш мөхэррир булып хезмэт иткән «Шура» журналында басылып чыккан «Киемнәр хакында» исемле мәкаләләре анализлана. Ризаэддин Фәхреддин бу язмаларында кием-салымны дини, милли, икътисадый, медицина һәм зәвык жәһәтләреннән тирән анализлый. Мөселманнар өчен махсус киемнең булуы яки булмавы, башка миллэт һәм дин кешеләренең киемнәрен мөселманнарга киюнең рөхсэт ителүе кебек мәсьәләләр карала. Кием-салымның исламият күзлегеннән караганда бер изге тарафы булмавы аңлатыла. Киемнең кешенең холкына, үз-үзен тотышына тээсире булуы белдерелэ. Фэхреддин үзенең мәкаләләрендә дин әһелләре өчен ислам тарафыннан билгеләнгән махсус форма булмавын, һәр халыкның климат шартларына, гореф-гадэтләренә күрә кием формалары булуын ачыклый. Галимнэрнең һәм дин әһелләренең башкалардан кием белән түгел, ә гыйлем, өстен эхлак белән аерылып торулары кирәклеген искәртә. Ләкин шуңа карамастан дин әһелләре өчен ул жирлектә кабул ителгән кием, ягъни татарларда чапан белән чалма киюләре күркәм бер гамәл булуын белдерә. Ризаэддин Фәхреддин милли киемгә карата житди позициядә тора, милли кием куллану, аны саклау кирәклегенэ басым ясый. Милли киемне саклауда төп вазыйфа имамнар яки газета һәм журналларда язмалар белән генә саклау мөмкин түгел. Төп хезмәт милли кием житештеруче һәм шулар белән сату итуче сәудәгәрләр өстендә булуын белдерә. Ризаэддин Фэхреддиннен кием-салым белән бәйле бу язмалары XX гасыр башындагы жәдитчеләрнең киемгә булган карашларын өйрәнү өчен мөһим бер чыганак булып тора.

Төп төшенчәләр: Ризаэддин Фәхреддин, татарлар, *«Шура»* журналы, дини форма, милли кием, XX гасыр башы, ислам, жәдитчелек

Сылтама ясау өчен: Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең *«Шура»* журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 254–268. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.254-268

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «*Шура*» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

... Иманлы түгел киемеңез, иманлыдыр калебеңез Иман түгел киемдә, бәлки иман калебтә... (Чапан илә пальто гаугасы исемле әсәрдән)

XX гасыр башы татар халкы жәмгыять тормышының иң хәрәкәтле чорларыннан берсе булып тора. XIX гасырның икенче яртысында башланып киткән жәдитчелек хәрәкәте яңа гасыр башында үзенең алтын чорын яши. Әлеге чор жәдитчеләр белән кадимчеләр арасында көрәшнең дә иң кызган вакыты. XX гасыр башында яңа гына мәйданга чыккан вакытлы татар матбугаты да моңа үз өлешен кертә. Россия империясендә татарларга газета һәм журналлар нәшер итәргә рөхсәт иткәнче, кадимчеләр белән жәдитчеләр рисаләләр, китаплар аркылы бер-берсе белән фәнни көрәш алып барганнар, бер-берләренә каршы рәддияләр язганнар. Вакытлы матбугат барлыкка килгәч исә бу жиңелрәк хәл ителгән. Чөнки газета яки журналлар даими рәвештә чыгып тора һәм күп халык арасында тарала. Рисаләләр исә халыкның бөтен катлавына ирешмәү сәбәпле вакытлы матбугат кадәр тәэсир итә алмый.

Ул чорда жәдитчеләр белән кадимчеләр арасында кызу бәхәсләрнең берсе булып кием-салым бәхәсе тора.

Мисал өчен, 1910 елда Казанда басылган *«Бетсен чапан күтөрелсен йөздөн пәрдәләр»* исемле «Ачык йөз» тәхәллүсе белән язылган әсәрдә татар хатыннарының сарт¹ чапаны киеп йөрүләре тәнкыйть ителә, чапан урынына калфак тагып, шәл бөркәнергә өндәлә (Ачык йөз 1910: 5, 7).

1900 елларда язылып, 1906 елда басылган «Чапан илә пальто гаугасы» исемле кечкенә генә шигъри әсәрдә дә шулай ук кием мәсьәләсенә басым ясала. Автор ике тарафның да чиктән ашуларын белдерә һәм икесенең дә урта юлдан барулары кирәклегенә ишарәт итә (Сахибе 1906: 3–4). Шулай ук монда бары тик тышкы кием, кыяфәт белән генә тәрәкъкый тарафдары булу мөмкин булмавын белдереп болай диелә:

Яңаларда шул эш бар, пәлтә кыска брюка тар Бу эшне дә тәрәкъкый дип йөрүче кешеләр бар Яңалык тәрәкъкыйлек түгел ул пәлтә кимәк Бәлки будыр яңалық, мәгарифне күп итмәк (Сахибе 1906: 5).

Кадимче тарафның мәшһүр шәхесләреннән Морат Рәмзи дә җәдитче яшьләрне тәнкыйтьләп язган бер шигырендә болай дип әйтә:

«Өйлә² малайлар ки, дин вә диянәттән бихәбәр Башларына шапка киеп, билләренә каеш баглайлар

255

¹ Сарт дип ул чорда Урта Азиядә утрак тормышта яшәүче халыкларны атап йөрткәннәр, аларның күпчелек өлешен үзбәкләр тәшкил иткән

 $^{^{2}}$ Өйл $_{2}$ — шундый

Өйлә малайлар ки, кяффә-и мәгарифтән ^{3} бихәбәр» дип яза (Рәмзи 1911: 105).

Ягъни аларның дини гыйлемнәре булмавына басым ясый һәм билләренә каеш тагып, эшләпә киюләрен тәнкыйть итә.

Әлбәттә, һәр милләтнең киенү рәвеше, кием-салымы заман белән бергә үзгәрә бара. Кайсыбер яңа формалар өстәлә, кайсыберләре югала тора⁴. Моның табигый бер нәрсә булуын Ризаэддин Фәхреддин дә кабул итә.

Кием-салым кеше тормышында мөһим урын алып тора. Ул кешенең ия булган мәдәниятның аның карашларына ишарәт итүе мәгълүм бер нәрсә. Шулай ук тышкы кыяфәт аша аның женесе, дәрәжәсе, яшәгән төбәге, милләте, мәдәнияте хәтта хис-тойгыларын да белдерергә сәләтле (Yüksel Uysal 2016: 307).

Ризаэддин Фэхреддиннең «Шура» журналындагы кием белән бәйле язмалары. Кием-салым белән бәйле буларак «Шура» журналы идарәсенә 1910 елда Исхак Таҗетдинов тарафыннан мөселманнар өчен кию һәм файдалану тыелган киемнәр турында сорау бирелә. Ләкин бу сорауга идарә ул вакытта бик кыска итеп мөселманнар өчен кияргә һәм кулланырга рөхсәт ителгән кием-салым фикыһ һәм хәдис китапларында бәян ителгән дип җавап бирү белән чикләнә (Таҗетдинов 1910: 62). Кием-салым белән бәйле тәфсилле язмалар исә бу сораудан соң биш ел үткәч каләмгә алына.

Ризаэддин Фәхреддиннең милли һәм дини кием белән бәйле мәкаләләре «Шура» журналының 1915 елгы 8, 9, 10 нчы саннарында басылып чыга. Аның үзенең дә белдерүенчә, бу чорда инде кием низаглары бераз сүрелә төшкән. Ике тарафта булучылар да бу вәзгыятькә күпмедер дәрәжәдә ияләшкәннәр. Ләкин әле бу көнүзәк мәсьәлә булудан туктамаган. Шуңа күрә Фәхреддин дини, милли кием мәсьәләсендә үз фикерләрен каләмгә ала. Ул шулай ук 1917 елда басылган «Жәвамигел-Кәлим шәрехе» исемле китабында да хәдисләргә шәрех язганда кием темасына киң урын бирә⁵.

«Шура» журналында «Киемнәр хакында» дип аталган беренче язмасында Фәхреддин үз гасырында ислам дөньясында дин исеменнән иң күп шау-шу тудырган мәсьәләнең кием мәсьәләсе булуын белдерә. Шуның белән бергә бу проблеманы электән үк булуын, мәҗүси баш киеме кигән кешенең кяфер булу яки булмавы фәтва китапларында язылуы, ләкин борынгы дәвердә моның белән бары тик галимнәр генә мәшгуль булуын, хәзерге чорда исә бөтен кешене кызыксындырган гомуми бер мәсьәләгә әйләнүен аңлата. Шуңа күрә кием мәсьәләсе инде хәл ителеп, әлеге

⁴ Бу хакта киңрәк мәгълумат өчен карагыз: (Воробьев 1930: 464).

³ Кяффә-и мәгарифтән - бөтен мәгарифтән.

⁵ Әлеге китапта кием-салым белән бәйле 30, 57, 62, 86, 128, 167, 192, 299 номерлы хәдисләр һәм ул хәдисләргә шәрехләр бирелә.

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фэхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

сорауга нокта куелырга тиешлеген искәртә. Ризаэддин Фәхреддиннең әлеге язмасы басылганнан соң 105 ел үтеп киткән, ләкин әлеге мәсьәләгә һаман нокта куелганы юк дип әйтергә мөмкин. Мөселман кием-салымы белән бәйле бәхәсләр, аңа төрле карашлар әле бүгенге көндә дә дәвам итеп килә

Төркиләрнең борынгы киемнәре һәм кием-салымның үзгәрүе. Ризаэддин Фәхреддин үзенең мәкаләсен төркиләрнең борынгы киемнәренә бер күзәтү ясау белән башлап жибәрә. Ул төркиләрнең, Идел буе болгарларының киемнәрен тасвирлаган чыганакларның бик аз булуын ассызыклап үтә. Монда Ибн Фазлан белән Ибн Батутаның хезмәтләре генә искә алына. Ибн Фазланның сәяхәтнамәсендә болгарларның киемнәре турында мәгълүмат аз бирелүенең сәбәбен исә ул болай дип ачыклый: «Ибн Фазланга болгарларның кыяфәтләре, кием-салымлары электән дә билгеле булган, чөнки төрки халыклар ул дәвердә Багдадта күп булганнар» (Фәхреддин 1915а: 225). Фәхреддин ул чорда Оренбург музеенда сакланучы мөселман хатын-кызларының киемнәре, бизәнү әсбаплары булуын, ләкин аларның да бик борынгы булмауларын, иң күбе йөз ел элеккеге чорга каравын яза.

Ризаэддин Фәхреддин кием-салым рәвешенең һәр чорда үзгәреш кичерүен белдереп моңа үрнәк буларак, үзе бәләкәй чакта туганнарыннан өлкән яшьтәге бер хатынның сандыгында үзе эшләгән калфак күрүен тасвирлый. Калфакның ак мамыктан бәйләнгән булуын, башка кигәч очындагы чугының жиргә тияр-тимәс булып торуын белдерә.

Кием модасының үзгәрүе белән бәйле буларак Шиһабетдин Мәрҗани дә үзенең «Мөстәфад әл-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар» исемле тарихи әсәрендә бу теманы телгә ала. Аның белдерүенчә, XVIII гасыр ахыры — XIX гасыр башында Казан мөселманнары кием-салымда руслар тәэсиренә бирелгәннәр. Мәсәлән, аларның бөрмәле кара чикмән, кара эшләпәләрен кигәннәр һәм шулай ук туйларда ирләр хатыннар бергә утыра торган булалар. Моңа Бохарада гыйлем алып кайткан дин әһелләренең чик куюы белдерелә (Мәрҗани 1900: 24–25).

Башка миллэтлэр киемен кию мәсьәләсе XIX гасырның икенче яртысында ук инде телгә алынуы мәгълүм. Шиһабетдин Мәржанидән бер мәжлестә сәүдәгәр Ибраһим Акчурин эшләпә киюнең хәрам булуы яки булмавын сорый. Мәржани исә хәрам түгел, хәтта мәкруһ дип әйтергә дә урын юк дип жавап бирә⁶ (Таиров 2012: 2).

⁶ Эшлэпэгэ дин эһеллэренең тискәре карашы эле 20 нче гасыр башында да дэвам иткән булса кирәк, чөнки Воробьев Н.И. үзенең хезмәтендә кайсыбер татарларның эшлэпәнең алдан һәм артта читләрен кисеп киюләрен белдерә, моның сәбәбен исә халык яшен сугудан саклану өчен эшләвен белдерә . Автор Гали Рэхимнең исә моның сәбәбе дин әһелләренең басым ясавы аркасында икәнлеген дә язып үтә (Воробьев 1930: 365).

Ризаэддин Фэхреддин үзе мәдрәсәдә укыган чорда, ягъни XIX гасырның 70-80 нче елларында мәдрәсәләрдә бәхәсләрнең, низагъларның ин зурысы чалбар тирәсендә булуын аңлата⁷. Бу чордан башлап чалбар киюче, анын балагын тышка салындырып йөрүчеләрдән берсе мәгърифэтче Каюм Насыйри булуын да эйтеп киту кирэк (Насыйри 2017: 163). Бәхәс башта чалбар киюнен дини яктан тыелган яки рөхсәт ителгән бүлүы белән бәйле бұла. Соңрак исә бер төркем дин әһелләре чалбар киюне катгый рэвештэ хэрам дисэ, икенче төркем исэ чалбар балагы читек яки оек балтыры эченә кыстырылса рөхсәт ителә дип дәгъва кылалар⁸. Әлеге мәсьәләдә Ризаэддин Фәхреддин шуңа игътибар итә, дин әһелләре чалбар киюне эшчеләргә рөхсәт итәләр, ләкин үзләренә киюне хәрам дип белдерәләр. Һәм ул шулай аңлата: әгәр бу хәрам икән, искәрмәсез, бөтен кешегә дә хәрам булырга тиеш (Фәхреддин 1915а: 226). Бу унайдан Фәхреддин Уфа шәһәрендә казый булып торган вакытта үзе белән булган бер кызыклы вакыйганы да аңлатып уза. Ул Дини идарэгэ казый булып килгэн берәүнең кыска кием, ботинка киеп йөрүенә һәм моңа халыкның ияләшеп бетүеннән соң, аның эшләпә кия башлавы хакында бәян итә. Шулай бервакыт урамда барган вакытта Богырыслан өязе ахуны Габбас хэзрэт очрагач, Фэхреддин аны яңа казый белән таныштыра. Шунда Габбас хэзрэт: «haй, оятлы булдым бит! Мин аны эрмэн дип торам» дип жавап бирүен аңлата (Фәхреддин 1915а: 226).

1915 елда «әд-Дин вә әл-Әдәп» журналында милли һәм дини кием мәсьәләсе турында имзасыз бер мәкалә басыла. Аның авторы һәрхәлдә Галимжан Баруди булырга тиеш. Бу язмада халыкның Аурупа киеменә, гореф-гадәтләренә, модасына ияреп үз йолаларын, киемнәрен югалта баруларына аның борчылуы белдерелә. Мәкаләдә автор милли бер гадәт булу белән бергә, мөселманлыкның бер ачык күрсәткече дә булып торган кәләпүш киючеләрнең дә сирәгәя баруына кайгыруын күрсәтә (Тәъәссүфле хәлләремез 1915: 207). Аның бу язмасында кәләпүшне мөселманлыкның бер билгесе, күрсәткече буларак кабул итүен аңларга мөмкин. Шулай ук 1909 елда Габдулла Нәдимнең Казанда Харитонов матба-

⁷ Ул чорга кадэр халык арасында күпчелек киң төпле, төрле материалдан гади генә тегелгән ыштан кулланылган. Н.И. Воробьевның белдерүенчә, ул ыштаннар ирләр өчен дә, хатыннар өчен дә бер формада тегелгән.

 $^{^8}$ Ризаэддин Фәхреддин бу язмасында $^{\prime\prime}$ журналында 1915 ел, 5 нче санда басылган $^{\prime\prime}$ Чалбар» хикәясен искә ала. Хәзерге чор кешеләренә әкият кебек тоелса да, үзе шәкерт булган елларда мондый очракларның күп булуын белдерә. Г. Газиз тарафыннан язылган кыска хикәядә чалбарга каршы дошман булган Вәлиулла мулла юлда үзенең шәкерте Сәетгәрәйне чалбар кигән килеш күреп ала. Ул шәкертен ирексезләп чалбарын салырга мәҗбүр итә. Баксаң, Сәетгәрәй чалбары булмагач, җиләненең җиңнәрен аягына киеп, аны биленә бәйләп, чалбары булуы белән мактанырга дип чыккан була.

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «*Шура*» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

гасында басылган « Θ ч мәсьәлә» исемле китабында да мөселманнарның кием-салымнары турында тәнкыйди мәгълүмат бирелә. 10

"مَنْ تَثْبَهُ بِقَوْمٍ فَهُوَ مِنْهُمْ" "Мән тәшәббәһә бикаумин фәһүвә минһүм" ("Кем бер кавемгә охшарга тырышса, алардан булыр") хәдисе

Озак вакытлар буе дин әһелләре, галимнәр тарафыннан башка милләтләргә охшауны тыю өчен кулланылган "Мән тәшәббәһә бикаумин фәһувә минһүм" хәдисе белән бәйле бәхәсләр әле бүгенге көндә дә дәвам итә (Токріпат 2005: 85–109). Әлеге хәдискә шәрех язучылар башка милләтләргә охшауны төрлечә тасвирлаганнар. Кайберәүләре тышкы кыяфәт ягыннан охшау¹¹ белән бергә уй, фикер йөртүдә охшауны, кайберәүләре исә башка диннәрнең символларын үзләренә алуны моңа керткәннәр (Yüksel Uysal 2016: 301). Бу хәдис татар матбугатында дин әһелләре тарафыннан да байтак искә алына. Мисал өчен, Рамил хәзрәт Юнысов белән әңгәмәдә әлеге хәдис Яңа ел бәйрәм итү белән бәйле буларак кулланыла (Басыйрова 2018).

Әбү Давыд жыентыгында китерелгән әлеге хәдис хакында Ризаэддин Фәхреддин аны кайсыбер хәдис галимнәре зәгыйфь хәдис буларак кабул итүләре турында яза ^{12} .

Ризаэддин Фэхреддин ислам дине тарафыннан яңа бер киенү рэвеше, бер форма китерелмәвен аңлата. Киемнең гаүрәтне каплаган булуы, ирләр өчен ефәктән булмавы, ирләрнең хатын-кызлар киеме, хатын-кызларның ирләр киемен кимәскә тиешлеге, шулай ук кыргый зәгъфранга буялган киемнең тыелган булуыннан башка, кием-салымда кешенең ирекле булуын белдерә. Әгәр исламият тарафыннан берәр форма билгеләнгән булса, ул иң беренче чиратта хәзрәти пәйгамбәр һәм сәхабәләр дәверендә тәгаенләгән булырга тиешлеген искәртә. Монда бары тик хаж вакытында киелгән ихрам гына искәрмә булып тора. Ләкин бу мәсьәлә хакында

10 «Оч мәсьәлә» әсәре Трансвааль мөселманнары тарафыннан Мисыр галимнәренә бирелгән өч сораудан тора. Бу сорауларга ул вакытта Мисыр мөфтие булган танылган галим Мөхәммәт Габдүһ кыска рәвештә жавап бирә. Бирелгән сорауларның әһәмиятле һәм Россия мөселманнары өчен дә кирәкле булуына басым ясаган Габдулла Нәдим әлеге фәтваларны тулыландырып, фикыһ китапларыннан өстәмәләр кертеп, киңәетеп нәшер итә. Бу өч сорау түбәндәгеләр: 1) Мөселманнарга Аурупа халкы киемен кию рөхсәт ителәме? 2) Христианнар суйган итне мөселманнарга ашау дөресме? 3) Бер мәзһәбтәге кешенең икенче мәзһәбтә булган кешегә оеп намаз укуы дөресме?

⁹ Бу рисалә мәшһүр кадимче Ишмөхәммәт ишан тарафыннан да тәнкыйть ителә. Карагыз: (Ибн Динмөхәммәт 1911: 189).

¹¹ Әлеге хәдис белән бәйле буларак «*Өч мәсьәлә*» рисаләсендә бу хәдиснең кием-салым белән бәйле булмавы белдерелә (Нәдим 1909: 7–8).

¹² Бу хәдиснең башка риваятьләре һәм аның зәгыйфь яки ышанычлы хәдис булуы хакында карагыз: (Tokpinar 2005: 85–109).

Коръэни Кәримдә мөселманнар өчен махсус кием белән бәйле һичбер аять булмавы белдерелә.

Мөселманнар арасында дини кием буларак танылган чалма хакында Ризаэддин Фэхреддин аның исламга кадәр үк яһүдиләр һәм һинд мәҗүсиләре тарафыннан да киелүен искәртә. Гарәпләр арасында исә чалма аз таралган булуын язып үтә.

Ризаэддин Фәхреддин кием мәсьәләсендә үзенең «Жәвамигел-Кәлим Шәрехе» исемле әсәрендә илле жиденче хәдискә шәрех язганда югарыдағы мәсьәләгә кағылып уза. Ул болай ди:

«Бездә мөселманлык үлчәве кием белән булып, үзләренә мәгълүм булган формаларда йөрүчеләрне мөселман, чалма белән чапан яки жөббә кигәннәрне галим һәм фазыйл саныйлар. "Мөселман кем?" соравына каршы Рәсүлуллаһ тарафыннан: "Өстендә чапан яки жөббә һәм башында чалма булыр" рәвешендә жавап биргән бер генә хәдис китабын да күргәнебез юк. Бу хәдистә пәйгамбәребез с.г.в. "Мөселман кем?" сөаленә: "Кешеләр үзләре һәм маллары хакында аңардан имин булырлар" дип жавап бирә» (Фәхреддин 1916: 82).

128 нче хәдис аңлатмасында Фәхреддин өстенлекләрен күрсәтү өчен тәкәбберләнеп изарларын¹³ жирдән сөйрәлерлек озын киючеләр турында аңлатканда болай дип яза:

«Гарәпләр изарларын тәкәбберлек белән жирдән сөйрәлерлек итеп йөргәннәр. Рәсүлуллаһ исә моны тыйган. Ләкин монда төп максат изар түгел, ә тәкәбберлек булып тора. Шуңа күрә тәкәбберлек булмаганда изарны өстерәп йөрү, яки тәкәбберләнүчеләргә махсус формалар, хәтта кыска киемнәр кию, кәләпүшләрне, бүрекләрне кыңгыр салып йөрү дә изар кебек үк тыелган булырга мөмкин» (Фәхреддин 1916: 198).

Мөселманнарның башка кешеләрнең тышкы кыяфәтләренә, киемнәренә артык игътибар итүләре турында бер мисал китереп, Габдулла Нәдим Жамалетдин Әфганинең Петербургта татар муллалары белән очрашуын искә ала. Әфгани белән күрешер өчен махсус Петербургка килгән ике имам үз төбәкләрендәге мөселманнарның кыска кием, эшләпә киюләрен сөйлиләр һәм моны "Кем бер кавемгә охшаса" хәдисенә нигезләп, бу хакта Әфганинең фикерен сорыйлар. Шул кадәрле ерак арадан, шундый бер кирәксез сорау бирер өчен килүләренә гажәпкә калган Әфгани аларга: «Пәйгамбәребез тегүче түгел иде. Тегүчелек гыйлемен өйрәтергә дә килмәде, ул кешеләргә ике дөнья бәхетен бирәчәк дин гыйлемен өйрәтергә килде» дип жавап бирә (Нәдим 1909: 11).

Ризаэддин Фәхреддин әлеге хәдиснең башка милләтләрнең киемнәрен киюдән тыю өчен куллануының ялгыш булуын белдерә. Чөнки хәзрәти пәйгамбәр башка милләтләрнең киемнәрен киюе, хәтта шул киемнәр белән

_

 $^{^{13}}$ Гарэплэрдэ гэүдэнең билдэн түбэн өлешен каплау өчен кулланылган кием төре.

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

намаз укуы да риваять ителгәнен әйтә. Икенче яктан караганда, эгәр бу хәдис кисәтү яки чит милләтләрнең киемнәрен киюдән тыю өчен сөйләнгән булса иде, ирләргә ефәк кием, алтын йөзек тагуны тыйган кебек, ачык рәвештә хәдисләрдә белдерелгән булыр иде ди. Шулай ук, әгәр бу башка кавемнәргә охшауны тыю булса иде, ашаган вакытта чәнечке-пычак куллану, өстәл артында ашау, газета-журнал чыгару, Аурупадагы кебек сәүдә оешмалары төзү һәм башкалар да шулай ук тыелган булыр иде.

Фэхреддин бу хәдистәге تَشَبَّ «тәшәббәһә» фигыле охшау дигән сүз, түгел, ә охшарга тырышу дип аңлата, шуңа күрә берәр файда өчен, охшау максаты булмаган килеш киемне кигән очракта әлеге хәдискә нигезләнмәскә кирәк дип белдерә. Моның белән бергә ул, башка дин тотучыларның ачык символларын, аларның дин әһелләре тарафыннан үзләрен бүтәннәрдән аеру өчен кигән киемнәрен кулланырга ярамавын искәртә (Фәхреддин 1915б: 290). Ләкин бу очракта да моңа дәлил буларак әлеге хәдисне куллану мөмкин булмавын белдерә.

Фәһүвә минһүм» (ул алардандыр) гыйбарәсен Ризаэддин Фәхреддин хәрам, мәкруһ булуы яки бу кешенең диннән чыгуын аңлатмавын яза. Бу хәдискә шәрех язучылар аны «Изгеләргә охшаучылар хөрмәт күрерләр. Бозыкларга охшаучылар хөрмәт күрмәсләр» дип халык арасында кулланылган мәгънәгә һич туры килмәгән рәвештә аңлатма бирәләр дип шәрехли (Фәхреддин 1915б: 290). Ягъни хәдистә «Кем бер кавемгә охшарга тырышса, шулардандыр» дигән вакытта, ул дин кешесе була, ягъни кяфер була дигән сүз түгел. Ә бары тик аларга охшавы сәбәпле хөрмәт күрмәс дигәнне аңлата дип әйтә.

Дин әhелләре өчен махсус кием мәсьәләсе. Ризаэддин Фәхреддин дин әhелләре, галимнәре өчен махсус кием, форма кирәк булу яки булмавы турында да үз фикерен белдерә. Башка дин әhелләренең гомуми халыктан аерылып тору өчен махсус киемнәр киюен, мөселманнарда Әбү Йосыфның 14 үз вакытында галимнәр белән гади халыкны аеру өчен махсус бер форма кертүен яза. Үзе исә ислам галимнәре өчен махсус бер форманың кирәк булуы яки булмавы дәвергә, климат шартларына, дәүләтләрнең ихтыяжына күрә хәл ителергә тиешле бер мәсьәлә булуын, шуңа күрә, катгый рәвештә кирәк яки hич кирәк түгел дип әйтергә мөмкин булмавын белдерә.

Фэхреддиннең фикеренчэ, ислам дине кешелэр арасында тигезлек принципына нигезлэнгэн, шуңа күрэ ул махсус форма булу тарафдары түгел. Әгәр берәр төрле аермачылық, өстенлек булса, бу киемдә түгел, ә

¹⁴ Әбү Йосыф Якуб ибн Ибраһим (731, Куфә – 798, Багъдад), Әбү Хәнифәнең шәкерте. Һади (785–786) һәм Һарун әр-Рәшид (786–809) хәлифәләр вакытында казый вазыйфасын үти. Хәлифәлек тарихы өчен кыйммәтле чыганак булып торган Китаб әл-Хараж китабының авторы. Карагыз: (Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи 2001: 415).

мәгънәви яктан булырга тиеш. Голәма башкалардан күркәм әхлак, гыйффэт, күңел пакълеге белән аерылып торырга, өстен булырга тиеш ди. Ул үз сүзләренә дәлил буларак $\hat{K}$ оръәни $\hat{K}$ әримнән ﴿ وَلَاكَ خَيْرٌ وَلَاكَ خَيْرٌ وَلَاكَ مَا الْتَقُوٰ فَ ذَٰلِكَ خَيْرٌ وَلَاكَ الْمَعْنِي فَالْكَا لِمَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَالْمَالِ اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَّا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَّهُ وَلَا اللَّهُ وَلَا اللَّا لَا اللَّهُ وَلَا اللَّهُ وَاللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ وَاللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللّلَّا لَا اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ لَا اللَّهُ اللَّا اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّا لَا اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّهُ اللَّا اللَّهُ اللَّا اللَّا اللَّاللَّا اللَّا لَا اللَّالِي اللَّلَّا اللَّهُ اللَّا لَا اللَّلَّا لَلّا аятен китерэ (Фэхреддин 1915б: 291). Лэкин моның белән бергә, Жәвамигел-Кәлим шәрехе исемле хезмәтендә зарурәт булмаган вакытта мөфти, казый, имам, мөэзин, мөдэррис һәм мөгаллимнәрнең халык ярата торган рэвештэ киенергэ, бигрэк тэ хэдис, тэфсир, сира һэм фикыһ фэннэрен укытучыларга Пушкин, Лермонтовларга охшау максаты белэн яланбаш, пумала баш булып йөрмәскә тиешләр дип белдерә. Шулай ук мәдрәсә шәкертләренең урамда халык каршында гармун тартып, скрипка, балалайка күтэреп йөрүлэре дә шарт түгел. Әгәр чалмадан йөрү унайсыз булса, бүрек һәм җөббә белән йөрү бер дә уңайсыз булмаса кирәк дип әйтә (Фэхреддин 1916: 470). Указлы бер имамның яланбаш, биленә билбау буган килеш бер яшь егет белән кызга никах укуын ишеткәч үзенең чиксез кайгыруын белдерә. Бу хакта ул «Шул вакытта гына булса да башына чалма, өстенә берәр озын кием кигән булса, кайсы жиренә кимчелек килгән булыр иде?» дип борчылуын аңлата.

Димәк, Ризаэддин Фәхреддин ислам дине тәгълиматы күзлегеннән чыгып караганда дин әһелләре өчен махсус бер форма булмавын искәртә. Ләкин дин әһелләренен, дини уку йортларында укытучыларының халык тарафыннан сөелгән, аларга килешердәй кием-салым киюләренең хәерлерәк булуын сөйли.

Завык, икътисадый ham саламатлек ягыннан кием-салым. Ризаэддин Фәхреддин киемнең кешенең эчке дөньясы белән бәйләнеше булуын, зәвык ягыннан караганда күңеленә хуш килә торган, җанына тынычлык бирә торган булырга тиешлеген белдерә. Ул үз киемнәрен яратып киючеләрнең холыклары яхшырак hәм аларның сабыррак булуын, андый кешеләр белән сөйләшү дә рәхәт булуын яза. Үз киемнәрен яратмаучыларның исә киресенчә, табигате бозыла, алар ачулы, кәефсез булалар дип аңлата.

Медицина күзлегеннән караганда, кием-салым кешене суыктан һәм эсседән сакларга, тәнне авырттырмаслык, кан әйләнешенә зарар китермәслек булырга тиеш дип ассызыклый Фәхреддин. Һәм киемне тектергән, сатып алган вакытта бу факторларга игътибар итәргә кирәк ди. Фәхреддин ул чорда татарлар арасындагы бу мәсьәләгә нинди караш булуын болай аңлатырга тырыша:

«Безнең үз арабызда докторлар булмаганлыктан, булганнары да Аурупа модасы белән киенеп йөргәнлектән, безнең киемнәребез бүгенгә кадәр медицина фәне тарафыннан өйрәнелмәгән, сәламәтлек саклау кагыйдәләренә туры килүләре яки килмәүләре турында табибларның фикерләре соралмаган. Бәлки безнең бик файдалы киемнәребез, үзебез дә белмәгән сәбәпләр аркасында башка берәр

 $^{^{15}}$ $\partial zpa\phi$ сурэсе, 26 нчы аять 'Тэкъва киеме... ул исэ тагын да хэерлерэктер'.

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

зарарлы формага алмашынып бара торгандыр. Яки киресенчә, бер файдалы формага алышынырга тиешле кием әле һаман өстебездәдер» (Фәхреддин 1915б: 291).

Ул шулай ук үзенең сырган бәрхет кәләпүш һәм каракүл бүрек яратып киюен, ләкин гомер буе баш авыртуы белән җәфалануын, моның сәбәбе буларак яшь вакыттан ук кышын да, җәен дә шул бүрек белән йөрүдән күрүен әйтеп китә.

Икътисадый жәһәттән Фәхреддин киемнән күреләчәк файда аңа тотылган чыгым белән пропорциональ булырга тиеш дип белдерә. Ягъни кием-салымда артык исраф кылу да дөрес булмавын искәртә. Әгәр мөселманнар үзләренең борынгы киемнәрен саклап калырга телиләр икән, иң беренче чиратта алар киемнәрен икътисадый кагыйдәләргә нигезләнеп житештерергә тиешләр. Ул моңа мисал итеп бер сәүдәгәрнең сүзләрен китерә. Мөселманнар тарафыннан яратып киелгән каракүл бүрек уртача 15 сум тирәсе булып, Оренбург климатында ул ике ел эчендә туза. Ә фуражка, эшләпәләр 4–5 сум булып, 3–4 ел буе кияргә житә. Шулай итеп татар каракүл бүреге бу конкуренциягә чыдый алмый, гади халык теләртеләмәс чыдамлырак баш киемен сайларга мәжбүр була. Шуңа күрә мөселманнарга каракүл бүрек бәясен төшерергә, яки аны чыдамлырак башка төр материалдан эшләргә тиешләр дип яза.

Бу мәкаләдә Фәхреддин казакиларның кыскаруы белән бәйле мәгълүмат та биреп китә. Аның белдерүенчә, тубыкка кадәр булган казакилар Уфада 1904 елда кыскара, яңа мода керә башлый. Моны башлаучылар мөселман кибетләрендә приказчик булып эшләүчеләр була. 1915 елда инде озын казаки кию көлке булып саналыр хәлгә кала (Фәхреддин 1915а: 227). Ягъни ун ел кебек кыска бер вакыт эчендә казаки зур үзгәреш кичерә, тубыктан булган казаки тездән кала. Моның сәбәбе исә халык арасында штан урынына чалбар кию модасы тарала башлавы белән була.

Милли кием масьаласе. Милли кием мәсьәләсенә Фәхреддин җитди карый. Ул кием-салым милли булырга тиеш, бу исә үз чиратында шул милләт әгъзаларының үзара дус-тату торуларына, бер-берләренә ярдәм итүләренә сәбәп була дип белдерә.

Ризаэддин Фэхреддин мәкаләсендә Ибн Халдунның¹⁶ түбәндәге сүзләрен китерә: «Жиңелгән, гажиз, гыйлемсез һәм мәгърифәтсез халыклар кием-салымда, көнкүрештә, жиһаз һәм әсбапларда үзләрен жиңүчеләргә, көчлерәк, гыйлемлерәк халыкларга иярергә табигать тарафыннан мәжбүрләрдер» (Фәхреддин 1915а: 227). Ибн Халдунның әсәрендә Андалусия мөселманнарының гореф-гадәт, кием-салым, яшәү рәвеше буларак Испания христианнарына иярүләрен мисал буларак күрсәтелә һәм

¹⁶ Ибн Халдун (1332–1406) – тулы исеме Әбү Зәед Габдеррахман ибн Мөхәммәд әл-Хәдрәми, танылган философ, тарихчы, социология фәненә нигез салучыларның берсе.

Ибн Халдунның моның тиздән алар жиренә башкалар хужа булачагына ишарэт итуен сөйлэгэнен яза. Фэхреддин исэ моңа урнэк итеп русларны һәм Русия мөселманнарын китерә. Русларның элек Алтын Урда дәүләтеннән бик күп нәрсәләрне үзләренә өлге итеп алуларын, хәтта рус хатыннары кия торган сарафанның да Дәште Кыпчак төркиләреннән алынган булуын ишеткәнлеген белдерә. Соңрак исә русларның Аурупа халкыннан күп нәрсәләр алуларын искәртә. Русия мөселманнарына килгэндэ, Ибн Халдун кагыйдэсенэ күрэ, алар иртэме-соңмы барыбер кием-салымда, көнкүрештә, өй жиһазы һәм башка нәрсәләрдә үзләреннән өстен булган русларга иярулэре турында шөбһә юк иде дип яза. Ләкин моны ашыктыручы бер сәбәп булуын, егерме биш ел алданрак килуенә аның тәэсирле булуын, әлеге сәбәпнең мөселман сәудәгәрләренең эманэткэ тугры булмаулары, кибетлэрендэ махсус тегучелэр булмавы, аяк киемнәрендә размер булмавы, алдашуларның күп булуы кебек сәбәпләрне санап китә. Менә шушы нәрсәләр халкыбызның милли киемнәреннән бизеп, башкалар киемен кия башлауларына сәбәп булды ди. Кием-салым кибетләрендә махсус тегүчеләр булмагач, кибетләрдә мисал өчен тунның эчлеге булып тышлыгы өчен материал булмаса, яки тышлыгы булып якасы өчен мех булмаса, яки заказ айлар буе үтэлмэсэ, халыкның эзер кием саткан кибетләргә китәчәге билгеле дип әйтә һәм моңа Уфа шәһәреннән бер үрнәк китерә:

Ул бер рус кибетендә ботинка сайлаучы башкортка «Фәлән кеше кибетеннән кәвеш алырга ярамыймы?» дип сорый. Башкорт аңа: «Алар алдыйлар, үкчәсенә ком тутырган кәвешләрен күп (кидек дип әйтеп булмый, чөнки күп кияргә мөмкин түгел) алдык инде. Руслар кыйммәткә саталар, ләкин саткан әйберләре сыйфатлы, ул акчаны бирсәң дә ярый» дип жавап бирә (Фәхреддин 1915а: 227).

- Р. Фэхреддин мәкаләсендә дини уку йортларында укыган шәкертләрнең дә милли киемне ташлауларын белдереп моңа бер үрнәк китерә. Жиде ел буе Мәккә шәһәрендә танылған бер ишанда укып кайткан берәүне Уфа урамында башына фуражка, өстенә Аурупа киеме кигәнен күреп, мондый хәлне хәтта Русиядә Учительская школа укучыларында да күргәне булмавын һәм үзенең моңа бик тәэсирләнгәнен белдерә (Фәхреддин 1915б: 292).
- Р. Фэхреддин үз дәверендә милләтнең үсүгә һәм мәдәният казануга мохтаж булуын, шуның белән бергә үз милли әсәрләрен, әдәпләрен, гореф-гадәтләрен дә сакларга тиеш булуларын күрсәтә. Бер милләтнең мәдәни, культуралы булуы аның үз гореф-гадәтләрен онытырга, ташларга тиешле булуын аңлатмый. Ул үрнәк буларак Аурупа һәм Америка халкын күрсәтә. Аларның мәдәниятлары уртак булса да, әхлаклары, гореф-гадәтләре төрле булуын искәртә. Камилләшү, алга китү башкаларның гореф-гадәтләрен алу белән түгел, бәлки үз гореф-гадәтләреңне яхшырту белән булыр. Үз мәдәниятларын үстерергә теләгән милләтләр үзләренә хас әхлакларын, кием-салымнарын һәм, гомумән, гореф-гадәтләрен сакларга тиешле. Дини

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

гамәлләрдә башкаларга сукырларча иярү мактаулы эш булмаган кебек, ул шулай ук дөньяви эшләрдә дә мактаулы түгел дигән карашта тора (Фәхреддин 1915б: 291–292).

Милли киемнең саклануы Ризаэддин Фәхреддингә күрә мөнбәрләрдән сөйләнгән чыгышлар, матбугатта язылган мәкаләләр белән түгел, ә сәүдәгәрләр тырышлыгы белән була, әгәр алар тырышлык күрсәтсәләр, милли киемнәр кулланылыр, тырышмасалар бары тик музейларда гына калыр дип үзенең мәкаләсенә нәтиҗә ясый.

Ризаэддин Фәхреддиннең кием-салым белән бәйле язылган мәкаләләреннән hәм хәдисләргә язган аңлатмаларыннан чыгып аның бу мәсьәләдәге фикерләре турында түбәндәге нәтижәне ясарга мөмкин. Ислам дине килгэннэн соң хэзрэти пэйгамбэр яңа бер кием формасы китермәде, үзе яшәгән жәмгыять һәм хәтта башка дин әһелләре нинди кием кигэн булсалар ул да шуларны киде. Монда искэрмэ булып бары тик кайбер очраклар гына тора, мисал өчен ирләргә ефәк, кыргый зәгъфранга буялган кием h.б. Ягъни мөселманча кием яки ислам киеме дигэн бер кием формасы шәригатьтә юк. Бу һәр халыкның климат шартларына, яшәгән жирлегенә, гореф-гадәтләренә туры килә торган киемнәрдер. Киемнең ислам дине тэгълиматы буенча бер изге тарафы юк, лэкин шул ук вакытта дин эћеллэре уз вазыйфаларын башкарган вакытта, дини мәрасимнәрне утэгэн вакытта ул халык арасында таралган, мисал өчен татарлар арасында чалма-чапан киюләре кирәк. Милли киемгә килгәндә, ул сакланырга тиешле, аның бер милләт әгъзалары арасында берлек, дуслык көчәюендә әһәмияте бар. Милли киемнең саклануы бары тик матбугатта язылган мәкаләләр, мөнбәрләрдән сөйләнгән нотыклар белән генә сақлана алмый. Бу эштэ төп вазыйфаның милли кием житештерүче сәүдәгәрләрнең өстенә йөкләнүе турындагы караш алга сөрелә.

ЧЫГАНАКЛАР ЬӘМ МАТЕРИАЛЛАР

Абу Йусуф Йа'куб 2001 — Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи. Китаб ал-Харадж / пер. с араб. и комментарии А.Э. Шмидта. Супракомментарии к переводу А.С. Боголюбова. Подготовка к изданию, вступ. статья и указатели А.А. Хисматуллина. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 2001.

Ачык йөз 1910 – Ачык йөз (авторның псевдонимы) Бетсен чапан, күтәрелсен йөздән пәрдәләр. Казан: Чижова матбагасы, 1910.

Басыйрова 2018 — Басыйрова Э. Хэлэл сырадан тыелырга кирэк // Акчарлак газетасы. 28 сентябрь. 2018. https://akcharlak.com/article/kh-l-l-syradan-tyelyrga-kir-k/

Ибн Динмөхәммәт 1911 – Ибн Динмөхәммәт. Исгъаф әл-мәрам ган истисфарил-әхван // Дин вә мәгыйшәт. 1911. $\mathbb N$ 12. Б. 189.

Мәржани 1900 — Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Икенче кисәк. Казан, 1900.

Насыйри 2017 – Насыйри К. Кием-салым // Шура. 2017. № 18. Б. 256. Нәдим 1909 – Нәдим Г. Өч мәсьәлә. Казан: Харитонов матбагасы, 1909.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Рэмзи 1911 – Рэмзи М. Гафлэтмедер игъфалмедер шашкынлыкмыдыр // Дин вә мәгыйшәт. 1911. № 7. Б. 103–106.

Сахибе 1906 – Сахибе (авторның псевдонимы). Чапан илә пальто гаугасы яки иске вә яналык. Казан: Матбага-и Кәримия, 1906.

Тажетдинов 1910 – Тажетдинов И. Мераселе ве Мехабере // Шура, 1910. № 2. Б. 62.

Тэъэссуфле хэллэремез 1915 – Тэъэссуфле хэллэремез // эд-Дин вэ эл-Эдэп. 1915. № 7. Б. 207–212.

Фәхреддин 1915а – Фәхреддин Р. (журналда Р. Ф. буларак бирелгән) Киемнэр хакында // Шура. 1915. № 8. Б. 225–228.

Фэхреддин 1915б – Фэхреддин Р. (журналда Р. Ф. буларак бирелгэн) Киемнәр хакында // Шура. № 10. Б. 290–292.

Фэхреддин 1916 – Фэхреддин Р. Жэвамигел-Кэлим шэрехе. Оренбург, 1916.

ТRИӘБДБ ИННБФ

Воробьев Н.И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930.

Таиров Н. Идел буе, Урал төбәкләрендә Ислам дине һәм татар эшмәкәрләре // Дин вә мәгыйшәт. 2012. № 25. Б. 4.

Tokpınar Mirza. Men tesebbehe bi-kaymin fe-hüve minhum' hadisi üzerine bir inceleme // Hadis Tetkikleri dergisi. III/2. 2005. Ss. 85–109.

Yüksel Uvsal Sule. «Men tesebbehe bi kavmin» hadisini küresel givim kültürü açısından okumak // Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic Volume 11/7 Spring. 2016. Ss. 294-314.

Автор турында белешмэ: Мифтахов Ильяс Госман улы – Әнкара Университетының ислам тарихы бүлеге магистры (Эмниет мәхәлләсе, Дөгел урамы 6А, 06560 Йенимэхэллэ, Энкара, Төркия), dajbog12@gmail.com

Редакцияга керде 22.07.2020 Басылуга кабул ителде 02.11.2020 Басылды 25.11.2020

RIZAEDDIN FAKHREDDIN'S ARTICLES IN "SHURA" MAGAZINE REGARDING RELIGIOUS AND NATIONAL CLOTHING

I.G. Miftakhov

Ankara University Ankara, Turkey dajbog12@gmail.com

This paper analyzes the articles, statements of the famous scientist, theologian, writer, and journalist Rizaeddin Fakhreddin named "About Clothes". The article was published in the "Shura" magazine, where he worked as editor-in-chief. In his articles, Fakhreddin deeply analyzes the religious, national, economic, and medical aspects of clothing. The study examines such issues as the presence or absence of special clothing for Muslims, clothing of other nationalities and religions. Fakhreddin tries to explain that

Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фэхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре

clothing does not have a sacred connotation according to Islamic theology and notes that it only affects a person's character and behavior. Fakhreddin's articles say that there is no special attire prescribed by Islam for the clergy and that each nation has its clothing in accordance with climatic conditions and customs. Rizaeddin Fakhreddin emphasizes that theologians ('ulama') and clergy should be distinguished from everyone else by their excellent knowledge and high ethics, and not by their outer dress. Nevertheless, the clergy should wear clothes that people consider religious; for example, among the Tatars, such clothes are Turban and Chapan. He had a strong position concerning the preservation of national clothing, emphasizing its need for a nation and noticing its relevance for all times. In his opinion, it is not possible to preserve the national costume through sermons from the pulpits of mosques, articles in newspapers and magazines. In this matter, the primary responsibility in preserving national dresses lies on those people who produce and distribute national clothes. These articles by Rizaeddin Fakhreddin on the preservation of national clothing are an essential source for studying the Tatars' daily life and the attitude of the Jadids regarding clothing at the beginning of the XX century.

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, Tatars, *Shura* magazine, National and religious clothing, beginning of XX century, Islam

For citation: Miftakhov I.G. Rizaeddin Fäkhreddinneñ *«Shura»* zhurnalyndagy dini häm milli kiem belän bäyle mäkaläläre [Rizaeddin Fakhreddin's Articles in *"Shura"* Magazine regarding to Religious and National Clothing]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 254–268. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.254-268

REFERENCES

Vorobyev N.İ. *Materyyal'naya Kul'tura Kazanskykh Tatar* [Material Culture of the Kazan Tatars]. Kazan, 1930. (In Russian)

Tairov N. İdel Buyı, Ural Töbäklärendä İslam Dine häm Tatar Eşmäkärläre [Islam Religion and Tatar Businessmen in the İdil-Ural Region]. *Din ve mägıyşät*, 2012, no. 25, pp. 2. (In Tatar)

Tokpınar Mirza «Men Teşebbehe bi-Kavmin fe-hüve Minhum» Hadisi Üzerine Bir İnceleme [A Discussion about «Men teshebbehe bi-kavmin fe-huve minhum»]. *Hadith Studies*, 2005, III/2, pp. 85–109. (In Turkish)

Yüksel Uysal Şule «Men teşebbehe bi kavmin» Hadisini Küresel Giyim Kültürü Açısından Okumak [«Men teshebbehe bi kavmin» Reading the Hadiths from the Perspective of Global Clothing Culture]. *Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic.* Vol. 11/7. Spring, 2016, pp. 294–314 (In Turkish).

About the author: İlias Miftakhov is a Master's degree student of History of Islam at Ankara University (Emniyet mahallah, 6A Dögol Cd., 06560 Yenimahalle, Ankara, Turkey); dajbog12@gmail.com

Received July 22, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

СТАТЬИ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА О РЕЛИГИОЗНОЙ И НАПИОНАЛЬНОЙ ОЛЕЖЛЕ В ЖУРНАЛЕ «ШУРА»

И.Г. Мифтахов

Анкарский университет Анкара, Турция dajbog12@gmail.com

В данной работе анализируются статьи и высказывания известного ученого, богослова, писателя и журналиста Ризаэддина Фахреддина, опубликованные в рубрике «Об одежде» журнала *«Шура»*, где он работал главным редактором. В своих статьях Фахреддин проводит глубокий анализ религиозных, национальных, экономических и медицинских аспектов в одежде. В исследуемой работе рассматриваются такие вопросы, как наличие или отсутствие специальной одежды для мусульман и ношение одежды, традиционной для других национальностей и вероисповеданий. Фахреддин пытается объяснить, что одежда не сакральна с точки зрения ислама, что она всего лишь оказывает влияние на характер и поведение человека. Автор пишет о том, что не существует специального одеяния, предписываемого исламом для священнослужителей, и что у каждой нации есть своя одежда, соответствующая климатическим условиям и обычаям. Акцент делается на том, что ученым (улемы) и духовенству, прежде всего, следует отличаться от остальных людей хорошими знаниями и высокой нравственностью, а не внешним одеянием. Вместе с тем представителям духовенства желательно носить ту одежду, которая считается у их народа религиозной; у татар, например, отличительной особенностью одежды религиозных деятелей являются чалма и чапан. Татарский деятель занимает твердую позицию по отношению к сохранению национальной одежды, подчеркивает ее необходимость и актуальность во все времена. По его мнению, сохранить национальный костюм невозможно проповедями с кафедр мечетей, статьями в газетах и журналах. В этом вопросе основная ответственность лежит на тех, кто производит национальную одежду, и на тех, кто ее распространяет. Статьи Фахреддина в журнале «Шура», посвященные проблеме сохранения национальной одежды, являются важным источником при изучении повседневной жизни татар и передают отношение джадидов к одежде в начале XX века.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, татары, журнал *«Шура»*, религиозная форма, национальная одежда, начало XX века, ислам, джадидизм

Для цитирования: Мифтахов И.Г. Ризаэддин Фәхреддиннең «Шура» журналындагы дини һәм милли кием белән бәйле мәкаләләре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 254–268. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.254-268

Сведения об авторе: Мифтахов Ильяс Гусманович – магистр отделения истории ислама Анкарского университета (Махалле Эмният, ул. Догел 6А., 06560 Йенимахалле, Анкара, Турция), dajbog12@gmail.com

Поступила 22.07.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

Фахреддин и исламское богословие

УДК 297.1

КРИТИЧЕСКИЙ ОТЗЫВ М. БИГИЕВА НА КНИГУ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА «РЕЛИГИОЗНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

А.Г. Хайрутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация khaidar67@mail.ru

В статье рассматривается ряд критических реплик, высказанных Мусой Бигиевым в работе «Муляхаза» (1914 г.) в адрес некоторых идей Ризаэддина Фахреддина, сформулированных в его известной книге «Религиозные и социальные проблемы» (1914 г.). В частности, речь идет о замечаниях Бигиева о неточностях в переводе Фахреддина фразы в 116-м аяте 5-й суры Корана; об отношении к практике такфира; о соотношении между убеждениями верующего и движениями сердца; о необходимости использовать достижения науки для понимания Корана. Пример критики со стороны Бигиева работы признанного религиозного лидера является документальным подтверждением высокой стилистики отношений между двумя выдающимися религиозными авторитетами, для каждого из которых превыше всего была истина. При этом различия во мнениях не сказывались негативно на их дружбе и сотрудничестве. Кроме того, критический отзыв Бигиева отражает широту его взглядов и глубину подходов к решению проблем мусульманского общества.

Ключевые слова: Муса Бигиев, Ризаэддин Фахреддин, ислам, *'акида, тафсир, такфир*, вера

Для цитирования: Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы» // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 269–283. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.269-283

Будучи одним из наиболее неординарных мусульманских мыслителей-модернистов первой половины XX в., Муса Джаруллах Бигиев (1871–1949)¹ вплотную занимался, в частности, религиозно-философской и историко-культурологической оценкой причин отсталости исламского мира, поиском путей выведения его из цивилизационного тупика.

В русле решения этих задач выдающийся татарский религиозный ученый много читал, внимательно следил за выходящими в свет трудами западных ученых, мусульманских мыслителей и богословов России и Востока, знакомился с их работами и выступал с критическими откликами, которые находили отражение в его работах. Например, известны замечания Бигиева, высказанные им по отношению к учебным пособиям по татарскому языку, написанным всемирно известным востоковедом Александром Казембеком (1802–1870), видными татарскими лингвистами и грамматистами Мухаммад-Гали Махмутовым (1824–1891), Хабибрахманом Забири (1881–1942), Ахмаджаном Мустафиным (1860–1938), Ахмад-Хади Максуди (1868–1941), Гимадом Нугайбеком (1881–1943), Галимжданом Ибрагимовым (1887–1938) (Хәйретдинов 2017: 15–19). Кроме этого, Бигиев досконально проанализировал состояние татарской и османской литературы и подверг жесткой критике проповедуемые в них ценности (Хәйретдинов 2017: 27–51).

Критические замечания в адрес перечисленных выше ученых и культурных институтов объясняются тем, что Бигиев придавал большое значение вопросам развития татарского языка и литературы как важнейших институтов, крайне необходимых для прогресса и всестороннего развития мусульманской цивилизации в целом и каждого ее члена в отдельности.

Что касается наиболее значимых работ его современников, посвященных исламской проблематике, то применительно к ним Бигиев писал отдельные критические статьи и труды. Например, известно, что его достаточно объемная книга «Бөек мәүзугларда уфак фикерләр» («Ничтожные мысли о важном»), изданная в 1914 г. была целиком посвящена бескомпромиссной критике идей и мыслей другого видного татарского мусульманского деятеля Зыяэтдина Камали², которые тот представил в своей книге «Аллаh гадәләте» («Справедливость Аллаха») (Хайрутдинов 2005: 27). Отмечу, что книга «Аллаh гадәләте» являлась дополнением к написанному

¹ Дата смерти Мусы Бигиева установлена точно, чего нельзя сказать о дате его рождения. Принято считать, что Бигиев появился на свет в 1875 г., однако согласно его собственноручным записям, он родился в 1871 г. (Хэйретдинов 2017: 3).

² Зияэтдин Камали (Камалетдинов Парвазетдин Джамалетдинович, 1873–1942) – видный татарский религиозный мыслитель, общественный деятель, богослов, шариатский судья-казый, педагог, основатель и директор знаменитого джадидского медресе «Галия» в Уфе. Исламское образование получил в университете ал-Азхар, где учился вместе с Бигиевым.

³ См. (Камали 1911).

Хайрумдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

Камали фундаментальному 3-томному религиозно-философскому сочинению «Фэлсэфэ исламия» («Исламская философия»). Подобного рода сочинения, в которых предпринимались попытки философского осмысления ислама и мусульманской действительности, в ту эпоху были редкостью на Востоке. Именно по причине значимости и исключительности работы Камали Бигиев принялся за написание критического ответа, который, к слову сказать, по объему в два раза превзошел оригинал.

Что касается настоящей публикации, то она посвящена одной из такого рода критических работ Бигиева, носящей название «Остаз мөхтөрөм Риза эфэнде хэзрэтлэренең «Дини, ижтимагый мәсьэлэләр»енә интикад мөнәсәбәтейлә (берничә) мөләхазә» («Несколько замечаний в русле критики "Религиозных и социальных проблем" уважаемого Учителя Ризыэфенди хазретлери»), или, если коротко, «Мөләхазә» («Внимательное прочтение»). В ней Бигиев разбирает идеи и заключения Фахреддина, изложенные тем в программном произведении «Дини вә ижтимагый мәсьәләләр» («Религиозные и социальные проблемы») (Фәхреддин 1914).

Упомянутую работу Фахреддина исследователи считают его основным богословским сочинением (Ислам на европейском Востоке 2004: 344). Однако следует учитывать, что большая часть архива ученого, в которой хранятся сотни его рукописей, все еще остается неизученной (Фэхреддин 2011: 4), а потому предыдущее утверждение нельзя воспринимать как окончательное.

Во вступительном слове к своей работе Фахреддин пишет:

«Вопросы, рассматриваемые в этом трактате, представляют собой размышления, возникшие в результате чтения трудов древних ученых и знакомства с произведениями наших современников. Мы не претендуем на то, что изложенное является либо совершенно ошибочным, либо абсолютной истиной в высшей инстанции, а также не ставим перед собой условия быть абсолютно безупречными» (Фэхреддин 1914: 3).

Автор также отмечает, что труд не является учебником для шакирдов, равно как источником для вынесения фетв на его основе. Он рассматривал свой труд, состоящий из написанных в разные годы статей на различные религиозные темы, скорее как сборник «собственных мыслей, которые могут быть как верными, так и ошибочными» (Фэхреддин 1914: 3).

На мой взгляд, говоря о сути своей книги, Фахреддин сильно поскромничал, поскольку перед нами серьезный научный труд, написанный в традиционной для автора стилистике популяризации фундаментальных религиозных (теологических и богословских) знаний, которые, к тому же, в той или иной форме были нацелены на решение актуальных проблем в жизни татарской мусульманской общины России. Чтобы убедиться в высокой степени значимости его сочинения, достаточно взглянуть на рассмотренные в нем вопросы: 1) фундаментальные правила и принципы религиозного дискурса; 2) Коран, его природа и предназначение; 3) наиболее распространенные комментарии к Корану (тафсиры), изданные типографским способом, и их краткое описание; 4) сунна (пророческие заветы), ее происхождение, суть и предназначение; важнейшие труды по сунне; 5) богословский консенсус (иджма'); 6) правовая аналогия (киййас); 7) теологическое и богословско-правовое творчество (иджтихад) и приверженцы иджтихада (транахиды); 8) аннулирование аятов Корана (насх) и правило определения приоритетов (ригаят-е мэслихэт) при анализе источников права и вынесении правовых решений; 9) доведения знаний об исламе до немусульманских народов (таблиг); 10) исламская религия; 11) вера и куфр (отрицание); 12) власть и реализация божьего наместничества (имамат и халифат); 13) приверженцы сунны и общины (ахл ассунна ва ал-джама'а).

Кроме этого, в главе «*Хатимэ*» («Заключение») автор в краткой обобщающей форме и одновременно емко изложил основные характеристики ислама, еще раз обозначил самые главные, по его мнению, проблемы, тормозящие развитие мусульманской уммы, и предложил простейшие способы их преодоления.

Интересно, что все темы, рассмотренные в главах книги, имеют самостоятельную сквозную и при этом «плавающую» нумерацию. Например, первая глава « ∂ саси кагый ∂ олор» («Основные правила») открывается статьей, посвященной разуму (' α кл) — статья № 1. Далее в этой же главе выделены еще 9 статей, а 11-я статья находится уже во второй главе «Kopьон» («Коран»), включающей в себя 16 статей, причем глава «Tофсир» («Комментарий Корана»), которая выше была обозначена как одна из 12 глав книги, является лишь частью статьи № 15, т.е. одной из 16 статей, из которых состоит глава о Коране. 17-я статья открывает главу о сунне, статья № 27 представляет собой главу о понятии uожсма ', и т.д.

Статьи, обозначенные числами «плавающей» нумерации, имеют различный объем: от одного-двух абзацев до весьма больших текстов, объем которых порою намного превышает объем отдельных глав. Общее количество статей «плавающей» нумерации составляет 39. При этом сама 39-я статья представляет собой текст последней главы книги под названием «Axn ас-сунна ва an- ∂ жама a» («Приверженцы сунны и согласия общины»).

На первый взгляд, сквозная «плавающая» постатейная нумерация выглядит сложной и запутанной, однако она позволяет получить четкое представление обо всех рассмотренных в книге темах и ориентироваться в них. Возможно, поэтому, излагая свои замечания, Бигиев воспользовался не только пагинацией книги Фахреддина, но и постатейной нумерацией затронутых в ней тем.

⁴ «Ахл ас-сунна ва ал-джама а» (арабск.) — самоназвание преобладающей части мусульман-суннитов, претендующих на верность примеру (сунне) пророка Мухаммада и следованию решениям, принятым и одобренным большинством авторитетных богословов.

Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

Прежде чем перейти к конкретике, остановлюсь на общих моментах, которыми Бигиев предварил свой критический отзыв.

Он охарактеризовал свою работу как «несколько критических размышлений (мөләхазә) в отношении книги уважаемого учителя Ризаэфенди хазретлери⁵ ... в память о редакторе газеты «Тарджуман» уважаемом Учителе Исмаил-беке хазретлери (в год 1332-й, 4-го дня зу-л-каада, 1914 год 11 сентября)» (Жаруллаһ 1914а: 1).

Во вступительном слове, названном «Басмала»⁶, Бигиев раскрывает историю своего знакомства с упомянутой книгой: «25 августа в 3 часа дня почтовая служба доставила бандероль, в которой было четыре экземпляра книги под названием "Религиозные и социальные проблемы"». При этом Бигиев пишет: «К четырем часам утра я закончил ее чтение. Если исключить часы отдыха, то я прочитал ее за семь-восемь часов» (Жаруллаһ 1914а: 2).

Обратим внимание на две упомянутые выше даты: 25 августа книга Фахреддина поступила в распоряжение Бигиева, а уже 11 сентября он закончил рукопись своего критического отзыва. Иными словами, от прочтения оригинала до появления отзыва на него, прошло немногим более двух недель, что подчеркивает феноменальную работоспособность ученого.

Теперь остановлюсь на ряде общих замечаний Бигиева об актуальности книги Фахреддина. Прежде всего, Бигиев уже в названии своей книги подчеркивает свое почтение к уважаемому религиозному лидеру. Что же касается написанного Фахреддином труда, то Бигиев охарактеризовал его как «послание, написанное искренним сердцем и честным пером» (Жаруллаh 1914а: 2).

Далее Бигиев отмечает, что в час «великих потрясений», когда Западный мир занят решением самых важных своих проблем, для мусульман «важнее заниматься нашими "маленькими" религиозными и общественными проблемами». На первый взгляд, это выглядит как сарказм, но это не так, поскольку далее он пишет:

«Если бы мы в прежние времена не оставляли без внимания наши маленькие проблемы, то возможно, что сегодня мы имели бы честь вместе с цивилизованным миром участвовать в решении важнейших проблем...мир ислама сегодня лишен чести принимать уча-

⁵ Хазретлери (ед. ч.: хазрет) – форма уважительного обращения к мужчине, имеющему статус служителя исламского религиозного культа (имам, мулла), к мусульманскому ученому. Слово также используется при упоминании имени такого человека. Допускается использование обоих вариантов, т.е. в единственном и множественном числе, при этом использование формы множественного числа является знаком большего почитания. Слово может использоваться и по отношению к особо почитаемым в исламе женщинам.

⁶ Басмала – сокращение от сакральной фразы би-исми Аллахи ар-Рахман ар-Рахим (с именем Аллаха, Милостивого, Милосердного).

стие или возглавлять эти великие акты поклонения. Вместе с этим, приверженцы ислама, в итоге, понесут величайший убыток... Если мы питаем какую-либо большую "надежду" по отношению к будущему, то отныне мы должны перестать игнорировать наши маленькие проблемы» (Жаруллаһ 1914а: 3).

Таким образом, Муса Бигиев дал высокую оценку книге Фахреддина как своевременной и полезной для мусульман. Однако он обнаружил в ней ряд моментов, которые не мог обойти своим вниманием по причине имеющихся в ней неточностей и недостатков, о которых и счел нужным сделать публичное заявление. Очевидно, что критика Бигиева вызвана желанием довести идеи, изложенные Фахреддином, до состояния безупречности и совершенства, поскольку они были нужны умме как воздух.

Свои замечания Муса Бигиев изложил в 45 пунктах. В настоящей статье будут приведены лишь несколько конкретных примеров из этих 45 позиций. На мой взгляд, выбранные для статьи замечания являются хорошей иллюстрацией широты и комплексности подхода Бигиева к исследуемому материалу, а также помогают глубже понять мотивы, которые подтолкнули его к написанию критического отзыва к книге уважаемого всеми религиозного лидера мусульман России.

Первый из выбранных мною примеров касается нюансов перевода Корана. Его нельзя не привести, поскольку здесь Бигиев предстает не только как тонкий знаток арабского языка, риторики, логики и Корана, но и как критик существующей школы толкования (*тафсир*) и ее многовековых традиций.

Приведу здесь перевод (с небольшими сокращениями) объемного фрагмента, выбранного из книги Бигиева в качестве иллюстрации к представленной выше оценке знаний ученого. Бигиев пишет:

«По моему мнению, священный аят⁷... не отвечает требованиям контекста (мәкам) и устремлениям автора. В Благородном Коране этот священный аят является ответом на вопрос: а анта куль-та (ты ли сказал?)⁸. Эти слова Благородного Корана сказаны ... для того, чтобы установить личность того, кто произнес те или иные слова. Это означает, что некое определенное слово уже было сказано, однако следует выяснить, кто произнес это слово: ты или же кто-то другой?

⁷ Бигиев имеет в виду фрагмент книги Р. Фахреддина, в котором тот цитирует следующий аят из Корана: «Он сказал: Пречист Ты! Как я мог сказать то, на что я не имею права? Если бы я сказал такое, Ты знал бы об этом. Ты знаешь то, что у меня в душе, а я не знаю того, что у Тебя в душе. Воистину, Ты — Ведающий сокровенное' (5: 116)» (перевод: (Священный Коран 2007)).

⁸ Перевод начальной части аята (5: 116): «Вот сказал Аллах: О, Иса, Ибн Марьям! Ты ли сказал людям [а анта куль-та ли-н-наси. – Х.А.]: Примите меня и мою мать двумя богами помимо Аллаха? Сказал он [Иса. – Х.А.]: Пречист Ты!...» (перевод: Х.А.).

Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

Между тем, в арабском языке существует большая разница между предложением: а анта куль-та (ты ли сказал?) и предложением: а куль-та анта (сказа́л ли ты?). Если слово сказано, но тот, кто произнес его неизвестен, то задается вопрос: а анта куль-та ам гайру-ка кала-ху (ты ли сказал, или кто-то другой сказал это?) Но если неизвестно, было ли сказано что-то или нет, то задается вопрос: а куль-та анта ам лам такуль-ху (говорил ты или же не говорил это?). Использование одного выражения вместо другого является грубой ошибкой.

Если бы в Драгоценном Коране священный аят: 'Он сказал: Пречист Ты! Как я мог сказать то, на что я не имею права?...', являлся бы ответом на вопрос: а куль-та анта ли-н-нас (говорил ты людям?)⁹, то, возможно, цитата уважаемого автора и соответствовала бы его цели. Однако изменение $(cap\phi)$ [смысла. — X.A.] священного аята, отклоняющее его от оригинального (маврид) [значения. — X.A.] представляется несовместимым с этой целью.

Поскольку я адресую эту мою критику как комментаторам Корана, так и его переводчикам, то прошу, помогите мне понять, почему никто из комментаторов, равно как и никто из переводчиков, в большинстве случаев, не уделяет должного внимания тонкостям и особенностям арабского языка, но всякий раз пренебрегает ими?

Если бы стояла цель оградить Ибн Марьям от беспочвенных притязаний на божественность, то следовало бы спросить: *а куль-та анта ли-н-нас* (говорил ли ты людям)? Тогда почему выбрано выражение: *а анта куль-та ли-н-нас* (ты ли сказал людям)?

И если для того, чтобы снять с себя ответственность за эти слова, было бы уместно использование такого условно-исключающего предложения, как: лау культу-ху ла-'алимта-ху (если бы сказал это я, Ты знал бы это), то почему была предпочтена форма: ин кунту культу-ху фа-кад 'алимта-ху (если бы я сказал такое, Ты знал бы об этом)?

По какой-то причине никто из толкователей (*мофассирлар*) и переводчиков не обратил внимания на эти лингвистические особенности.

Согласно доводам, проистекающим из строя [коранического] предложения *а анта куль-та ли-н-наси* (*ты* ли сказал людям?), кто-то из людей, несомненно, произнес эти слова 10. Однако, согласно свидетельству Драгоценного Корана, Ибн Марьям, несомненно, не был запятнан произнесением таких слов. И если дело обстоит таким образом, то кто же сказал эти слова?

¹⁰ Т.е. кто-то сказал, что слова «Примите меня и мать мою двумя богами кроме Аллаха» произнес не кто иной, как Иисус.

⁹ Делая акцент на важности логического ударения в аяте (ср.: '*ты ли сказал*' (*а анта куль-та ли-н-нас*; Коран, 5:116), Бигиев сознательно конструирует вопрос с другим, нежели в рассматриваемом аяте, порядком слов, демонстрируя тем самым факт очевидного смещения логического ударения в рассматриваемой фразе.

Именно вот этот исторический вопрос должны были исследовать комментаторы Корана и представить нам истину. Но, увы, корифеи толкования Писания не придают значения таким моментам.

В каждом моем произведении я открыто критиковал всех муфассиров касательно истолкования ими многочисленных священных аятов. Если бы я был неправ в своей критике, то был бы только доволен. Ибо большинство моих замечаний касалось законов красноречия и риторики. Незнание этих законов для меня незазорно, но то же самое никак недопустимо со стороны великих муфассиров» (Жаруллаһ 1914а: 5).

Далее, в одном из пунктов своей критики, Бигиев не без сарказма пишет о традиции истолкования Корана следующее:

«Мы уже видели священные аяты, которые были мастерски растолкованы учеными мужами. И было бы гораздо лучше, если бы они воздержались от таких толкований. По моему мнению, нет необходимости истолковывать священные аяты Драгоценного Корана. И такая необходимость никогда не возникнет. Нет нужды изменять выражения священных аятов; а если и нужно, то требуется лишь немного исправить наше "понимание" (фәheм). И если мы заявим, что такие священные аяты, как "И земля – расстелили Мы ее" ..., конечно же, противоречат факту шарообразности Земли, то грех будет заключаться не в выражениях аятов, но в нашем, с позволения сказать, их "понимании"» (Җаруллаһ 1914а: 11).

Бигиев по этому поводу пишет:

«Уважаемому господину автору, взявшему на себя труд честно и свободно изложить "основные правила", не пристало принимать в качестве основы пятое правило¹¹. Иными словами, проблему *такфира* следует исключить из списка затрагиваемых вопросов. Возможно, это правило полезно для оппонирования... В максимально близкой к тексту передаче эта мысль звучит так: "[полезно для оппонирования. – X.A.] писателям и факихам, которые беспрестанно ставят клеймо неверия, подобно служащим почтовых отделений, ставящим печати на почтовые марки на письмах"¹². Но для того, чтобы очистить улицы от

¹¹ Пятое правило (т.е. правило вынесения такфира) в книге Фахреддина сформулировано следующим образом: «Преднамеренное отрицание (инкяр) шариатских предписаний, утвержденных неопровержимыми с точки зрения шариата доказательствами, является обвинением во лжи Посланника Аллаха и отрицанием шариата, а потому те, кто допускает сие, считаются вышедшими из ислама» (Фэхреддин 1914: 7).

¹² Цит. по (Фэхреддин 1914: 127).

Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

мусора, оставленного завсегдатаями блошиных рынков (*бет базары*), плюющимися, разбрасывая своими ртами подсолнечную шелуху, не требуется "основного правила", для этого достаточно двухкопеечного веника. Мы уже вдоволь наелись *заккума*¹³ – этих смертельных плодов *такфира*, – и мы сыты по горло! Довольно!» (Жаруллаһ 1914а: 8).

В приведенном фрагменте с предельной ясностью обозначена позиция Бигиева касательно практики *такфира*, являвшейся одним из самых серьезных препятствий на пути развития в исламском мире свободомыслия и трезвого рационализма. Фахреддин также осознавал необходимость принятия мер по нейтрализации этой пагубной привычки. Поэтому в своей книге он не только обратил внимание на этот момент, но и решил разработать научно-методологический инструментарий для решения этой задачи. Он считал, что разработанные им критерии позволят ученым, высказывающим мнения, несовпадающие с распространенными в мусульманских массах взглядами, избежать обвинений в ереси со стороны приверженцев таклида. В этой своей попытке Фахреддин выступает как тактичный интеллигент, тогда как Бигиев предлагает не церемониться с такфиристами, придумывая правила для защиты от их выпадов.

Третий момент, который выбран из критического отзыва Бигиева, затрагивает интереснейшую проблему соотношения рационального и интуитивного (сердечного) в сфере религиозных убеждений и канонов. Данная тема на протяжении всей истории ислама находилась на передовой, между двумя или даже несколькими сталкивающимися друг с другом фронтами приверженцев различных мнений о природе и содержании веры.

Фахреддин подходит к данному вопросу с позиции религиозного права. Для него важно определиться с тем, какие категории должны лежать в основе законов шариата. Поэтому он предлагает формулу, сочетающую в себе убеждения (игътикадат), поклонение (гыйбадат), мораль (эхлак) и этику (эдап) и социальные взаимоотношения (могамалат). При этом первый элемент формулы, а именно убеждения, по мнению автора, должен зиждиться на неопровержимых категорических шариатских доводах и аргументах. Следовательно, ни хадисы из числа сообщенных одним передатчиком (хабар-е вахид), ни умозрительные (занни) доказательства верности того или иного правового решения не могут являться почвой для формирования веры в их истинность.

Усмотрев в этой формуле серьезный изъян, а именно отсутствие важнейшего элемента, каковым является человеческая интуиция, Бигиев написал следующее:

«Человеческая вера, убеждения верующего существуют благодаря сердечному довольству. А сердечному довольству нет никакого дела до того, категоричным ли является доказательство или же оно

277

 $^{^{13}}$ Заккум — согласно Корану, это дерево, произрастающее в аду; плодами его будут питаться обитатели ада.

является умозрительным. Сердечное довольство возникает по влечению сердца, благодаря его тяготению. В убежденности сердцем нет места для затруднений и сомнений. Человек может свободно размышлять и иметь те убеждения, к которым его привело сердце. Поэтому сколь бы известными ни были слова о том, что: "для крепкой веры требуется категорическое доказательство", прописанные в 6-м правиле¹⁴, тем не менее, эти слова совершенно неверны.

Признаем, что для мазхабов различия являются бедствием. Вероятно, мазхабы следует объединить. Но такая мера, как "наличие категорических доказательств в качестве условия [крепкой веры. – X.А.]", не принесет пользы. Гораздо лучше был бы призыв к тому, что человек не должен идти наперекор своему сердечному довольству. Предположим, человек, имеющий абсолютное сердечное довольство, верует в некие убеждения. Слова: "У тебя нет категорического доказательства, а потому оставь свою веру!", никак не отвернут его от его убеждений. Каждому человеку присуща большая любовь к самому себе. По велению этой естественной любви каждый человек является фанатичным приверженцем своих идей и убеждений, и он ищет свои "категорические доказательства". В конце концов, он их находит. Таким образом, он так или иначе обеспечивает покой своему сердцу. Отныне ему хорошо и спокойно.

Именно это бедствие под названием "поиск категорических доказательств для обоснования убеждений" и разделило единый ислам на миллион течений (мәзһәб). Этот момент моей критики относится ко всем приверженцам калама и столпов религии (усулийун)» (Жаруллаһ 1914а: 9).

Наконец, перейдем к четвертому замечанию Бигиева. Оно касается необходимости пользоваться достижениями современной науки при интерпретации аятов Корана, в данном случае — астрономии. Внимание Бигиева привлекает то, как Фахреддин понимает смысл 49-го аята суры «Звезда». По этому поводу Бигиев пишет: «На 15-й странице книги имеется предложение, основной посыл которого можно выразить следующим образом: "смыслом выражения 'Воистину, Он Господь Сириуса' является осуждение арабских племен, поклоняющихся Сириусу"» (Жаруллаh 1914а: 12).

¹⁴ Данное правило в книге Фахреддина имеет следующий вид: «Положения ислама можно подразделить на четыре раздела, называемые: 1) убеждения; 2) поклонение; 3) нравственность и мораль; 4) взаимоотношения. Поскольку из вышеперечисленного только вероисповедные установки имеют в качестве условия наличие «категорического доказательства» как основного условия своей незыблемости, остальные положения могут утверждаться на основе рациональных доказательств» (Фэхреддин 1914: 7).

Хайрумдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

Муса Бигиев призывает задуматься над смыслом того, почему при всей очевидности того, что Аллах является властелином всего сущего мира, в том числе и всех звезд, из всего многообразия объектов этого мира данный аят выделяет только звезду Сириус. Он с сожалением констатирует, что Фахреддин удовлетворился объяснениями знатоков тафсира, согласно заявлениям которых смысл выделения Сириуса как объекта тварного мира, находящегося на попечении Бога, сводится к осуждению арабских племен, поклоняющихся этой звезде. По мнению Бигиева, такое понимание смысла аята является крайне ограниченным и поверхностным, что, учитывая всеохватность Корана и божественное величие, является совершенно недостойным.

Излагая свое понимание аята о Сириусе, Бигиев пишет:

«Согласно утверждениям научного сообщества, величина нашего Солнца ничтожно мала по отношению к размерам Сириуса. Оказывается, Сириус светит в тысячу раз сильнее Солнца. Полагаю, что священный аят '*Boucmuну, Он Господь Сириуса*' призван привлечь внимание людей к колоссальным размерам и грандиозному излучению этой звезды¹⁵» (Жаруллаһ 1914а: 13).

Как уже было отмечено выше, Бигиев посвятил своей критике 45 пунктов. О сути четырех из них было сказано выше. О чем же остальные пункты? Основные моменты критики, конечно же, затрагивают вопросы взаимоотношений религии и общественной жизни, вопросы фикха, методологии фикха, социальные и нравственные проблемы мусульманского социума и многое другое.

Например, делая философские обобщения о соотношении религии и т.н. мирской жизни, Бигиев пишет:

«Наша исламская религия является религией жизни; наш шариат — это общественный закон цивилизованного общества. Между жизнью и исламом не существует какой-либо преграды. Горизонты ислама столь же широки, как и горизонты жизни. Такие выражения, как «религиозные проблемы» и «мирские проблемы», иными словами, выражения, основанные на разделении жизни и ислама друг от друга, для нас ни коим образом не приемлемы» (Жаруллаһ 1914а: 9).

В одном из пунктов, критикуя фахреддиновское понимание Корана как сугубо религиозной книги, Бигиев пишет:

«Конечно, Драгоценный Коран – "религиозная" книга. В ряде его аятов говорится о таких вещах, как вера, молитва, пост, сакральный

¹⁵ Сириус — звезда созвездия Большого Пса, звезда -1,46 визуальной звездной величины, одна из ближайших звезд, удалённая от Солнца всего на 8,6 св. года. В этом причина того, что Сириус — ярчайшая звезда на небе. В 1862 г. при испытании нового телескопа американский оптик Алван Кларк (1804—1887) открыл у Сириуса чрезвычайно тусклый, но довольно массивный спутник — первый белый карлик (Сурдин 2012: 90).

налог, посещение святых мест – хадж, нравственность. Вместе с этим он является наставлением для устройства жизни. Гораздо больше места он отводит разъяснению норм семейной жизни и правил взаимоотношений, нежели объяснению тонкостей поклонения. Он представляет собой политическую книгу: его максимально понятные и подробные объяснения ставят политику, или как минимум ее важнейшие основы в центр человеческого внимания» (Жаруллаһ 1914а: 13).

Обосновывая свои взгляды по некоторым позициям, Бигиев апеллирует к содержанию своих ранее изданных трудов — например, к таким книгам, как «Кавагыйд фикъния» (Озын көннәрдә рузә» (Бөек мәүзугларда уфак фикерләр» и др. Муса Бигиев также призывает обратить самое пристальное внимание на богословское наследие мусульман и пользоваться им: «Уважаемые предки подготовили ценнейшие сокровища и оставили нам их в качестве наследства. О, если бы мы могли сберечь и преумножить это благодатное наследство! О, если бы умели извлечь пользу из этого благословенного наследства!» (Жаруллаh 1914а: 18).

Касаясь вопросов социальной и политической активности мусульман, ученый сетует:

«Мы не смогли удержать в нашей среде Рашида-эфенди¹⁸; Али-Мардан-бек¹⁹ также не смог получить от нас достойное его трудов внимание; Мухаммад-ага Шахтахтинский²⁰ сегодня остался босым на улицах Петербурга; господин Ахмад-бек Агаев²¹ бежал. Сегодня среди тех, чьи имена еще присутствуют на поприще труда, не оста-

¹⁷ «Озын көннәрдә рузә» («Пост в долгие дни») – книга Бигиева, изданная в казанском издательстве «Умид» в 1911 г.

¹⁹ Али-Мардан-бек (Алимардан Топчибашев, 1863—1934) — азербайджанский общественный и государственный деятель, юрист и журналист, депутат Первой Государственной Думы России (1906 г.), Председатель парламента Азербайджанской Демократической Республики (1918—1920).

²⁶ Мухаммад-ага Шахтахтинский (Мухаммед-Таги-Султан оглы Шахтахтинский, 1846—1931) — видный азербайджанский публицист, просветитель, востоковед, языковед, педагог и общественный деятель. Депутат Второй Государственной Думы (февраль-июнь 1907 г.) от Эриванской губернии.

²¹ Ахмад-бек Агаев (1868–1939) – известный азербайджанский государственный деятель, журналист и тюрколог. В 1909 г. эмигрировал в Османскую империю.

¹⁶ «Кавагыйд фикъния» – речь идет о книге «Шәригать исламия әлифбасы мәсабәсендә игътибар кыйлына белер кавагыйд фикъния. «Әхкям шәргыя» мәҗәлләсенә мәдхәл улмак сыйфатыйлә» (Бигиев, 1910). Данный труд представляет собой сборник правил исламского законотворчества.

¹⁸ Рашид-эфенди (Габдерашит Гумарович Ибрагимов, 1857–1944) — выдающийся татарский религиозный и общественный деятель, шариатский судья-кадий, издатель, публицист, проповедник. Начиная с 1908 г., проживал, в основном, за границей: основал мусульманскую общину Японии (1909 г.), участвовал в Итало-Турецкой войне 1911–1912 гг.

Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

лось уважения друг к другу, или его не было, его нет». (Жаруллаһ 1914а: 20).

Иными словами, Бигиев затрагивает серьезнейшие проблемы этики и морали, которые омрачают отношения между мусульманами. По мнению Бигиева, эти проблемы являются настолько важными, что в заключение к своему отзыву он пишет:

«...в этот час, в русле критики в адрес "Дини вә ижетимагый мәсьәләләр", нахожу уместным еще раз перечислить самые важные из наших сегодняшних социальных проблем. Итак, сегодня в нашей среде исчерпало себя взаимоуважение. Не осталось и следа от взаимного доверия и взаимной поддержки. Всеобщий характер приобрели взаимная антипатия, разногласия и споры. Во взорах читаются подозрительность и обвинения, привычка опасаться друг друга приобрела характер всеобщего бедствия» (Жаруллаһ 1914а: 21).

Конечно, в ограниченной по объему статье невозможно раскрыть содержание книги «Муляхаза» во всей ее полноте. Этот труд Мусы Бигиева является одним из ярких образцов татарской религиозно-обновленческой литературы, посвященный поиску решений острейших проблем, которые стояли перед мусульманами в прошлом и не теряют своей актуальности в настоящем. Несомненно, этот труд Бигиева достоин того, чтобы в числе прочих его работ быть переведенным и представленным вниманию современного научного сообщества и общественности.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Жаруллаһ 1914а – Жаруллаһ М. Остаз мөхтәрәм Риза әфәнде хәзрәтләренең «Дини, ижтмагый мәсьәләләр»енә интикад мөнәсәбәтейлә (берничә) мөләхазә. Петроград: Типография М.А. Максутова, 1914.

Жаруллаh 1914б — Жаруллаh М. Бөек мәүзугларда уфак фикерләр. СПб.: Типография М.А.Максутова, 1914.

Ислам на европейском Востоке 2004 – Ислам на европейском Востоке: Энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004.

Камали 1911 – Камали З. Аллаһ гадәләте. Фәлсәфә исламиядән 1-нче кисәгенә ляхикъ. Уфа: Кәримов, Хусаинов и К°, 1911.

Священный Коран 2007 – Священный Коран с комментариями на русском языке. Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007.

Сурдин 2012 – Сурдин В. Большая энциклопедия астрономии. М.: Эксмо, 2012.

Фәхреддин 2011 – Фәхреддин Р. Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр: сайланма хезмәтләр. Казан: Рухият, 2011.

Фәхреддин 1914 – Фәхреддин Р. Дини вә иҗтимагый мәсьәләләр. Оренбургта «Вакыт» матбагасы, 1914.

Хәйретдинов 2017 – Хәйретдинов А.Г. Муса Бигиевнең «Халык назарына» исемле китабының аңлатмалы тәржемәсе. Казан, 2017.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Бигиев 1910 – Бигиев М. Шәригать исламия әлифбасы мәсабәсендә игътибар кыйлына белер кавагыйд фикъһия. «Әхкям шәргыя» мәҗәлләсенә мәдхәл улмак сыйфатыйлә». Казан: Әхмәд әл-Исхакый, 1910.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Хайрутдинов А.Г. Муса Джаруллах Бигиев. Казань: Издательство «Фэн» АН РТ, 2005.

Сведения об авторе: Хайрутдинов Айдар Гарифутдинович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация) khaidar67@mail.ru

Поступила 01.05.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

M. BIGIEV'S CRITICAL REVIEW OF R. FAKHREDDIN'S «RELIGIOUS AND SOCIAL PROBLEMS»

A.G. Khairutdinov

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation khaidar67@mail.ru

The article considers a number of critical remarks made by Musa Bigiev in his short work "Mulyakhaza" (published in 1914) concerning some points presented by Rizaeddin Fakhreddin in his famous book "Religious and social problems" (published in 1914). In particular, Bigiev's comments on inaccuracies in Fakhreddin's translation in the 116th ayat of the 5th Sura of the Kur'an; Fakhreddin is the attitude to the practice of takfir; about the relationship between the beliefs of the believer and the heartly feelings; and the need to use the scientific achievements in understanding the Kur'an. An example of Bigiev's criticism of the recognized religious leader's work is documentary confirmation of the respectful relations between two religious authorities; each valued the truth above all. At the same time, differences of opinion did not negatively affect friendship and cooperation. In addition, the critical review of Bigiev reflects the breadth of his views and depth of approaches in solving the problem of Muslim society.

Keywords: Musa Bigiev, Rizaeddin Fakhreddin, Islam, 'aqida, tafsir, takfir, faith

Хайрутдинов А.Г. Критический отзыв М. Бигиева на книгу Ризаэддина Фахреддина «Религиозные и социальные проблемы»

For citation: Khairutdinov A.G. Kriticheskiy otzyv M. Bigieva na knigu Rizaeddina Fakhreddina «Religioznye i sotsial'nye problemy» [Bigiev's Critical Review of Rizaeddin Fakhreddin's "Religious and Social Problems"]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 269–283. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.269-283

REFERENCES

Khairutdinov A.G. Musa Jarullah Bigiev. Kazan: Fän Publ. of the Tatarstan Academy of Sciences, 2005. (In Russian)

About the author: Aidar G. Khairutdinov is a Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); khaidar67@mail.ru.

Received May 1, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИН Ш. МӘРЖАНИНЕҢ КАЙБЕР ЯЛГЫШЛАРЫ ХАКЫНДА

А.М. Гайнетдинов

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты Казан, Россия Федерациясе aydargm@yandex.ru

Мәшһүр татар галиме, дин белгече, мөфти Ризаэддин Фәхреддин, галим Шићабетдин Мәржанидә турыдан-туры укымаса да, аның китаплары аша күп белем алган. Үзенең *«Асар»* («Әсәрләр») дигән фундаменталь хезмәтендә ул Мәржани хакында бик күп язган. Анда аның шәжәрәсе, шәхесе, балалары, кыяфэте, остазлары, шәкертләре, әсәрләре, хаталары h.б хакында бай мәгълүмат китерелгән. Ризаэддин хәзрәт фикеренчә, Шиһаб хәзрәт Россия мөселманнары арасында шэйхелислам Ибне Тэймия эшчэнлеген яктырткан иң беренче кеше булган. Р. Фәхреддин, Мәржанинең сүзләренә сукырларча ышанмыйча, хаклык эзләп, галим күтәргән һәр мәсьәләне жентекләп тикшерергә тырышкан. Бөек татар галименен һәр фикере аның өчен зур әһәмияткә һәм хөрмәткә ия булса да, Р. Фэхреддин аның кайбер хаталарын ачыклый алган. Бу бигрэк тэ гарэп галиме Ибне Тәймиянең инану мәсьәләләре турындагы өйрәтмәләренә кагылган, чөнки аны кайберәуләр Аллаһны гәудәләндерудә, Ана билгеле бер урын билгеләудә, шулай ук Мөхэммэд пэйгамбэрнен каберен зиярэт итуне хэрам дип санауда гаеплэгэннэр. Р. Фэхреддин, гарэп галименең китапларын жентеклэп өйрэнгэннэн соң, элеге шәхескә яла ягуларын һәм сүзләрен дөрес аңламауларын ачыклаган һәм шуларны төзәткән, үз фикерләрен башка зур галимнәрнең сүзләре белән ныгыткан. Шул ук вакытта, Риза хэзрэт, остазына каты бэрелмичэ, эдэп белэн генэ эш иткән һәм шунда ук аны акларга да тырышкан. Аның фикеренчә, Мәржани Ибне Тәймиянең хезмәтләрен турыдан-туры өйрәнмәгәнгә, мөселман философы әд-Дэуванигэ һэм гарэп язучысы эл-Яфигыйга нигезсез ышанганлыктан, шундый хаталануларга дучар булган. Р. Фәхреддин, үзенә хәтле мөфти булган Г. Баруди кебек үк, Ибне Тәймиянең фикерләре белән тулысынча килешкән, хезмәтләрен жентекләп өйрәнгән, хәтта әлеге шәхесне үзенә үрнәк итеп тоткан һәм беркемгә дә аның исемен хаксыз рәвештә пычратуға юл куймаған.

Төп төшенчәләр: Ризаэддин Фәхреддин, Мәржани, хаталар, Ибне Тәймия, әд-Дәувани, әл-Яфигый, *«Асар»*

Сылтама ясау өчен: Гайнутдинов А.М. Р. Ризаэддин Фэхреддин Мәрҗанинең кайбер ялгышлары хакында // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 284–292. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.284-292

Гайнетдинов А.М. Ризаэддин Фәхреддин Мәржанинең кайбер ялгышлары хакында

Мөфти Р. Фәхреддин, атаклы галим Шиһабетдин Мәрҗанидән белем алмаса да, аның хезмәтләреннән күп гыйлем, файда, тәҗрибә туплый алган. Шул исәптән аның тәэсире, йогынтысы аркасында, Риза хәзрәт иң могтәбәр дин галимнәребезнең берсе буларак формалашкан, безгә дин, тарих, әдәбият, педагогика һ.б. буенча бәяләп бетергесез бик зур мирас калдырган. Ш. Мәрҗани аның үзе турында «Бу егет өметле. Мәсләгендә дәвам итсә, яхшы хезмәт итәр!» дип әйтүе (Шәрәф 1915: 181) дә Р. Фәхреддинне хәзрәтне югары үрләр яуларга канатландырган булса кирәк.

Мәгълүм ки, атаклы *«Асар»* («Әсәрләр») китабында ул бик күп шәхесләр хакында язып калдырган. «Асар» сүзен төрле галимнәр төрлечә тәржемә итә. Мәсәлән, «эзләр», «гамәлләр» h.б. Тик безнең фикеребезчә, «асар» сүзе «әсәрләр» дип тәржемә ителергә тиеш. Беренчедән, әлеге хезмәт Р. Фәхреддингә төрле кешеләр тарафыннан жибәрелгән язмалардан яки әсәрләрдән тора, ягъни аңа шәжәрәләр, кабер ташлары язмалары, хатирәләр, риваятьләр жибәрелгән. Шул әсәрләрне туплаганнан hәм эшкәрткәннән соң, галим теге яисә бу кеше турында мәгълүмат биргән.

«Асар» да китерелгән шәхесләр арасында иң күләмле һәм иң күп мәгълүмат бирелгән кеше – Ш. Мәржани. Аның хакында Риза хәзрәт 50 бит язган, ягъни кулъязмасының 125 битеннән алып 149 битенә кадәрлесе әлеге шәхес хакындагы мәгълүматлардан гыйбарәт (Фәхреддин 2010: 151–195). Анда Мәржанинең шәжәрәсе, шәхесе, балалары, кыяфәте, остазлары, шәкертләре, әсәрләре, хаталары h.б хакында бай мәгълүмат китерелгән.

Нинди генэ зур галим булмасын, кешенең барыбер ниндидер ялгышулары була. Шул исэптэн Мәрҗанинең дә бераз хаталары булган, әлбәттә. Әгәр дә аның эпиграфика өлкәсендәге хезмәтләрен тикшерсәк, кайбер ташлардагы текстларны хаталы укуын күрергә мөмкин. Мәрҗанинең мондый төр ялгышлары хакында эпиграфистлар Н. Ашмарин, Г. Рәхим, Һ. Йосыпов язып калдырганнар. Дин тарихы өлкәсендәге аз гына хаталарын исә исламны һәм тарихны гаять яхшы белгән Р. Фәхреддин күреп алган һәм төзәткән. Гомумән, ул, дөрес сүзләр кем тарафыннан әйтелсә дә – кабул ителергә һәм ялгыш фикерләр, кемнән чыкса да – ташланырга тиешле, дип санаган һәм болай язып калдырган: «Пәйгамбәрләрдән башкаларны гөнаһсыз дип танымаганыбыз өчен, һичкемнең бөтен сүзен дөрес һәм барлык фикерен туры, дип дәгъва кылырга мөмкин түгел. Никадәр галим һәм акыллы булмасын, һәркемдә берәр хата була ала» (Фәхреддин 2018: 177; кайбер төзәтмәләр белән).

Ризаэддин хәзрәт фикеренчә, Русия мөселманнары арасында шәйхелислам Тәкыеддин Әхмәд Ибне Тәймияне (1263–1328) өйрәнүчеләрнең иң беренчесе Ш. Мәржани булган. Шиһаб хәзрәт үзенең «Әл-газбел-фүрат вәл-маэз-зөлален-нәкыйгъ ли-голләти роувамил-ибраз ли-әсрари шәрхил-Жәлал» хезмәтендә түбәндәгечә язган:

«Әбү әл-Габбас Әхмәд Ибне Тәймия хәнбәлиләрнең "җәһәт" һәм "мәкән" турында әйткән фазыйләтле затларыннан, хәдис әһелләреннән. Аның тоткан юлы "урын"ны "гареш" дип раслаудан гыйбарәт

булгач, аның "Галэм бөтен өлешләре белән барлыкка килгән" дип әйтүе мөмкин булмый, шуңа шәхесләрнең [аерым өлешләрнең] барлыкка килүе белән генә канәгать кала» (Жәлал әд-Дәүвани 1873: 40); (Фәхреддин 2018: 127).

Шулай итеп, Мәржани аның Аллаһка урын һәм тараф бирүенә ишарә иткән. Ризаэддин хәзрәт моңа каршы чыгып, чынлыкта, бу сүзнең ялган булуын һәм Ибне Тәймиянең алай дип сөйләмәвен үзенең «Асар» һәм «Ибне Тәймия» китапларында аңлаткан.

Р. Фәхреддин олуг дин галиме Ибне Тәймиянең басылган бөтен китапларын бик игътибар белән, жентекләп тикшереп чыккан, әмма бер жирдә дә Мәржанинең хаклыгына ишарә итә торган нәрсә тапмаган, бәлки, киресенчә, «Муафәка сарих әл-мәгъкуль ли-сахих әл-мәнкуль» хезмәтендә Ибне Тәймия мөжәссимнәрне (Аллаһны гәүдәләндерүчеләрне) бик нык тәнкыйтьләгәнлеген ачыклаган. Ибне Тәймия Аллаһның Үзенә мәгълүм булган рәвештә «югары булу», «күтәрелү» кебек сыйфатларын таныган, ләкин, Риза хәзрәт язганча, бу әле Аллаһка конкрет урын билгеләүне аңлатмый (Фәхреддин 2018: 128).

«Шура» журналында Р. Фәхреддингә Ибне Тәймиянең Аллаһны гәү-дәләндерүе хакында сорау биргәч, ул:

«Максатыгыз Ибне Тәймия хакында дөрес бер фикер хасил иту булса, читләр тарафыннан сөйләнгән сүзләргә ышану жирендә турыдан-туры үз әсәрләрен укыгыз. Шулвакыт белерсез ки, Ибне Тәймия мондый нәрсәләрдән пакь», – дип жавап биргән (Риза казый фәтваләре 2019: 21).

Р. Фэхреддин Мәржани улы Борһанетдиннән ни өчен атасының шулай язганлыгын ачыкламакчы булган, әмма ул моны берничек тә аңлата алмаган. Ризаэддин хәзрәт Мәржанигә мөселман философы Жәлаледдин Мөхәммәд бине Әсгадь әд-Дәувани (1427–1512) сүзләре тәэсир итүен чамалаган, тик Борһанетдин моны кире каккан. Тарихчы Д.Ә. Шәһабиев әлеге мәсьәләне тикшергән һәм, чыннан да, Мәржанинең үз хезмәтләрендә, кайбер вак аермалар белән булса да, нигездә, әд-Дәувани һәм Габдулла бин Әсгадь әл-Яфигый (1298–1367) сүзләрен китергәнен ачыклаган (Шагавиев 2019: 775–791).

Шунысын әйтмичә калып булмый, кайбер тарихчылар, чыганакларны үзләренчә аңлап, бөтенләй булмаган нәрсәләрне бар итеп, арттырып язалар. Мәсәлән, искә алып узган мөхтәрәм тарихчы, әшгариләр һәм матүридиләр позициясеннән карап, югарыда китерелгән цитата Ибне Тәймияне бидгатьче итеп характерлый, дип язган (Шагавиев 2019: 778). Тик Мәрҗани аны бидгатьче дип атамаган, алай тәнкыйтьләмәгән, ул гына түгел, әшгариләр һәм матүридиләр кебек кәлям әһелләре позициясендә тормаган. Киресенчә, Мәрҗани байтак хезмәтләрендә әшгариләрнең гакыйдәсен бик нык тәнкыйтьләгән, хәтта аларны кешеләрне адаштыруда гаепләгән. Матүридиләргә килгәндә, Мәрҗани бер хезмәтендә дә аларга иярергә кушмаган. Шуңа күрә атаклы дин галиме Әхмәдһади Максуди

Гайнетдинов А.М. Ризаэддин Фәхреддин Мәржанинең кайбер ялгышлары хакында

Ш. Мәрҗанинең матүридиләргә бернинди катнашы булмаганлыгын белдереп: «Игътикадта әшгари түгел, матүриди дә булмады, мөгътәзили яки шигый да түгел иде, ләкин Мәрҗани иде», – дип язган (Максуди 1915: 427–428). Мәрҗани «Әл-газбел-фұрат» китабында Ибне Тәймия хакында фәкать бер факт кына китергән, ләкин үз мөнәсәбәтен алай кискен белдермәгән, киресенчә, аның әле Ибне Тәймияне фазыйләтле затлардан санаганлыгы ачык аңлашыла. Фән галименең шундый сәер интерпретация бирүе, субъектив рәвештә фикер йөртеп, теге яки бу нәрсәне бидгать дип атавы һич аңлашылмый. Безнең уебызча, тарихчыга бу очракта, объектив рәвештә карамыйча, теге яисә бу шәхесне, инквизиция чорындагы кебек, бидгать эш кылуда гаепләу, кемнедер бидгатьче дип атау килешми.

Р. Фәхреддиннең *«Асар»* хезмәтендә урын алган түбәндәге сүзләреннән остазын акларга тырышуы сизелә:

«Соңгы тикшеренүләреннән мәгълүм булуга күрә, Мәрҗани үзе арадашчысыз Ибне Тәймия әсәрләрен күрә алмаган. Аның заманында басылып өлгермәгәннәр. Бу турыдагы сүзе әд-Дәүванигә ышануыннан булган» (Фәхреддин 2010: 185).

Чыннан да, Мәржани турыдан-туры Ибне Тәймиянең әсәрләре белән таныш булмаган, аның китапларын укымаган (Шагавиев 2019: 790), шуңа күрә ул, әлеге философ сүзләренә ышанып, Ибне Тәймия хакында дөреслеккә туры килмәгән сүзләр язган. Багдад мөфтие Сәед Ногман Хәйреддин әл-Әлуси «Жәләъ әл-гайнәйни фи мүхәкәмәт әл-әхмәдәйн» китабында Ибне Тәймиянең Аллаһны гәүдәләндерүе турындагы хәбәрне яла ягу дип атаган һәм иң беренче булып бу яланы әд-Дәувани чыгарганлыгын белдергән (Фәхреддин 2018: 99). Хәнәфиләр мөфтие Шиһабеддин әл-Әлуси дә Ибне Тәймиянең, киресенчә, мондый гаепләрдән пакь булуын язган һәм әд-Дәуванине һәм аның кебекләрне иң надан кешеләр дип атаган (Фәхреддин 2018: 99).

Шулай ук Ш. Мәрҗани, гарәп язучысы әл-Яфигый сузләренә таянып, «Вәфиятел-әсляф вә тәхийятел-әхляф» хезмәтендә Ибне Тәймиянең Мөхәммәд пәйгамбәрнең каберен зиярәт кылудан тыюын язган (Шагавиев 2019: 785). Риза хэзрэт хэбэр иткэнчэ, Мэржани бу очракта да нык ялгышкан, чөнки Ибне Тәймия моны тыймаган, бәлки фәкать каберен зиярэт кылу нияте белән сәфәргә чыгарга кушмаган, әгәр дә башка максат белән булса, Мәдинә шәһәренә килгән кешенең пәйгамбәр каберен зиярәт итуен күркәм бер гамәл итеп санаган (Фәхреддин 2018: 46). Болар – элбэттэ, икесе ике нәрсә. Мәржанинең бу сүзләре ялған булуы мөфти әл-Әлуси сүзләреннән дә ачык күренә (Фәхреддин 2018: 100). Күп ислам галимнәре, пәйгамбәрнең «Өч мәчеттән башкаларга сәфәр кылынмас: [болар] "эл-Хәрам", "эл-Әкъса" һәм минем мәчетем» хәдисенә таянып, Мөхәммәд галәйһиссәламнең каберен зиярәт иту өчен генә сәфәргә баруны тыйганнар. Мәсәлән, шундыйлардан мәшһүр галим Имам Мәликне атарга мөмкин (Фәхреддин 2018: 47). Шунысы кызык: Мәрҗани әл-Яфигыйның сузләрен тулысынча күчереп язмаган, чөнки бөтен фикерләрен дә

кабул итмәгән, күрәсең. Мәсәлән, гарәп язучысы Ибне Тәймияне төрмәгә сөнниләр (әһле сөннәт) мәзһәбенә каршы килгәне өчен утыртканнарын язса да, Мәрҗани бу сәбәпле зинданга ябылуын махсус төшереп калдырган (Шагавиев 2019: 785–786). Димәк, ул аны барыбер сөнниләр (әһле сөннәт вәл-җәмәгать) рәтенә керткән, кайбер дин әһелләре шикелле галимне «тәкфир» кылмаган (ислам диненнән чыгармаган) һәм аның күп фәннәрдә югары дәрәҗәгә ирешүен таныган.

Мәржанинең шәкерте булган күренекле галимебез Галимжан Баруди да Ибне Тәймиянең мәсләген кабул иткән булган. Бу аның Ризаэддин хәзрәткә хат белән язылган түбәндәге сүзләреннән ачык аңлашыла:

«Ибне Тәймия хәзрәтләре хакында яхшы фикердә булучы элекке гасырларда Русиядә, ихтимал ки, [мин] фәкыйрь бер ялгызы гына булгандыр. Соңрак вакытларда бу турыда сезнең дус булуыгызны уйлый идем. Ибне Тәймия мәсләге, гомумән, гүзәл. 1872 милади елда гадәтемчә һәм теләгәнемчә күпме әсәре аркылы һәм соңрак та әлеге хәзрәт әсәрләренең үзеннән файда күрдем. Дошманнары тарафыннан китерелгән бәхәсләрнең күбесе, минем уемча, нигезсез» (Фәхреддин 2018: 130–131).

Шулай итеп, Р. Фәхреддин, төпченүчән тарихчы һәм олуг дин галиме буларак, һәрвакыт хаклыкка ирешергә тырышкан, коры сүзләргә генә ышанмаган. Теге яки бу галим хак сүз эйтсэ – Риза хэзрэт аны күклэргэ чөеп мактаган, ялгышуын ачыкласа – олы дәрәжәсенә карамыйча, бернәрсәдән дә курыкмыйча, үз сүзен әйткән, дөресләгән, какшамас дәлилләрен китергән, Хәтта Мәржани кебек зур галимнең фикерләрен дә ул башта ныклап тикшергән һәм, нәтижәдә, зур булмаган кайбер хаталарын ачыклый алган һәм аларны төзәткән, үз фикерләрен башка зур галимнәрнең сузләре белән ныгыткан. Шул ук вакытта, Р. Фәхреддин, остазына каты бәрелмичә, әдәп белән генә эш иткән һәм шунда ук аны акларга да тырышкан. Аның фикеренчә, Мәржани Ибне Тәймиянең хезмәтләрен турыдан-туры тикшермәгәнгә, башка кешеләрнең сүзләренә нигезсез ышанганга күрә, шундый хаталануларга дучар булган. Мөфти Р. Фәхреддин, узенә хәтле мөфти булган Г. Баруди кебек үк, Ибне Тәймиянең фикерләре белән тулысынча килешкән, хезмәтләрен жентекләп өйрәнгән, хэтта элеге шэхесне үзенэ үрнэк итеп тоткан һәм беркемгә дә аның исемен хаксыз рәвештә пычратуға юл куймаған.

Гайнетдинов А.М. Ризаэддин Фэхреддин Мэржанинең кайбер ялгышлары хакында

ЧЫГАНАКЛАР ҺӘМ МАТЕРИАЛЛАР

Жэлал эд-Дэүвани 1873 – Жэлал эд-Дэүвани вэ хашияи Хэлхали вэ һамишендэ хашияи Мэржани. Истанбул: Эсгадь эфэнде матбагасы. 1291/1873.

Максуди 1333 (1915) – Максуди Ә. Дамелла Мәржани хәзрәтләре // Мәржани: Шиһабетдин әл-Мәржани хәзрәтләренең вәлядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтилә нәшер ителде. Казан: «Мәгариф» матбагасы (Нәшире Салих бине Сабит Гобәйдуллин), 1333 (1915). Б. 427–435.

Риза казый фәтваләре 2019 – Риза казый фәтваләре / Төз. А.М. Гайнетдинов. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2019.

Фэхреддин 2010 – Фэхреддин Р. Асар. 3 hэм 4 томнар. Казан: Рухият, 2010. Фэхреддин 2018 – Фэхреддин Р. Ибне Тэймия. М.: Форум, 2018.

Шәрәф 1915 – Шәрәф Ш. Мәрҗанинең тәрҗемәи хәле // Мәрҗани: Шиһабетдин әл-Мәрҗани хәзрәтләренең вәлядәтенә йөз ел тулу (1233–1333) мөнәсәбәтилә нәшер ителде. Қазан: «Мәгариф» матбағасы (Нәшире Салих бине Сабит Гобәйдуллин), 1333 (1915). Б. 2–193.

ТRИӘБДБ ИННБФ

Шагавиев Д.А. Образ шейха Ибн-Таймиййи в трудах Шихабуддина Марджани // Минбар. Исламские исследования. 2019. № 12. С. 775–796.

Автор турында белешмэ: Гайнетдинов Айдар Марсиль улы — филология фэннэре кандидаты, Татарстан Республикасы Фэннэр академиясе Ш. Мэржани исемендэге Тарих институтының ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре (420111, Батурин ур., 7A, Казан, Россия Федерациясе); aydargm@yandex.ru

Редакцияга керде 02.06.2020

Басылуга кабул ителде 02.11.2020 Басылды 25.11.2020

RIZAEDDIN FAKHREDDIN ON MARJANI'S FEW MISTAKES

A.M. Gainutdinov

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation aydargm@yandex.ru

Although Mufti Rizaeddin Fakhreddin, he did not study under Shihabuddin Marjani, he gained much knowledge through his books. In his fundamental work, "Asar" ("Works"), he dedicated 50 pages to him, which provides rich information about his family tree, personality, children, appearance, mentors, students, books, mistakes, etc. According to Rizaeddin Hazrat, Marjani was the very first scholar among

Muslims of Russia who studied the activities of Sheikh al-Islam Ibn Taymiya. Fakhreddin, as a painstaking historian and theologian, always tried to reach the truth. He did not blindly trust Marjani's arguments; instead, he tried to study and analyze every question that he raised. Although the opinion of such a great Tatar scientist as Shihabuddin Mariani was authority for him, he revealed some errors in his works. One such issue was the creed of Ibn Taymiya, whom some accused of asserting God's corporeality and the physical presence of God in a particular place, and the ban on visiting the grave of the Prophet Muhammad. Fakhreddin, having carefully studied his books, found out that the scientist was slandered and misunderstood. He cited his arguments and other scholars' arguments on this issue. According to Fakhreddin, Marjani made some incorrect statements because he did not directly study the works of Ibn Taymiya, but instead relied on the Muslim philosopher Dawwani and included his quotes in his books. Simultaneously, Fakhreddin politely pointed out these errors to Marjani and immediately tried to justify him. Mufti Fakhreddin, like another Mufti Galimjan Barudi, studied the books of Ibn Taymiya, agreed with his views, even set this scientist as an example, and did not allow anyone to stain his name unfairly.

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, Marjani, mistakes, Ibn Taymiya, ad-Dawwani, al-Yafi'l', "Asar"

For citation: Gainutdinov A.M. Rizaeddin Fäkhreddin Märjanineñ kayber yalgyshlary khakynda [Rizaeddin Fakhreddin on Marjani's Few Mistakes]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 284–292. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.284-292

REFERENCES

Shagaviev D.A. Obraz sheikha Ibn-Taimiyyi v trudakh Shihabuddina Marjani [The Image of Sheikh Ibn-Taimiyyah in the Writings of Shihab al-Din al-Marjani]. *Minbar. Islamic Studies*, 2019, no. 12, pp. 775–796. (In Russian).

About the author: Aidar M. Gainutdinov is a Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); aydargm@yandex.ru

Received June 2, 2020 Accepted for publication November 02, 2020
Published November 25, 2020

Гайнетдинов А.М. Ризаэддин Фэхреддин Мәржанинең кайбер ялгышлары хакында

РИЗАЭДДИН ФАХРЕДДИН О НЕКОТОРЫХ ОШИБКАХ Ш. МАРДЖАНИ

А.М. Гайнутдинов

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация aydargm@yandex.ru

Выдающийся татарский ученый, богослов, муфтий Ризаэддин Фахреддин, хотя и не учился у ученого Шигабутдина Марджани, получил много знаний через его книги. В своем фундаментальном труде «Acap» («Произведения») он посвятил ему 50 страниц, на которых представлена обширная информация о его родословной, личности, детях, внешности, наставниках, учениках, книгах, ошибках и т.д. По мнению Ризаэддина хазрата, Марджани был самым первым представителем мусульман России, затронувшим в своих исследованиях деятельность шайхелислама Ибн Таймии. Фахреддин как кропотливый историк и богослов всегда пытался достичь истины. Он не слепо доверял словам Марджани, а сам изучал каждый интересовавший его вопрос. Несмотря на то, что мнение столь великого татарского ученого, как Шигабутдин Марджани, для него было авторитетным, он выявил у него некоторые ошибки. Это касалось вопросов вероубеждения ученого Ибн Таймии, которого некоторые обвиняли за его утверждения о телесности Бога и нахождении Его в конкретно определенном месте, а также за запрет посещать могилу пророка Мухаммада. Фахреддин, тщательно изучив его книги, выяснил, что ученого оклеветали и неправильно поняли. Он привел свои аргументы и слова других ученых по этому поводу. По мнению Фахреддина, Марджани допустил некоторые неверные высказывания в адрес Ибн Таймии. Причиной этому стало то, что Марджани не обращался непосредственно к трудам Ибн Таймии, а пользовался сочинениями мусульманского философа ад-Даввани и писателя ал-Яфиги, чьи книги он цитировал. Фахреддин учтиво указал на допущенные Марджани ошибки, одновременно попытавшись его оправдать. Фахреддин вслед за своим предшественником на посту муфтия Галимджаном Баруди изучал книги Ибн Таймии, соглашался с его взглядами, даже ставил этого ученого себе примером и не позволял никому несправедливо высказываться в его адрес.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, Марджани, ошибки, Ибн Таймия, ад-Даввани, ал-Яфи'и, *«Acap»*

Для цитирования: Гайнутдинов А.М. Ризаэддин Фәхреддин Мәржанинең кайбер ялгышлары хакында // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 284–292. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.284-292

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Сведения об авторе: Гайнутдинов Айдар Марсилевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); aydargm@yandex.ru

Поступила 02.06.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

«ЖЕНСКИЙ ВОПРОС» И ИСТОРИЧЕСКИЕ РАБОТЫ ФАХРЕДДИНА

УДК 821.512.145

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИННЕҢ ИЖАТЫНДА МӘГЪРИФӘТЧЕЛЕК ЭСТЕТИКАСЫ ЧАГЫЛЫШЫ

Ә.М. Закиржанов

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Г.Ибраhимов ис. Тел, әдәбият һәм сәнгать институты Казан, Россия Федерациясе alfat zak@mail.ru

XIX йөз урталарында Россиянең татарлар яшэгэн төбэклэрендэ акыл, белем, эхлак нигезендэ жәмгыятьне үзгәртүне максат иткән мәгърифәтчелек хәрәкәте башлана. Ул әдәбиятка да көчле тәэсир ясый һәм әдипләр мәгърифәтчелек идеяләрен яклауның, халыкка житкерүнең юлларын, алым-чараларын эзләүгә алыналар. Татар Яңарышына зур өлеш керткән Ризаэддин Фәхреддин «Сәлимә», «Әсма» повестьларында чынбарлык вакыйгаларына мөрәжәгать итеп, укымышлы, халык мәнфәгатен кайгыртып яшәүче идеаллаштырылган геройларны алга чыгара. Автор жәмгыятьтәге үзгәрешләрне хатын-кыз язмышы белән тыгыз бәйләнештә карый. Әсәрләрдә ислам дине кыйммәтләре рус-Европа казанышлары белән үрелеп бирелә. Әдип яшәеш үзәгенә Кешене куя, аның белемле һәм әхлаклы булуын яклый. Әсәрләргә синкретизм хас булып, аларда авторның дини-этик, фәлсәфи-эстетик карашлары чагыла.

Төп төшенчәләр: мәгърифәтчелек, татар әдәбияты, Ризаэддин Фәхреддин, хатын-кыз язмышы, гаилә, әдәби-эстетик карашлар, ислам кыйммәтләре

Сылтама ясау өчен: Закирзянов А.М. Ризаэддин Фәхреддиннең иҗатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 293–305. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.293-305

XIX йөз ахыры — XX йөз башы татар мәдәнияте, әдәбияты, иҗтимагый фикере үсешендә гаять зур урын биләгән, энциклопедик характердагы эшчәнлек алып барган олуг шәхесләрнең берсе — Ризаэддин Фәхреддин. Ул дин һәм җәмәгать эшлеклесе, тарихчы-галим, әдип, педагог, журналист буларак танылу ала һәм һәр тармакта яңа сүз әйтеп, аның үсешүзгәрешенә көчле йогынты ясый.

Р. Фәхреддиннең татар әдәбияты Яңарышында лаеклы урын алып торган әдәби ижаты үз вакытында ук киң жәмәгатьчелекнең игътибарын жәлеп итә. Әдипнең «Сәлимә, яки Гыйффәт» (1899) hәм «Әсма, яки Гамәл вә жәза» (1903) китапларында XIX гасыр ахыры – XX гасыр башы татар тормышының ижтимагый-мәдәни, дини-фәлсәфи, әдәби-эстетик проблемалары чагылыш таба. Р. Фәхреддиннең кызы Әсма Шәрәф үзенең истәлегендэ этисенен мондый сузлэрен китерэ: «Сәлимә» белән «Әсма»ны язуыма сәбәп роман тәртип иту генә тугел иде, бәлки күңелгә урнашкан файдалы фикерләрне үз телебездә язып, укучыларга ирештеру иде. Духовное собраниед эшлэвем аркасында, шул эсэрлэр хакында булачак ва вы вы вы вы вы фикерлерне язганны иркенлеп ишетер өчен, эсерлерге уземнен исемемне куймадым, псевдоним белән язган идем. «Сәлимә» турында яманлап, гаеп итеп язган сүзләр күп булган, хәтта Духовное собрание исеменә авторны гаепләп зур жалоба язганнар. Барча яманлап язылган язулар *«Сәлимә»*дән зүр күләмдә бүлган» (Шәрәф 1999: 48). Анлашылганча, истәлектә тәнкыйди фикерләр турында суз барса да, хуплап чыгулар да аз булмагандыр дип уйларга нигез бар. Ә инде берникадэр вакыттан соң, матбугат битләрендә әлеге әсәрләр турында тәнкыйди язмалар да урын ала. Беренчеләрдән булып бәя биргән Г. Тукай «Ялт-йолт» жүрналы мөхэррире Әхмэт Урманчиевка хатында болай яза (1912): «Риза казый "Әсма", "Сәлимә" кеби китаплары белән язу көче вә хэтта шигъриясен күрсэткэн вэ гомумэн хикэялэве ачык, язу стиле садэ вэ гузәл бер язучыдыр» (Тукай 2016: 232). Р. Фәхреддиннең әдәби ижатын фэнни планда тикшергэн Ж. Вэлиди аның эсэрлэрендэ дин һэм мәдәният мәсьәләләренең гармоник кушылып китуен билгели, авторның әдәби чаралар белән реформаторлык идеяләрен яклавын, шуңа да урыны белән сөйлэү һәм вәгазь белән мавыгуын күрсәтә (Валидов 1998: 125-127). Атаклы мәгърифәтченең киңкырлы эшчәнлеген, шул исәптән әдип буларак ижат үзенчәлекләрен киң планда өйрәнү ХХ гасырның 60-70 нче елларында М. Гайнуллин, М. Госманов, М. Гайнетдинов, Ф. Баишев, Ф. Мусин h.б. тырышлыгы белән башлана. Ә инде үткән гасырның 90 нчы елларында бу эшнең тарихи-фәлсәфи, дини-әдәби, әхлакый-эстетик яссылыкта тирэнэюе Г. Хөсэенов, М. Рэхимкулова, Ә. Хәйри, М. Әхмәтжанов, Р. Үтәбай-Кәрими, Х. Миңнегулов, Б. Солтанбәков, Д. Гарифуллин, Р. Мәрданов, Г. Даутов һ.б. исемнәре белән бәйле. Р. Фәхреддин хезмәтләренең киң катлау укучыларга килеп житуендә Ә. Хәйри һәм Р. Әмирхан аеруча зур хезмәт куя. Л. Хәйдәров тырышлыгы белән «Сәлимә» hәм «Әсма» әсәрләре тулы күләмдә hәм хәзерге заман татар эдэби теленэ яраклаштырып бастырып чыгарыла (Фэхреддин 2018).

Р. Фэхреддин ижатын ул яшэгэн, белем алган чор үзенчэлеклэре, жэмгыятьтэ өстенлек иткэн караш-фикерлэр, татар эдэбиятының торышы кебек мәсьэлэләр белән тыгыз бәйләнештә генә тулы аңлап була. Билгеле булганча, XIX гасыр урталарында татар халкының ижтимагый-мәдәни тормышында житди үзгәрешләр башлана (Закирзянов 2019: 85).

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы

Жәмгыятьтә үзләрен татар милләте вәкилләре дип күзаллаган һәм халыкның мәдәни дәрәжәсен Аурупа халыкларына якынайтырга омтылган шәхесләр үсеп чыга (Юзеев 2001: 144–146). Р. Фәхреддин әнә шундыйларның берсе буларак, табигать биргән сәләтен, көчен халкына ихлас хезмәт итүгә багышлый. Ул моңа мәдрәсә елларыннан башлап әзерләнә һәм гомере буе әлеге кыйбласына тугры кала.

Аның ижтимагый-педагогик карашларына И. Гаспралы мөхәррирлегендә Кырымда чыгып килгән *«Тәржеман»* газетасының йогынтысы булуда шик юк. 1883 елда чыга башлаган газета турында ишетүгә, Фәрид исемле иптәше белән редакциягә хат яза һәм 1984 елдан башлап алдырып укый башлый. Бу турыда истәлегендә болай яза: «Шуннан исә бу көнгә кадәр бер санын да кулдан ычкындырмый укып килдем» (Фәхреддин 1999: 20). Атасы Фәхреддин хәзрәт, анасы Мәхүбә абыстайның укымышлы руханилар нәселеннән булулары билгеле. Ризаэддиннең апасы ахун Гыйльман әл-Кәримигә кияүгә чыга. Әлеге ике затлы гаиләнең туганлыгы, һичшиксез, бер-берсен рухи яктан үстеругә ярдәм иткән¹.

Кызы Әсма аны болай характерлый:

«Әткәй сабыр холыклы, йомшак табигатьле кеше иде. Һичбер вакытта каты сүз белән кешенең хәтерен калдыра торган булмады. Кем белән генә сөйләшкәндә дә кадерле гадәте бар иде: сөйләшкән кешенең сүзен сабырлык белән актыгына хәтле бүлмичә тыңлап тора да, сүз беткәч, үзенең сүзен, җавабын, фикерен сөйли иде. Сөйләгәндә, гадәтенчә, бик төзек, конкрет сөйли иде, мәгънәсез сүзләр катнаштырмый иде. Үзе белгән, үзен хаклы итеп тапкан очракта үзенең фикерен, риза булмаганын һәркемгә ачыктан-ачык әйтә торган, батыр йөрәкле, курыкмас кеше иде» (Шәрәф 1999: 74).

Р. Фәхреддингә тырышлық, хезмәт сөючәнлек хас булып, хезмәттә жан тынычлыгы, рухи көч таба. «Ул бөтен барлыгы, меңнәрчә тамырлары белән татар жире, татар рухы белән бәйләнгән зат. Халыкка, хакыйкатькә хезмәт итү, иманга тугрылык – Р. Фәхреддин яшәешенең асыл максаты» (Миңнегулов 2004), – дип яза Х. Миңнегулов мәгърифәтче-галим эшчәнлегенең төп кыйммәтен билгеләп.

Бу чорда ислам динен реформалаштыру, аны чорга, заманга яраклаштыру мәсьәләсе көчле бәхәсләр тудыра. Бу өлкәдә Ш. Мәрҗанинең роле гаять зур була.

«Татарское религиозное реформаторство конца XVIII–XIX вв., как составная часть татарской общественной и философской мысли, сыграло свою роль в развитии общественного сознания мусульманского населения, через рационалистическую критику устоявшихся взглядов на отдельные положения религии подготавливая его умы для восприятия нового образа мышления, соответствующего эпохе

 $^{^{1}}$ Гыйльман ахун улы Фатих Кәрими танылган әдип, журналист, жәмәгать эшлеклесе булып китә.

нового времени» (Очерки истории татарской общественной мысли 2000: 112).

Яңару хәрәкәтенең зур бер тармагы булып мәдәният тора. Әлеге киң мәгънәдәге төшенчә, бер яктан, мәктәп-мәдрәсәләрне үзгәртеп коруны, дин белән бергә дөньяви фәннәр укытуны һәм башка халыклар мәдәниятендәге казанышларны өйрәнүне күздә тота (Габидуллина 2016: 6–7). Мәгърифәт мәсьәләсенә житди игътибар бирелеп, ул милләтнең киләчәге белән бәйләп карала. XIX гасыр ахыры — XX гасыр башында татар Яңарышының яңа баскычы рәвешендә таралыш алган жәдитчелек яшәешнең икътисад һәм сәясәт өлкәләренә дә тирән үтеп керә. Д. Исхаков фикеренчә, татарларның милли үзаңы үсеше, аларның Россия империясендә милли тигезлеккә ирешү кирәклеген аңлауга китерәчәк. Ә бу исә артта калганлыкны бетерү аша руслар белән башта мәдәни, аннары сәяси тигезлеккә ирешү омтылышына юл ача (Исхаков 1997: 8).

XIX йөзнең икенче яртысында жәмгыятынең бөтен өлкәләренә үтеп кергән мәгърифәтчелек хәрәкәте әдәбият үсешенә дә көчле йогынты ясый. Тормышны акыл, белем, эхлак ярдәмендә үзгәртеп коруны максат иткән мэгърифэтчелек идеологиясе эдэбиятнын тематикасын, идея юнэлешен. жанр төрлелеген, ижат алымнарын һәм ижат методын билгели. Халыкка якынрак булу өчен әдипләр чынбарлыктагы реаль күренешләргә активрак мөрәжәгать итәләр. Бу исә реализмның торган саен киңрәк урын алуына китерэ. Тормышны бөтен тулылыгында чагылдыру исэ, тезмэ эсэрлэр белән бергә, проза һәм драматургиянең мәйданга чыгуын тизләтә һәм бу чорда яңа төрләр, жанрлар барлыкка килә. Милләтнең алға китүенә, мул тормышка чыгуына ирешү өчен, иң элек аңа аң-белем бирергә, тәрбияләргә кирәк була. Матур әдәбият яңа фикер-идеяләрне кеше күңеленә, аңына сеңдерүдә үтемле чара булганлыктан, мәгърифәтчелек хәрәкәте аны уз идеяләрен тарату-үткәрүдә мөһим чара буларак файдалана. Әдәбияттагы сыйфат үзгәрешләренең иң мөһиме – яңа, реалистик әдәбият формалаша башлау белән бәйле. Ул исә мәгърифәтчелек идеалларына нигезләнә, шуларга зур өметләр баглый. Әдипләрнең дөньяга карашындагы, сәнгатьчэ фикерлэвендэге үзенчэлеклэр мэгърифэтчелек реализмы методының жирләшүе турында сүз алып бару мөмкинлеге бирә. Билгеле инде, элеге сэнгати фикерлэүгэ нигезлэнгэн эдиплэр ижаты бертөрле генэ түгел. Шуңа да мәгърифәтчелек реализмына нигезләнсәләр дә, М. Акъегетзадә һәм 3. Бигиевнең әдәби-эстетик карашлары бераз соңрак мәйданга килгән Ф. Кәрими, Р. Фәхреддин, Г. Исхакый, З. Һади, Ш. Мөхәммәдев, Г. Камал h.б. әдипләрнең сәнгати фикерләвеннән шактый аерыла.

Мәгърифәтчелек халык тормышының бөтен ягын диярлек иңләп ала һәм һәр өлкәдә яңарыш-үзгәрешләргә юл ача. Мәгърифәтчелек – фәлсәфи, этик һәм эстетик карашлар системасы ул. Алгы планга исә халыкны аңбелемле итүне, әхлак сыйфатлары тәрбияләүне чыгара. Шуңа да мәгърифәтчеләрнең караш-фикерләрен әдәби әсәрләрдә чагылдыручы язучылар әхлакый кануннарга нигезләнеп яшәүче мәгърифәтле кеше тормышта

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифэтчелек эстетикасы чагылышы

бәхетле була дип ышаналар. Әлеге идея бу чорда дөнья күргән әсәрләрнең барысында да диярлек чагылыш таба.

Мэгърифэтчелек мэсьэлэлэре арасында мэктэп-мэдрэсэлэрдэге укуукыту системасын үзгэртү мөһим урын алып тора. Билгеле булганча, элеге уку йортлары дини белем бирүне алгы планга куялар һәм шәкертләрне дә шул максатта тәрбиялиләр. Казан ханлыгы яулап алынганнан соң, XVI гасыр уртасыннан алып XVIII гасыр ахырына кадәрге торгынлык чорында дини башлангыч аеруча көчәя. Татар халкы этнос буларак сакланышын ислам динендә күрә.

«Колониальный гнет, приведший к обскурации и консервации общественной и духовной жизни татар, декадансу умонастроений во второй пол. XVI — первой пол. XIX вв., органически сросся с суфийской литературой, коранической философией терпения. Именно эта особенность средневекового декаданса помогла татарскому этносу спасти себя от физической гибели, сберечь традиционные ценности исламской культуры» (Ганиева 2005: 10), — дип яза Р. Ганиева.

Р. Фэхреддиннең әдәби иҗатында урын алган әлеге күпсанлы мәсьәләләр арасында аның бөтен иҗатын бербөтенгә туплый торган, дөньяга карашын, яклаган концепциясен билгеләргә ярдәм иткән берничә концептуаль караш бар. Алар түбәндәгеләр: 1. Мәгърифәтченең Шәрык цивилизациясе тудырган казанышларга таянуы, аны яңа шартларда яңа эчтәлек белән баетып үстерүе, аерым алганда мөселман дөньясындагы Акыл һәм Гыйлем культына баш июе. 2. Рухи һәм мәдәни артталыктан чыгу юлларын эзләве, моның өчен Шәрык белән бергә рус-Аурупага йөз белән борылуны хуплавы. 3. Әдәби һәм педагогик хезмәтләрендә милли мәгариф системасының нигезләрен салып калдыруы. 4. Укыту-тәрбия мәсьәләләрендә халык педагогикасына, ислам динендәге тәрбия нигезләренә, үз тәжрибәсенә таянуы, кешене «камил инсан» итеп саклап калуда белемтәрбия көченә ышануы. 5. Татар жәмгыятен үзгәртүгә бәйле күптөрле мәсьәләләрне хатын-кызның гаиләдәге һәм жәмгыятьтәге урыны белән бәйләнештә каравы. Әлеге һәм башка мәсьәләләргә киңрәк тукталыйк.

Р. Фэхреддиннең «Сәлимә, яки Гыйффәт» повесте Гафил бине Габдулла тәхәллүсе белән басыла. Әсәрнең төп эчтәлеге ул чорда киң таралган сәяхәт кылу вакыйгасына нигезләнеп ачыла. Ун ел мәдрәсәдә белем алган, әмма үз-үзеннән, яшәешеннән ризасызлык хисе дөнья күреп кайтырга этәргән татар шәкерте пароходта Иран бае кызы Сәлимә белән таныша һәм бергәләп Бакуга кадәр сәяхәт итәләр. Аларның танышлыгы ахырда никахлашу белән тәмамлана. Вакыйгаларны бу рәвешле сурәтләу авторга үзенең карашларын тулырак чагылдырырга мөмкинлек бирә. Чит илдән килгән Сәлимә туташның киң белемле, тәрбияле, акыллы булуы татар шәкерте белән чагыштырыла һәм, ак жәймәдәге кара тап сыман, татар тормышының, шул чор жәмгыятенең кимчелекләре аермачык күз алдына бастырыла.

Авторның мәгърифәтчелек карашлары әсәр башында уқ, татар шәкертенең дуслары оештырган озату мәжлесендә сөйләгән сүзләрендә күренә. Мәдрәсә тәмамлаган укымышлы кеше нинди булырга, үзенең белемен, тырышлыгын нәрсәгә юнәлтергә тиеш соң? Менә алар: 1) ата-ана тәрбиясенең әһәмиятен аңлап, яхшы ата булырга; 2) жәмгыять хәлен, ягъни милләт язмышын кайгыртып яшәргә; 3) чит халыклардан гыйбрәт алырга һәм дә 4) бабаларыбызның эшчәнлеген онытмаска, алардан да үрнәк алырлык нәрсәләр күп; 5) күп төрле телләрне яхшы белергә; 6) мәдрәсәләрдә укыту эшләрен яхшыртырга. Күргәнебезчә, шәкерт дөньяга аек күз белән карый. Әмма белеме һич тә житәрлек түгел, шуңа да автор аны Сәлимә белән чагыштыра. Шәкерт үзе дә моны аңлый. Бигрәк тә ул һөнәр, сәнгать, тарих мәсьәләләре буенча әзерлексез.

Авторның төп игътибары юнәлтелгән Сәлимә туташ Иранда укыган, аннары Мисыр университетын тәмамлаган. Ул фарсы, гарәп, инглиз, француз телләрен бик яхшы белә. Әнә шундый тәрбияле, белемле кыз шәкертне битараф калдырмый:

«Сәлимә туташ әдәпле булган дәрәжәдә гажәеп, гыйлемле булган дәрәжәдә саф-чиста иде. Май кебек йомшак, сандугач сайравы шикелле моңлы һәм мөлаем тавышлары таң жиле рәвешендә жанымны рәхәтләндерде. Мәхәббәтле караулары, миһербанлы сүзләре, чыбыклар аша тәэсир иткән электр тогы куәте шикелле, бар тәнемә тәэсир итте. Әмән, йа Раббым, никадәр гүзәл һәм сөйкемле иде!» (Фәхреддин 2018: 26)

Сәлимә, француз телендәге китаплар аша укып, төркиләр һәм болгарлар турындагы белемнәре белән дә шәкертне шаккатыра. «Сәлимә» повестендагы «Болгар», «Төрки кавемнәр» бүлекләре – «язучының милләт язмышы турында уйлануларының кайтавазы, омтылышларының конкрет гәүдәләнештә тормышка ашырылышы» (Даутов 2001: 46). Әнә шулай тормыш өчен дини белемнәр генә житмәве, бәлки фәнни белемнәрне үзләштерү кирәклеге ассызыклана.

«Әсма, яки Гамәл вә жәза» повесте 1903 елда Оренбургта басыла. Вакыйгалар аша язучы төп әхлакый фикерен үткәрә: яхшылыкның нәтижәсе – бәхет, явызлыкның жәзасы – хурлык. Шул рәвешле автор төп идеяне исемгә үк чыгара. Әсәрнең үзәгендә Әсма образы. Аның тормышы, әкият геройларына охшатып, серлелек, мажаралылык белән бирелә. Повесть башында ук кызның әтисе Габбас мулла алдынгы карашлы, яңалыкка омтылучы кеше итеп сурәтләнә. Габбас мулланың бу дәрәжәгә ирешүенә хатыны Гайшә абыстайның тәэсире зур булу ассызыклана. Моның белән Р. Фәхреддин хатын-кызның тормыштагы урынына, гаиләдәге хәленә игътибарны юнәлтә. Гайшә абыстай яшь вакытта бер надан, әхлаксыз бай кулына эләкмәвенә сөенеп, Габбас мулла белән аңлашып, ярдәмләшеп яши, кешеләр алдында аның дәрәжәсен күтәрүгә ирешә. Гомумән, гаиләдә хатынир мөнәсәбәте шундый булырга тиеш дигән фикер үткәрелә. Алар бергәләп китаплар, газета-журналлар укыйлар. Әсма әнә шундый шартларда бик

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы

яхшы тәрбия ала. Әмма яхшылык янында яманлык та йөри. Хикмәт хажи эхлаксыз кешелэр ярдэмендэ тараткан гайбэтлэрдэн туеп, Габбас мулла хаж сәфәренә чыгып китә һәм шунда аның үлеп калуы турында хәбәр килә. Бер елдан соң хатыны Гайшә абыстай да вафат була. Кызлары Әсма, күп төрле мажараларга элэгэ, исемен алыштыра, ахырда тирэ-якта дан тоткан Салих байның ятим балалар йортында тәрбияләнә башлый. Монда ул укытучымөгаллимэ булып житешэ. Бервакыт бай Зэйнэп-Эсманы сораучы ике егет барлыгын әйтә: берсе – бай малае, икенчесе – ярлы укытучы. Кыз соңгысын сайлый. Бу бай хатыннарын гажэпкэ калдыра. Алар аның турында төрле гайбәт тарата башлыйлар, никахсыз туган кыз, диләр. Зәйнәп-Әсма Салих байга үзенен тормышын сөйлэп бирэ. Шүнда көтелмэгэн мэсьэлэ ачыклана - Габбас мулла хаж сэфэрендэ үлмэгэн. Төрле хэллэрдэн соң исемен «Юныс хэзрэт»кэ узгэртеп, элеге тэрбия йортында хезмэт итэ икэн. Әсма кияугә чыккан егет тә кайчандыр узара бұләкләр бирешкән шәкерт бұлып чыга. Әнә шулай яхшы күңелле, инсафлы, намуслы кешеләр барысы да бәхеткә ирешә. Х. Миңнегулов язганча, «Р. Фәхреддин мәхәббәткә, хөрмәтихтирамга, узара жаваплылыкка корылган гаилә тормышын, андагы инсани тәрбияне милләт яшәешенең нигезе, төп шарты дип саный» (Миңнегулов 2003б: 124).

Әсәрдә уңай герой итеп сурәтләнгән образлар арасында Сәлим бабай аерылып тора. Ул халыкның гомумиләштерелгән образы. Тарихны, гыйбрәтле хәлләрне күп белә: «Сәлим бабай ... укылачак бер китаб иде... Бөтен халык бабасы иде... » Әлеге бабай исән вакытта ул белгәннәрнең язып алынмавы өчен үкенү дә белдерелә. Халык иҗат иткән әсәрләрне белү өстенә Сәлим бабай матур итеп җырлый һәм курайда уйный. Аның курай моңы барча кешеләргә бик нык тәэсир итүен сурәтләп, музыканың кеше тормышындагы ролен ачып бирә. Р. Фәхреддин кешегә тәэсир итүче чараларның берсе дип сүз сәнгатен саный. «Әдәбият белән кызыксыну – күңелне сафландыру һәм үз-үзеңне тәрбияләү өчен иң тәэсирле чара. Әдәп китапларын өйрәнү һич вакытта зыян китермәс» (Фәхреддин 2018: 103), – дип яза ул һәм андый китапларның гаиләдә укылу тиешлеген искәртеп китә.

Автор, мэгърифэтчелек традициялэренэ тугры калып, уңай геройларга капма-каршы буларак, тискэре образларны сурэтли. Әсәрнең конфликты да искелек белән яңалык бәрелешенә нигезләнә. Повестьта «тәрәкъкый тормозлары» итеп Хикмәт хажи, Бикбулат мулла, ишан мөриде Муса бирелә. Хикмәт хажины әдип «беренче дәрәжәдә залим» итеп күрсәтә. Ул ерактан торып сәлам бирмәгәннәрдән дә төрлечә үч ала. Аның сәүдәсе дә алдашуға корылған. Яшьлегендә үзе хезмәт иткән байның ике улын төрле бозыклыкларға өйрәтеп, йөзәр тәңкә акча биреп, алардан 20 мең тәңкәлек вексельләр ала. Бай үлгәч, аның хатынына өйләнеп, улларын өйдән куып чығара. Билгеле инде, аның балалары да шундый ук. Автор Хикмәт хажиның дүрт кызын да «ағачтан да надан» дип бәяли һәм үзләре шикелле муллаларға кияүгә чыгуларын яза. Бишенче кызын исә Габбас мулла соратачағына шикләнми. Өмете акланмағач,

Габбас мулланы кан дошманы санап, төрлечэ түбэнсетү, мыскыллау юлларын эзли башлый. Хикмэт хажи тарафдарларының берсе – ишан мөриде Муса, мэчет салырга дип дәфтәр ачып, Габбас мулла исеменнән халыкка үтенеч язып, акча жыярга чыгып китә. Шәһәр байларыннан жыйган акчасын күңел ачу йортында туздырып бетерә. Тикшерү башлангач, Хикмәт хажи Габбас мулланы төрмәгә яптыру нияте белән йөри, хәтта адвокат яллый.

Повестьтагы башка тискәре геройларның әхлакый йөзләре шундый ук. Бер мулла, нинди хайван мае икэнлеге безгэ мэгълум тугел дип, керосин лампаларын мәчеттән чыгарткан. Икенчесе, шәм эзләтеп, намаз вакытын бушка уздырган һ.б. Әхлаксыз геройлар уз гамәлләренә күрә жэза алалар. Хикмэт хажи бер фэкыйрь мөсафирханэдэ вафат була. Хэмидэ яман чир элэктерэ, Зэйнүш карчык аякларын югалтып, телэнчегэ әйләнә. Әсәрдә жәмгыятьнең ямьсез якларын күрсәтүгә дә зур урын бирелгэн. Бу Зәйнәп-Әсманың кышкы суыкта теләнеп йөрүе, фәхешханә күренешләре, аерым кешеләрнең ятим балаларны сатып көн күрүләре h.б. Автор гуманист буларак, болар өчен күңеле белән әрни. Р. Фәхреддиннең публицистик фикерләре аермачык сизелә. Кубрәк ул аларны персонажларның сөйләме аша житкерә. Яңа мәктәп ачарга рөхсәт сораган крестьяннарны сугеп жибәргән мулла турында көлеп һәм тәнкыйтыләп яза. Укыту мәсьәләләренә шактый киң урын бирелеп, автор белем алуда укытучымөгаллимнең роле, еш кына баланың киләчәге дә шуңа бәйле булу турында уйлана. Автор фикеренчэ, гыйлем кешенең башка сыйфатларына да нигез булып тора. Шуңа да белем алып, әдәпле яшәу бәхеткә юл ачкан кебек, аның капма-каршысы булган белемсезлек, наданлык аркасында әдәпсез яшәүгә, ахыр чиктә бәхетсезлеккә дучар булу әсәрләрнең төп идеясе буларак ачыла. Гомумән, «дөрес һәм нәтижәле белем ул ахыр чиктә милләтне яңарыш дәверенә алып керәчәк хәлиткеч көч икән» (Бәширов 2003: 237) дигэн нэтижэ ясала.

Яңа ысулны яклаучы геройлары сүз сөйләү белән мавыкмый, бәлки гыйбрәтле мисалларда, гамәлдәге капма-каршылыкта кайсының өстен булуы күрсәтелә. Автор ул чорда күп бәхәсләр уяткан мәсьәләне тарихи агышында карый һәм бүгенге яңа ысулны киләчәктә иске ысул дип әйтерләр, дигән фикерне яклап чыга. Иң мөһиме, кешенең белем алуга теләге булу һәм шул белемнәрен тормышта файдалану икәнлеге гыйбрәтле мисал аша ачыла.

Әсәрләрнең сәнгатьчә эшләнеше, реаль тормыш белән бәйләнеше дә игътибарга лаек. Беренче повестьта Казан турында шактый мәгълүматлар бирелә. Пароходка утыру вакыйгасында хатын-кызлар арасындагы ямьсез, әхлаксыз күренешләргә игътибар юнәлтелә. Повестьта уңышлы китерелгән чагыштырулар («көтүчесе улган хәйваннар сәламәт улдыклары кеби, аталары улган жәмгыятьтә карендәшлек, дустлык улыр»; «май кеби йомшак, сандугач сайравы мисаллы моңлы вә мөлаем тавышлары таң йиле рәвешендә жанымны рәхәтләндерә иде»); мәкаль-әйтемнәр («яшь гомердә

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы

тырышканнар картлыкта рэхэт күрерлэр», «гакыл яшьтэ улмаз, башта улыр» h.б.), геройларның портретлары эсэрнең сәнгатьлелеген, укучыга тәэсирен үстерә. Публицистик чигенешләрдә әдип үзе хикәяләүгә катнашып китә, күп мәгълүматлар китерә. Икенче әсәрдә матур чагыштырулар, тасвирлаулар игътибарны жәлеп итә: «Миллион еллардан бирү, урманнарының биеклекләреннән вә яфракларының куелыгыннан, көндез улсын яктылык күрмәмеш урыннары бу көннең электрик нурлары, кояш илә ярышмакта улан яктылыгыны сачып, кояшдан көлеп тормактадыр». Геройларның портретлары да, сөйләмнәре дә истә калырлык итеп, индивидуальләштерелеп бирелә.

Гомумэн, Р. Фэхреддиннен *«Салима»* hәм *«Әсма»*сы мәгърифәтчелек реализмы методына нигезләнеп язылганнар. Мәгърифәтче әдипләргә хас булганча, вакыйганың кайда hәм кайчан баруы, таныш шәһәр, елга h.б. исемнәр атала. Әсәрләргә синкретизм хас, ягъни авторның әдәби сурәтләвенә тормыш-яшәеш, милләт, аның үткәне, бүгенгесе, кеше язмышы, аның бәхете, мәхәббәте турындагы уйланулар кушылып китә hәм үзенчәлекле синтез тәшкил итә. М. Гайнетдинов язганча, аларда «чорның конкрет сорауларына жавап эзләү, шул мәсьәләләр хакында чордашлары белән әңгәмә, чор "публицистикасы" өстенлек итә» (Гайнетдинов 2003: 226–227). Р. Фәхреддин повестьларында романтик тенденцияләр дә урын алган. Дөрес, тулы канлы ижат ысулы турында сүз бармый, бәлки мәхәббәтне, аерым геройларны идеаллаштыруда, тормышны, киләчәкне матур итеп күрергә теләүдә, матурлык hәм ямьсезлек эстетик категорияләренә мөрәжәгать итудә реализмның бер сыйфат-билгесе буларак ачыла.

Шулай итеп, Р. Фәхреддин әсәрләрендә үз чорының актуаль, жәмәгатьчелекне борчыган мәсьәләләре күтәрелә һәм алар мәгърифәтчелек идеаллары яктылыгында хәл ителә. Әсәрләргә синкретизм хас булып, ул «авторның кеше, тормыш, тарих, милләт турындагы уйлануларының бер синтезы» (Миңнегулов 2003а: 109) рэвешендэ урын ала. Автор эсэрлэрдэ ислам дине белән бәйле кыйммәтләргә киң таяну белән бергә, рус һәм Аурупа казанышларын өйрөнү, үзләштерүне дә яклый. Р. Фәхреддин повестьларының үзәген хатын-кыз язмышына бәйле вакыйгалар алып тора, алар «милләт анасы» буларак бәяләнеп, төп сыйфатлар рәвешендә гыйлем-акыл, әдәп-әхлак, күркәм-гүзәл холык, мөлаемлык-мәхәббәтлелек кат-кат искэртелэ. Автор гаилэне «кечкенэ бер дэүлэт» итеп карый, аның матди һәм рухи тотрыклыгы нигезләренең ике затка да бәйле булуын гәудәләндерә. Яшәеш үзәгенә Кешене куеп, гыйлем белән күркәм холыкны башка сыйфатларга нигез итеп карый. Шуңа да укыту системасын үзгәртеп кору актив яклана, дини һәм дөньяви белем каршылыкта түгел, бәлки бергәлектә, кеше өчен икесе дә кирәкле сыйфат итеп бәяләнә. Әдипнен әдәби-эстетик, дини-этик, фәлсәфи карашларын чагылдырган мәсьәлә буларак, ислам диненә бәйле карашлар киң урын ала, әсәрләрдәге үрнәк геройлар шәригать кануннары буенча яши һәм моның аларга көчышаныч, таяныч-терэк булып торуы кат-кат искэртелэ.

ЧЫГАНАКЛАР ЬӘМ МАТЕРИАЛЛАР

Валидов 1998 – Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы татар. Казань: Изд-во «Иман», 1998.

Миңнегулов 2004 — Миңнегулов X. Түрэлэрнең мэгънэви рэһбәре // Мәдәни жомга. 20 февраль 2004.

Тукай 2016 — Тукай Г.М. Әхмәт Урманчеевка // Тукай Г.М. Әсәрләр: 6 томда. 5 т.: мәсәлләр, балалар өчен хикәяләр, автобиографик повесть, юлъязмалар, хатлар (1903–1913) / Төз., текст., иск. һәм аңл. әзерл. Г.А. Хөснетдинова, Г.М. Ханнанова. Казан: Татар. кит. нәшр., 2016. Б. 231–232.

Фәхреддин 2018 – Фәхреддин Р. Сәлимә, яки Гыйффәт: романнар, мәкаләләр. Казан: Рухият, 2018.

Фәхреддин 1999 – Фәхреддин Р. Тәрҗемәи хәлем // Ризаэддин Фәхреддин: Фәнни-биографик җыентык / Төз. Р. Мәрданов, Р. Миңнуллин, С. Рәхимов. Казан: Рухият, 1999. Б. 7–38.

ТРИЗЕДЕ ИННЕФ

Бәширов Ф. Р. Фәхреддинов прозасында тәрбия hәм әхлак мәсьәләләре // Ризаэддин Фәхреддин: мирасы hәм хәзерге заман: Мәкаләләр жыентыгы / Редколлегия: Р.М. Әмирханов h.б. Казан: ТР ФА Тарих институты нәшр., 2003. Б. 232–238.

Габидуллина Ф.И. Эволюция просветительских идей в татарской прозе начала XX века // Европейское обозрение общественных наук. 2016. Т. 3. № 4. С. 5–28

Гайнетдинов М. Риза Фәхреддиновның ижат пафосы // Ризаэддин Фәхреддин: мирасы həм хәзерге заман: Мәкаләләр жыентыгы / Редколлегия: Р.М. Әмирханов h.б. Казан: ТР ФА Тарих институты нәшр., 2003. Б. 219–231.

Ганиева Р.К. Декадентские мотивы в татарской литературе (первая четверть XX в.) // Милли мәдәният. 2005. № 7. С.10–16.

Даутов Г.Ф. Ризаэддин Фәхреддин – әдип hәм әдәбиятчы. Филология фәннәре кандидаты гыйльми дәрәжәсен алу өчен язылган диссертация. Казан, 2001.

Закирзянов А.М. Современное татарское литературоведение: достижения, проблемы и перспективы развития // Национальные литературы на современном этапе: научные концепции и гипотезы: круглый стол, посвященный 80-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан: сб.ст. Вып.1 / сост.: А.Ф. Ганиева, Ф.Х. Миннуллина, Л.Р. Надыршина. Казань: ИЯЛИ, 2019. С. 80–88.

Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань: Изд-во «Иман», 1997.

Миңнегулов Х.Й. Милли каһарманыбыз // Гасырлар өнен тыңлап... Казан: Мәгариф, 2003. Б. 108-113(а).

Миңнегулов Х.Й. Ризаэддин Фэхреддин – әдип һәм әдәбиятчы // Гасырлар өнен тыңлап... Казан: Мәгариф, 2003. Б. 120–129(б).

Очерки истории татарской общественной мысли. Казань: Татар. кн. изд-во, 2000.

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннен ижатында мэгърифэтчелек эстетикасы чагылышы

Шәрәф Ә. Әткәем турында истәлекләр // Ризаэддин Фәхреддин: Фәннибиографик жыентык (Төз. – Р. Мәрданов, Р. Миңнуллин, С. Рәхимов). Казан: Рухият. 1999. Б. 45-78.

Юзеев А.И. Татарская философская мысль конца XVIII – XIX вв. Казань: Татар, кн. изд-во, 2001.

Автор турында белешмэ: Закиржанов Әлфэт Мэгъсумжан улы – филология фэннэре докторы, Татарстан Республикасы Фэннэр академиясе Г. Ибраhимов исемендэге Тел, эдэбият hэм сэнгать институтының эдэбият белеме булеге мөдире (420111, Карл Маркс ур., 12, Казан, Россия Федерациясе); alfat zak@mail.ru

Редакцияга керде 10.03.2020 Басылуга кабул ителде 02.11.2020 Басылды 25.11.2020

THE AESTHETICS OF THE ENLIGHTENMENT IN THE WORKS OF R. FAKHREDDIN

A.M. Zakirzyanov

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation alfat zak@mail.ru

In the middle of the XIX century, an educational movement to renew society based on education and moral education begins in places where Tatars lived in compact numbers. Having adopted these ideas, writers looked for ways and means to bring their views to the masses. Rizaeddin Fakhreddin, who made a significant contribution to the development of the Tatar Renaissance, in the stories "Salima" and "Asma" refers to the events of reality and brings to the foreground an educated, idealized hero who acts in the interests of the people. The author considers changes in society in close connection with the fate of women. In the stories, Islamic values were depicted in close relationship with Russian-European achievements. The writer puts a moral, educated person to the Universe's center, in whose actions the author's religious-ethical, philosophicalaesthetic views are also expressed.

Keywords: enlightenment, Tatar literature, Rizaeddin Fakhreddin, the fate of women, family, literary and aesthetic view, Islamic values

For citation: Zakirzyanov A.M. Rizaeddin Fäkhreddinneñ ijatynda mäg"rifätchelek estetikasy chagylyshy [The Aesthetics of the Enlightenment in the Works of Rizaeddin Fakhreddin]. Istoricheskaya etnologiya, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 293–305. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.293-305

REFERENCES

Bäshirov F. Rizaeddin Fäkhreddinov prozasında tärbiyä häm äkhlak mäs'äläläre [Issues of Education and Morality in Rizaeddin Fakhreddin's Prose]. *Rizaeddin Fäkhreddin: mirası häm häzerge zaman: Mäkalälär cıentıgı* / Ed: R.M. Amirkhanov at all. Kazan: RT Academy of Sciences Institute of History Publ., 2003, pp. 219–231. (In Tatar)

Validov D. *Ocherk istorii obrazovannosti i literatury tatar* [An Essay on the History of Education and Literature of Tatars]. Kazan: Iman Publ. House, 1998. (In Russian)

Gabidullina F.I. Evolyutsiya prosvetitel'skikh idey v tatarskoy proze nachala XX veka [The Evolution of Educational Ideas in the Tatar Prose of early 20th century]. *Evropeyskoe obozreniye obtchestvennyh nauk*, 2016, Vol. 3, no. 4, pp. 5–28. (In Russian)

Gaynetdinov M. Riza Fäkhreddinneñ icat pafosı [The Pathos of Riza Fakhreddin's Creativity] *Rizaeddin Fäkhreddin: mirasy häm häzerge zaman: Mäkalälär cientigi /* Ed.: R.M. Amirkhanov et all. Kazan: RT Academy of Sciences Institute of History Publ., 2003, pp. 219–231. (In Tatar)

Ganieva R. Dekadentskiye motivy v tatarskoy literature (pervaya chetvert' XX veka) [Decadent Motives in the Tatar Literature (the First Quarter of the 20th Century)]. *Milli Mädäniyät*, 2005, no. 7, pp. 10–16. (In Tatar)

Dautov G.F. Rizaeddin Fäkhreddin – ädip häm ädäbiyatchı. Filol. fən. kand. diss. [Rizaeddin Fakhreddin – a Writer and a Specialist in Literature. Cand. Sc. Philol. Diss.]. Kazan, 2001. (In Tatar)

Zakirzyanov A. Sovremennoe tatarskoye literatorovedeniye: dostizheniya, problemy i perspektivy razvitiya [Contemporary Tatar Literary Studies: Achievements, Problems and Prospects for Development]. Natsional'nyye literatury na sovremennom etape: nauchnyye kontseptsii i gipotezy: kruglyi stol, posvyashchennyi 80-letiyu sozdaniya Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan: sb. st. Vol.1. Kazan, 2019, pp. 80–88. (In Russian)

Iskhakov D.M. Fenomen tatarskogo dzhadidizma: vvedeniye k sotsiokul'turnomu osmysleniyu [The Phenomenon of Tatar Jadidism: an Introduction to Socio-cultural Understanding]. Kazan: Iman Publ. House, 1997. (In Russian)

Minnegulov Kh.J. Milli kakharmanıbız [Our National Hero]. *Gasırlar önen tıñlap...* Kazan, 2003, pp. 108–113(a). (In Tatar).

Minnegulov Kh.J. Rizaeddin Fäkhreddin – ädip häm ädäbiyatçı [Rizaeddin Fakhreddin – a Writer and a Specialist in Literature]. *Gasırlar önen tıñlap...* Kazan, 2003, pp. 120–129(б). (In Tatar)

Ocherki istorii tatarskoy obshchestvennoj mysli [Essays on the History of Tatar Social Thought]. Kazan: Tatar Book Publ., 2000. (In Russian)

Shäräf A. Ätkäem turında istäleklär [Memories of My Father]. *Fänni-biografik cientik*. Töz. – R. Märdanov, R. Miñnullin, S. Räkhimov. Kazan: Rukhiyat, 1999, pp. 45–78. (In Tatar)

Yuzeyev A.I. *Tatarskaya filosofskaya mysl' kontsa XVIII – XIX vv.* [The Tatar Philosophical Thought of late $18^{th} - 19^{th}$ centuries]. Kazan: Tatar Book Publ., 2001. (In Russian)

Закиржанов Ә.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы

About the author: Alfat M. Zakirzyanov is a Doctor Sc. (Phililogy), Head of the Department for Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12 Karl Marks St., Kazan 420011, Russian Federation); alfat_zak@mail.ru

Received March 10, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

ЭСТЕТИКА ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВА В ТВОРЧЕСТВЕ Р. ФАХРЕДДИНА

А.М. Закирзянов

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация alfat zak@mail.ru

В середине XIX века в местах компактного проживания татар началось просветительское движение, цель которого состояла в обновлении общества на почве просвещения и нравственного воспитания. Писатели, вооружившись этими идеями, искали пути и средства для их доведения до народных масс. Внесший большой вклад в развитие татарского Возрождения, Ризаэддин Фахреддин в повестях «Салима» и «Асма» обращается к реальным событиям и на передний план выводит образованного, воспитанного, радеющего за интересы народа идеализированного героя. Общественные изменения автор рассматривает в тесной связи с судьбой женщин. В повестях исламские ценности изображаются в тесной взаимосвязи с русско-европейскими достижениями. В центр Вселенной писатель ставит нравственного, образованного Человека, в действиях которого отражаются авторские религиозно-этические и философско-эстетические взгляды.

Ключевые слова: просветительство, татарская литература, Ризаэддин Фахреддин, судьба женщины, семья, литературно-эстетический взгляд, исламские ценности

Для цитирования: Закирзянов А.М. Ризаэддин Фәхреддиннең ижатында мәгърифәтчелек эстетикасы чагылышы // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 293–305. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.293-305

Сведения об авторе: Закирзянов Альфат Магсумзянович — доктор филологических наук, заведующий отделом литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420011, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); alfat zak@mail.ru

> Поступила 10.03.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

РИЗАЭДДИН ФАХРЕДДИН И ЕГО БИОГРАФИЧЕСКИЙ ТРУД «МӘШЬ ҮР ХАТЫННАР» («ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ»)

А.А. Хасавнех

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация alise 12345@mail.ru

Цель статьи - описать и проанализировать две версии объемного биографического труда крупного татарского ученого XIX века Ризаэддина Фахреддина – «Мәшһүр хатыннар» («Знаменитые женщины»). Первая версия – печатная книга, изданная в Оренбурге в 1904 г.; вторая – рукописный список той же книги, датируемый 1934 г. Рукописная версия больше по объему в сравнении с печатной: рукопись расширена в результате добавления биографий татарок – как правило, современниц автора. В исследовании подробно разобрана структура печатной книги, выявлены особенности и примечательные стороны ряда ее разделов. «Мәшһүр хатыннар» является серьезным и многогранным биографическим сочинением энциклопедического характера. Автор при его составлении использовал материалы из книг Ибн ал-Джаузи, ат-Табари, Аристотеля, А. Шопенгауэра и других известных светил мировой науки по разнообразному тематическому спектру, включая географию, другие естественные науки, историю, философию, языкознание и др. В книге, в особенности ее предисловии, рассматривается женский вопрос; автор акцентирует внимание на проблеме предоставления женщинам полноценного образования и воспитание их в лучших мусульманских традициях. Данный труд является уникальным прежде всего в том смысле, что ни до Фахреддина, ни после него в татарском мире не было создано подобных сочинений, посвященных биографиям известных в исламском мире женщин.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, биографическое сочинение, женский вопрос, знаменитые женщины, генеалогия, личные комментарии, персоналии

Для цитирования: Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины») // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 306–317. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.306-317

Сочинение «Мәшһүр хатыннар» (Фахреддинов 1904) крупного татарского ученого, публициста, журналиста, общественного и религиозного деятеля Ризаэддина Фахреддина (1859–1936) написано в широко распространенном в мусульманском мире биографическом жанре. Это сочинение, с одной стороны, может рассматриваться как продолжение написан-

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины»)

ной ранее тем же автором серии книг, посвященных женской тематике: «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать») и «Тәрбияле бала» («Воспитанное дитя»), с другой – еще одного биографического труда, включающего в себя биографии известных мужчин, – «Асар».

К сожалению, на протяжении многих десятилетий данный сборник, хранящийся в Национальной библиотеке Республики Татарстан, не привлекал к себе достаточного внимания со стороны ученых и исследователей. О нем можно встретить лишь несколько упоминаний в отдельных научных статьях и материалах сборников конференций (Миллэт аналары 2012). Уфимский ученый Р.М. Булгаков, долгие годы работавший над описанием научного фонда Фахреддина в Научном архиве Уфимского научного центра РАН, опубликовал несколько биографий соотечественниц ученого, снабдив их личными комментариями (Булгаков 2007). Однако до сих пор это объемное сочинение Фахреддина не становилось источником серьезного исследования.

Печатная книга, написанная на старотатарском языке на основе арабской графики, объемом в 448 страниц была издана в 1904 г. в типографии братьев Каримовых в г. Оренбурге. «Она включает в себя: «Вступительное слово» (Ихтар), написанное самим автором; основную часть с биографическими сведениями об известных в исламском мире женщинах, составленную в персидском алфавитном порядке; «Заключение» (Хатима), после которого следуют биографии знаменитых арабских ученых-жизнеописателей Ибн Хаджара 'Аскалани и Имама Суюти. В самом конце приводятся имена всех включенных в книгу персоналий, сгруппированных автором по принадлежности к роду, занятиям, профессиям, определенным качествам: «Уважаемые дочери Посланника Аллаха»; «Матери правоверных, жены Посланника Аллаха»; «Тети Посланника Аллаха»; «Женщины-хадисоведы, передатчицы хадисов»; «Осведомленные в цепочке передатчиков (иснад) хадисов»; «Женщины-шейхи» и т.д. Книга завершается «Именным указателем» (Фихрист). На с. 34 имеется круглая печать с именем прежнего владельца – указного муллы С.Ш. Невметуллина» (Хасавнех 2018: 51).

Биографический труд включает в себя сведения о 547 известных в мусульманском мире женщинах, «живших и творивших не только на территории Поволжья и Приуралья, но и в различных уголках земного шара, включая Сибирь, Среднеазиатский регион, страны Дальнего и Ближнего Востока, мусульманскую Испанию» (Хасавнех 2017).

Эту книгу в некотором роде можно причислить к сочинениям, в которых в той или иной степени затрагивается женский вопрос. В свое время его автор одним из первых среди татарских ученых и просветителей выступил в защиту прав женщин с позиции просветителя. В то же самое время он понимал, что представители консервативного крыла традиционнотатарского общества будут всячески препятствовать внедрению новшеств в вопросах женской эмансипации. Исследовательница творчества Фахреддина Кадымова Р.Р. отмечает: «Несомненно, противоречивость в оценке

общественно-политических воззрений Фахреддина определяется эпохой, в которой жил ученый, — это было время кардинальных изменений в обществе» (Кадымова 2013: 9).

Автор книги подчеркивает особую роль женщин как «матерей нации», тех, от кого напрямую зависит судьба будущих поколений. В статье, посвященной биографии 'Айши Садики, автор пишет:

«Ребенку может преподать урок кто угодно, однако основы нравственности и морали закладывает в него его мать... Потому-то первоочередной и неотложной задачей современности является приложение максимума усилий для предоставления женщинам всеобщего образования и воспитания их в самых лучших мусульманских традициях» (НА УНЦ РАН: Л. 163 об.).

В личных комментариях к жизнеописаниям известных в мусульманском мире женщин автор призывает читательниц взять себе на заметку то или иное событие или почерпнуть урок из определенного эпизода жизни предшественницы. С особым трепетом и теплотой Фахреддин пишет о своей матери, выражая ей большую благодарность за ту благотворную роль, которую она сыграла в его воспитании и становлении как личности. «Моим самым превосходным наставником, — пишет ученый-просветитель, — была моя мать, которая смогла мне привить много благонравных и положительных качеств. Она была мне не только матерью, но и моим величайшим учителем и наставником» (НА УНЦ РАН: Л. 222).

В сочинении «Мәшһүр хатыннар» особое внимание привлекают личные комментарии (фа'ида) Фахреддина, которые помечены специальным значком, а сам текст дается курсивом. Комментарии оставлены по самым различным поводам: это могут быть высказывания ученого по определенным примечательным моментам биографий женщин, либо они касаются тех или иных исторических событий; порой автор включается в полемику с другими учеными относительно спорных моментов по отдельным проблемам. Эти заметки в зависимости от затрагиваемого вопроса могут быть саркастичными, критичными, одобрительными, ироничными и даже остроумными и юмористичными. В них ученый раскрывает себя, транслирует свою собственную позицию. Такого рода комментарии, несомненно, имеют для исследователей жизнедеятельности и творчества крупного татарского просветителя особую актуальность, так как, с одной стороны, они представляют позицию автора по определенному вопросу, с другой – отражают веяния эпохи, в которой жил и творил ученый и, наконец, что также немаловажно, раскрывают перед нами автора сборника как человека, личность с определенным характером и индивидуальными чертами. Так, например, интересный комментарий Ризаэддина Фахреддина приводится в статье, посвященной Арджуман Бану Бегум – супруге правителя великих моголов, потомка тимуридов Шахджахана Шихаб ад-Дина Мухаммада, - прославившейся в том числе и благодаря прекрасному мавзо-

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины»)

лею Тадж Махал, сооруженному падишахом в честь их великой любви. Фахреддин пишет:

«Этот мавзолей по красоте и изяществу своему превосходит все самые известные в мире построения подобного рода. Об истории его возведения ходят самые разные легенды. Согласно одной из них, над ним трудились более двадцати двух тысяч человек на протяжении двадцати лет. А столько, сколько было вложено при его постройке драгоценностей, сложно вообразить. Даже если взять любое из самых величественных возведений Египта, то оно бы и рядом не стояло с Тадж Махалом. Естественно, не было бы и речи, если бы такая сумма денег была потрачена на строительство мечети или исламского учебного заведения, медресе. В таком случае Индия как государство в море знаний поднялась бы до небывалых высот. Вся горечь в том, что приверженцы ислама, на каком бы материке, в какой бы стране они ни жили, не могут принять истину, что заключена в аяте из Корана: 'Разве они не странствовали по земле, имея сердца, посредством которых они могли разуметь, и уши, посредством которых они могли слушать? Воистину, слепнут не глаза, а слепнут сердиа, **находящиеся в груди**' (22:46)» (Фахреддинов 1904: 12).

Судя по этому отступлению, становится очевидным, что вопросы предоставления образования женщинам, открытия школ для девочек и т.д. были одними из самых наболевших на тот период. Так или иначе, в этих авторских отступлениях Фахреддин напрямую обращается к читателям, создавая привязку к своей эпохе.

При составлении своего труда Фахреддин использовал многочисленные арабоязычные источники: «Тахрир ал-мар'а» египетского юриста, философа, политического и общественного деятеля, одного из основателей египетского национального движения и Каирского университета, борца за права женщин в арабском мире Касима Амина ал-Мисри (1865–1908); «'Аджа'иб ан-ниса» арабского историка, специалиста в области фикха и хадисов Абу ал-Фараджа 'Абд ар-Рахмана ал-Джаузи (1156–1201); «Ахкам ан-ниса» ханбалитского факиха, хадисоведа, историка и проповедника 'Абд ар-Рахмана ибн 'Али Мухаммада ал-Джаузи (1126–1200) и др. Ученый также обращался к сочинениям западноевропейских авторов в переводе на арабский язык: «ал-Мар'а» Аристотеля и «Калима 'ан ан-ниса» А. Шопенгауэра.

«Тот факт, что татарский ученый при составлении книги использовал многочисленные источники самого широкого тематического спектра, включая исследования по истории, географии, литературе стран Востока и тюркского мира, переводам, естественным наукам, философии, языкознанию и др., говорит о том, что его издание является серьезным, многогранным трудом энциклопедического характера» (Хасавнех 2017).

Помимо печатной книги 1904 года имеется и рукописная версия Фахреддина под тем же названием – «Мәшһүр хатыннар» (НА УНЦ РАН). Автор посвятил ее своей дочери Зайнаб и написал следующий подзаголовок: «Книга, включившая в себя биографии женщин, [упоминаемых] в мусульманских сочинениях, которые получили известность в мусульманском мире благодаря тому, что внесли определенный вклад в дело религии своими знаниями или богатством» (Фахреддинов 1904: 1). Эту рукопись Фахреддин завершил 18 мухаррама 1353 (3 мая 1934) г. В настоящее время она хранится в Научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук. Почему же автор сочинения «Мәшһүр хатыннар» решил вновь вернуться к этой теме спустя почти три десятка лет после издания в 1904 г. печатной версии книги? На этот вопрос он дает ответ в «Заключении» ко второй, рукописной книге, где отмечает, что после выхода в 1321 (1904) г. в Оренбурге сочинения «Знаменитые женщины» он понял, что в нескольких местах его следовало бы исправить, а по некоторым персоналиям – дополнить. Он надеялся сделать эти исправления во втором ее издании и стал собирать необходимые сведения из арабских, турецких, персидских журналов и газет, приходивших в редакции газеты «Вакыт» и журнала «Шура»; с редакциями этих печатных изданий ученый состоял в тесном сотрудничестве. Но, к большому сожалению, второе издание книги напечатать не удалось, а собранные для него сведения пропали по независящим от автора обстоятельствам. Однако, несмотря на все эти перипетии и сложные жизненные обстоятельства, встречавшиеся Фахреддину в последние годы его жизни, автор не опускает руки и восстанавливает тексты заново.

Рукопись «Мәшһүр хатыннар» 1934 г., включившая в себя биографии 621 женщины, отличается от первого, печатного издания: 1) своим составом (количество биографий в нем увеличено на 74); 2) расширенным объемом ранее изданных биографий; 3) языком изложения (если в печатной книге в языке присутствуют османские элементы, то вторая редакция написана на урало-поволжском тюрки, более приближенном к современному татарскому языку). Булгаков одним из первых написал о рукописной книге Фахреддина «Мәшһүр хатыннар» и дал ее подробный анализ, указывая на особый статус мусульманок России в этом сочинении (Булгаков 2007). Действительно, мусульманские женщины России сыграли значительную роль в сохранении ислама в нашей стране благодаря религиозно-воспитательной, преподавательской, проповеднической, просветительской и благотворительной деятельности. В рукописную книгу «Мәшһүр хатыннар» вошло около тридцати биографий татарок, современниц автора: Бадрульбанат бинт Иманкул (1838–1922), мать Мухлисы Буби; Бадриджихан бинт Насруддин (ум. 1895), супруга имама и мударриса деревни Ури Казанской губернии; Гайниджамал Яуш (ум. 1927), основательница женского медресе в г. Троицк; Гайша бинт Шахиахмад (ум. после 1904), дочь известного татарского ученого – Шахиахмада бин Рафика бин Габдулмумина бин Хусаина ас-Симаки; Гайшабике бинт Мухаммадшариф (ум. 1915), известная в казанском

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины»)

крае благотворительница; Галиматульбанат бинт Лутфулла (1876–1906), основательница школы для девочек, преподавательница; Галия бинт Шихабуддин (1854–?), дочь известного казанского ученого Шихабуддина Марджани; Гафифа Тунтария (1836–1899), дочь имама и мударриса деревни Тунтар Малмыжского уезда Шейхгали бин Сайфуллы; Зайнаб бинт Шахимардан (ум. после 1930), дочь имама и мударриса деревни Кашкар Казанского уезда Шахимардана бин Ахмада ал-Утягани; Маухуба бинт Рамкул бин Максуд (1821–1873), мать Фахреддина; Махруй Барудия (1862–1904), супруга первого свободно избранного муфтия Галимджана Баруди; Марьямбике (1859–1928), дочь известного, крупного фабриканта Тимурпулада хаджи Акчурина и супруга муфтия Арслангали бин Мухаммадьяра Султанова; Махбубджамал Акчура (1869–1948), дочь известного имама Ахмада бин Хусаина Акчурина; Мухлиса Буби (1869–1937), первая женщина-кади в России; Фатиха Аитова (1879–?), основательница школы для девочек в г. Троицк, благотворительница и др.

В заключение к рукописной книге Фахреддин написал, что этот его труд является первым в нашей стране сочинением о биографиях знаменитых в мусульманском мире женшин. Актуальность сочинения «Мәшһур хатыннар» неоспорима и в наши дни. Хочется надеяться, что современные читатели, знакомясь с биографиями таких выдающихся и знаменитых женщин прошлых столетий, как: Амина бинт Вахб, Хадиджа бинт Хувайлид, 'Айша бинт Абу Бакр, Фатима бинт Мухаммад, Фатима бинт 'Аббас, Уммат ал-'Азиз Багдадия, Зубайда бинт Джа'фар и др., будут вдохновляться примерами их жизни, черпать для себя много полезного и поучительного, ведь эти представительницы прекрасной половины человечества были в числе ближайших людей Гордости миров, пророка Мухаммада; служили ему опорой; окружали вниманием и заботой; читали блистательные проповеди с высоких минбаров не только для женщин, но и для мужчин; на собственные средства строили школы и мечети; проводили водные каналы; устраивали колодцы на пути к местам священного паломничества для мусульман - Мекке и Медине; справедливо царствовали; учительствовали; врачевали; были духовными наставницами таких выдающихся представителей мусульманского Востока, как Джал ад-Дин Руми, 'Абд ар-Рахман Джами, Имам Суюти; деятельностью таких мусульманок восхищались и высоко отзывались о них в своих трудах Ибн Хаджар, Ибн Таймия, Хаджар ал- 'Аскалани, Салах ад-Дин ас-Сафди, имам аз-Захаби. Эти и многие другие выдающиеся предшественницы оставили яркий след в истории нашей земли, они, словно яркие звезды на небосклоне, призваны указывать нам светлый путь.

Ниже приводится биография одной из ярчайших представительниц татарской нации – Гафифы Тунтарии.

«Гафифа – дочь Шейхгали бин Сайфуллы бин Габдуррашида, имама и мударриса деревни Тунтар Малмыжского уезда [Вятской губернии], супруга имама и мударриса той же деревни – Шамсуддина бин Рахматул-

лы бин Рахманкули. Благодаря образованию и воспитанию у своего славного родителя Шейхгали-хазрата познания и нравственные качества Гафифы достигли больших высот. Она в достаточной степени овладела грамматикой арабского языка, а также в необходимой мере изучила персидский язык, поэтому с удовольствием предавалась чтению газет и журналов, издававшихся на этих двух восточных языках. Гафифа была постоянной читательницей двух газет — выходившей в Египте "ан-Нил" и стамбульской "ал-Ахтар", т.к. выписывала их на свое имя.

Из личной библиотеки отца она прочитала книги: "Тарика Мухаммадия" ("Путь Мухаммада"), "Та 'лим ал-мута 'аллим" ("Обучение учащихся"), "Бустан ал-'арифин" ("Сад просвещенных"), "Касидат ал-Бурда" ("Поэма о плаще"), "Мурад ал-'арифин" ("Цель просвещенных"), "Гулистан" ("Розарий")² и др. Кроме этих сочинений Гафифа по всем правилам прочитала Коран. Кроме этих сочинений Гафифа по всем правилам прочитала Коран. Уровень ее познаний в исламских науках был очень высок и намного превышал уровень обычного медресе того времени. Всю свою взрослую жизнь Гафифа ханум обучала исламскому вероучению, другим учебным предметам девочек из своей деревни, а также окрестных поселений. Особую важность приобрели ее занятия для женщин по преподаванию исламских предписаний. Часто ей приходилось читать проповеди, давать моральные наставления как для девочек, так и для женщин.

В один из дней сын Гафифы ханум вернулся из школы и рассказал матери о споре, возникшем между мутазилитами и Тафтазани относительно совершившего большой грех, подробно изложив при этом аргументы самого Тафтазани. Гафифа Тунтария же сказала своему сыну Наджибмахдуму: "Эти слова Тафтазани по поводу человека, совершившего большой грех, не стоят слов одной старухи, пришедшей на меджлис к мутазилитскому имаму Суфьяну Саури и также высказавшейся по этому вопросу". В противовес мнению имама Саури она сказала: "Ваши слова не соответствуют тому, что написано в Коране, и даже противоречат Священному Писанию, ведь там сказано так: "Он — Тот, кто сотворил вас. Среди вас есть неверующие, и среди вас есть верующие' (64:2)³. Поэтому люди подразделяются на две группы". Сказав это, она "положила на лопатки" самого мутазилитского имама. Побежденный в споре Суфьян Саури воскликнул: "Алайкум би-дин ал-'аджаиз! [выражение, которое впервые вы-

 $^{^1}$ «*Ахтар*» — персидская газета, издававшаяся иранскими эмигрантами в Стамбуле с 1875 по 1899 гг. Издатель — Мухаммад Тахир Тебризи, редактор — Мирза Махди Ахтар.

² Речь идет о следующих сочинениях: педагогический трактат «*Та'лим алмута'алим фи тарик ат-та'аллум*» Бурхануддина аз-Зарнуджи, «*Бустан ал-'арифин*» имама Абу Закарии Яхьи ибн Шарафи ан-Навави, «*Касида ал-Бурда*» имама ал-Бусири, «*Мурад ал-'арифин*» Суфи Аллахийяра, «*Гулистан*» Са'ади.

³ (Kopan 1963).

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины»)

сказал Суфьян ас-Саури. Оно означает: "Между двумя домами верующих и неверующих есть [промежуточный] дом". – A.X.], после чего призвал всех слушателей прислушаться к словам этой женщины!"

Гафифа была весьма образованной, воспитанной девушкой с благим нравом; по своим личным качествам, действительно, соответствовала значению имени Гафифа, что значит "добродетельная". Она выросла единственной дочерью в семье богатого и известного ученого, который относился к своим домочадцам с большой любовью, теплотой и вниманием. Позже она вышла замуж за такого же ученого, готового отдать себя в жертву дорогим отцу и матери, который также очень сильно ее любил. Естественно, что люди, проживая свои жизни в такой атмосфере любви и тепла, передают затем эти прекрасные чувства своим детям. Также и Гафифа ханум смогла передать продолжателю рода, Наджибу-махдуму, все то прекрасное, что впитала в себя от своих близких; она слишком сильно любила сына, проявляла к нему все свое милосердие и заботу.

Когда настало время отправиться в дальние страны для получения образования, Наджиб-махдум пришел к матери за благословением, однако Гафифе ханум не хватило решимости согласиться отпустить единственного сына от себя. Она не дала своего согласия и после обращения к ней известного в Казани государственного деятеля, купца, ближайшего друга ее отца Шейхгали-хазрата – Муртазы бин Мустафы ал-Иджми: "Давайте пошлем Наджиба-махдума учиться за границу. Все расходы, связанные с проживанием и учебой, возьму на себя". Позже тот же Муртаза-эфенди сказал Наджибу-махдуму: "Махдум! Предполагаю, что ты останешься в деревне [Тунтар] и лишишься возможности получить достойное образование. Твои отличные способности и талант – ценный клад. Если тебе так и не представится возможность уехать на учебу, в таком случае переезжайте вместе с вашей уважаемой родительницей в Казань. Ты сможешь учиться в любом медресе города, в каком пожелаешь, ваша почтенная родительница же погостит у нас, в добродушном окружении нашей семьи; мы обеспечим ей надлежащий уход и заботу. Я с радостью и гордостью беру на себя попечение о вас. Для себя восприму это как благой удел и божественную милость". После прочтения этого письма от Муртазы-эфенди в доме, оставшемся после кончины Шейхгали-хазрата, состоялся продолжительный совет относительно того, какое медресе выберет Наджиб-махдум и какой мударрис станет его наставником. В конце концов решили, что махдум поедет учиться именно в медресе под руководством [Шихабуддина] Марджани, и ни в какое иное, наставником же его станет непременно сам Марджани-хазрат. После этого некто из присутствующих на совете под влиянием мнения одного из авторитетных людей их округа сказал: "Марджани подозревается в приверженности к шиизму; он не пользуется уважением среди правоверных мусульман, в его вероубеждениях присутствует порок и заблуждения. Если Наджиб-махдум поедет учиться к нему, то его вероубеждениям может быть нанесен непоправимый вред, и он

также потеряет доверие и уважение со стороны мусульман. Так что для махдума будет лучше, если он не поедет в Казань". В итоге Гафифа ханум приняла решение не отпускать Наджиба-махдума в город, и сама также осталась в своей деревне.

Уважаемый отец Гафифы ханум Шейхгали-хазрат скончался в возрасте 94 лет в месяце раджаб 1291/1874 г. 4 и был похоронен на кладбище деревни Тунтар. На надмогильном памятнике сохранилась надпись.

Мать Гафифы Гиззунниса бинт Габдулгафур покинула этот мир в возрасте 74 лет в 1298/1881 г. Она была весьма храброй и смелой женщиной, всю свою жизнь посвятившей обучению девочек. Все ее дети умерли в раннем возрасте, жизнеспособной оказалась только дочь Гафифа.

Сама Гафифа родилась в 1252/1836 г. В возрасте 24 лет, в 1276/1859 г., она была выдана замуж за Шамсуддина бин Рахматуллу. Обряд никаха провел имам и мударрис деревни Маскара (тат. Мэчкэрэ) Габдулла бин Яхья ал-Чиртуши. Супруг Гафифы, имам и мударрис Шамсуддин бин Рахматулла скончался в 1293/1876 г. В сорокалетнем возрасте она осталась вдовой и в одиночку вырастила сына Наджиба. За свою жизнь она родила четырналцать детей, но все, кроме Наджиба, умерли в малолетнем возрасте. В девичестве к Гафифе сватались такие известные личности, как Габдулхабир ал-Муслими и [Шихабуддин] Марджани, но отец девушки не хотел отпускать от себя далеко свою единственную дочь, по этой причине они вынуждены были отказать им. Отец Гафифы выдал ее замуж за своего ученика Шамсуддина.

После кончины мужа Гафифа взяла на себя ведение домашнего хозяйства. Поддержание порядка в большом доме и хозяйстве велось так же исправно, как и в то время, когда были живы ее отец и супруг. Она успешно выращивала хлеб и держала мельницу.

Гафифа ханум и вправду была очень добродетельной и скромной женщиной. Она никогда не жаловалась на тяготы и сложности земной жизни, не выказывала притворного чувства дружелюбия перед людьми богатыми и теми, кто был предан этому миру. И даже в сложные периоды, когда Гафифа ханум оставалась без копейки в кармане, она не ходила по дворам, прося взаймы, а проводила дни согласно сказанному в Священном Писании: 'Неосведомленный считает их богачами по причине их *скромности* (2:273)⁵. Она не переставала повторять своему сыну Наджибу-махдуму: "В наши дни ишанство несовместимо с аскетичностью и набожностью. Дети ишанов ведут аморальный образ жизни, поэтому не вставай на этот путь, не избирай себе это занятие, а найди другой путь, путь учености!"

⁴ Год приводится по мусульманскому (хиджра) и по христианскому календарям. ⁵ (Коран 1963).

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд *«Мәшһүр хатыннар»* («Знаменитые женщины»)

В последние дни своей жизни уважаемая Гафифа ханум из-за причиненных ей страданий со стороны недоброжелателей слегла с болезнью нервов и психики. Ее мучили потеря аппетита и сна. Она говорила подносившим и ставившим перед ней еду: "Посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: 'Не принуждайте ваших больных к еде и питью, ведь Всевышний Аллах кормит их и поит', поэтому не заставляйте меня есть, если не хочу".

Пребывая в состоянии болезни, в один из дней Гафифа Тунтария подозвала к себе сына Наджиба-махдума и сказала ему: "Послушай, я почитаю тебе из Корана, если в моих словах найдешь ошибки, скажи об этом". После этого она прочла суру "ал-А 'раф" ("Ограды"), начиная со 142-го по 143-й аяты. Гафифа ханум прочитала эту часть Корана безукоризненно. Да и писала она также очень хорошо, на грамотном литературном языке.

Не оправившись от этой болезни, Гафифа ханум пролежала месяц на своей кровати, и скончалась в возрасте 63 лет в 10 часов, в пятницу 10 Рамадана 1316/1899 г. Похоронена рядом с гробницей своего уважаемого отца, Шейхгали-хазрата. Да смилостивится над ней Всевышний Аллах» (НА УНЦ РАН: Л. 173–175).

Таким образом, труд Фахреддина может добавить к нашим знаниям немало новых и интересных деталей из биографий известных людей, открывая в то же самое время и новые имена. Как мы видели, в сочинении встречаются имена многих малоизвестных и совсем неизвестных женщин, в большой степени это жительницы Поволжья и Урала, которые активно занимались благотворительностью, строили мечети, школы, основывали библиотеки и т.д. Все это открывает новые возможности и перспективы для исследователей в различных областях гуманитарной науки.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Коран 1963 – Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского. Редактор В.И. Беляев. [Предисловие В.И. Беляева и П.А. Грязневича]. М., 1963.

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра РАН. Фахреддинов Р. Мәшһүр хатыннар. Ф. 7. Оп. 1. Д. 1. 245 л.

Фахреддинов 1904 – Фахреддинов Р. Мәшһүр хатыннар. Оренбург: Кәримов матбағасы, 1904.

Хасавнех 2017 — Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахретдинов о выдающихся женщинах исламского мира // Мәхәллә. Газета Духовного управления мусульман г. Москвы и Центрального региона. №40. 23.06.2017.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Булгаков Р.М. Знаменитые женщины // Бельские просторы. 2008. № 1; 2; 3. http://www.hrono.info/text/2008/fahr01_08.html; http://www.hrono.info/text/2008/fahr03_08.html

⁶ Хадис из сборника Тирмизи, от 'Укба бин 'Амра.

Кадымова Р.Р. Вклад Ризаэддина Фахреддина в формирование нового статуса женщины в татарском обществе конца XIX – начала XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.

Милләт аналары: тарихи-документаль һәм биографик жыентык / төз.-авт. А.Х. Мәхмүтова («Шәхесләребез» сериясе). Казан: Жыен, 2012.

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фәхреддиновның «Мәшһүр хатыннар» исемле библиографик хезмәте // Фәнни Татарстан. 2018. №2. Б. 49–55.

Сведения об авторе: Хасавнех Алсу Ахмадулловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник центра письменного и музыкального наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); alise_12345@mail.ru

Поступила 05.08.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

RIZAEDDIN FAKHREDDIN AND HIS BIOGRAPHICAL BOOK "MASHKHUR KHATYNNAR" ("FAMOUS WOMEN")

A.A. Khasavnekh

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation alise_12345@mail.ru

The purpose of this article is to describe and analyze a prominent 19th century Tatar scholar Rizaeddin Fakhreddin's two voluminous biographic works – the printed book "Mashkhur Khatynnar" ("Famous Women"), published in 1904 in Orenburg, as well as a manuscript version of the same book written in 1934. The second book is more extensive in its content than the first version; it has extended due to Tatar women's added biographies, mainly contemporaries of the author. The study examines the printed book structure and reveals the features and remarkable aspects of one or another of its sections. "Mashkhur Khatynnar" ("Famous Women") is a serious and multifaceted biographic composition of encyclopedic format. In compiling it, the author used materials from Ibn al-Jawzi, at-Tabari, Aristotle, A. Schopenhauer, and other famous luminaries of world science of a diverse thematic spectrum, including history, geography, natural sciences, philosophy, linguistics, etc. In the book, especially in the preface part, the female question is sharply discussed. The author focuses on the issue of providing women with full education and upbringing in the best Muslim traditions. This work is unique because neither before Fakhreddin nor after him, similar works on biographies of women known in the Islamic world has not written in the Tatar world.

Хасавнех А.А. Ризаэддин Фахреддин и его биографический труд «Мәшһүр хатыннар» («Знаменитые женщины»)

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, biographic essay, women's issue, famous women, genealogy, personal comments, personalities

For citation: Khasavnekh A.A. Rizaeddin Fakhreddin i ego biograficheskiy trud «Mäshhür khatynnar» («Znamenitye zhenshchiny») [Rizaeddin Fakhreddin and his Biographical Book "*Mashkhur Khatynnar*" ("Famous Women")]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 306–317. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.306-317

REFERENCES

Bulgakov R.M. Znamenityye zhenshchiny [Famous Women]. *Bel'skiye prostory*, 2008, no. 1; 2; 3. http://www.hrono.info/text/2008/fahr01_08.html; http://www.hrono.info/text/2008/fahr03_08.html (In Russian)

Kadymova R.R. Vklad Rizaeddina Fakhreddina v formirovaniye novogo statusa zhenshchiny v tatarskom obshchestve kontsa XIX – nachala XX vv. Avtoref. diss. kand. istor. nauk [Rizaeddin Fakhreddin's Contribution to the Formation of Women's New Status in the Tatar Society in late 19th – early 20th centuries. Abstract of Cand. Sc. History Diss.] Kazan, 2013. (In Russian)

Millät analary: tarikhi-dokumental' häm biografik jyentyk / tuz.-avt. A.Kh. Makhmutova («Shakheslarebez» seriyase) [Mothers of the Nation: Historical, Documentary and Biographical Collection. Comp. and author A.Kh. Makhmutova]. Kazan: Jyen Publ., 2012. (In Tatar)

Khasavnekh A.A. Rizaeddin Fähreddinovnyñ «Mäşhur hatynnar» isemle bibliografik hezmäte [Bibliographic Work of Rizaeddin Fakhreddinov «Famous Women»]. *Fänni Tatarstan*, 2018, no. 2, pp. 49–55. (In Tatar)

About the author: Alsu A. Khasavnekh is a Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow at the Centre of Rear Books and Musical Heritage, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12 Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); alise_12345@mail.ru

Received August 5, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

РИЗАЭДДИН ФӘХРЕДДИННЕҢ ФӘННИ-ТИКШЕРЕНҮ ЭШЛӘРЕНДӘ МӨҺИМ ТАРИХИ ЧЫГАНАК БУЛАРАК МЕТРИКА КЕНӘГӘЛӘРЕ

Э.К. Сълахова

Татарстан Республикасы Фәннәр академиясенең Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты Казан, Россия Федерациясе ilsalah@mail.ru

Метрика кенәләре – тарихи тикшеренүләр өчен кыйммәтле материал бирә ала торган мөһим чыганаклар комплексының берсе. Кызганычка каршы, тарихи хезмәтләрдә метрика кенәгәләрен тарихи чыганак буларак куллану дәрәжәсе хәзерге көннәргә кадәр түбән булып кала бирә. ХХ гасыр башында Р. Фәхреддин чыганакларның бу комплексына игътибар итә, ул аларны үзенең тарихи тикшеренүләрендә кулланып кына калмыйча, аларны саклауга да зур өлеш кертә. Мөселман метрика кенәгәләренең зур фонды сакланып калган икән, бу, һичшиксез, СССР мөфтие Р. Фәхреддиннең казанышы.

Р. Фәхреддиннең атаклы хезмәтләре «Мәшһүр ирләр», «Мәшһүр хатыннар», «Асар»ның төп чыганаклары булып метрика кенәгәләре тора. «Асар» хезмәтен аерым билгеләп үти кирәк, анда метрика кенәгәләре материаллары нигезендә Р. Фәхреддин атаклы шәхесләрнең, галимнәрнең, имамнарның тәрҗемәи хәлен, аларның туу, вафат булу даталарын, шәҗәрәләрен төгәл ачыклауга ирешә.

Мәкалә авторының максаты – Р. Фәхреддиннең фәнни тикшеренү хезмәтләрендә метрика кенәгәләренең урынын һәм аларның мөһимлеген күрсәтү. Куелган максатка ирешү өчен берничә бурыч куелды, алар: тарихи чыганаклар буларак метрика кенәгәләре турында аналитик материал бирелү, Р. Фәхреддиннең үз хезмәтләрендә метрика кенәгәләрен куллану дәрәжәсе, шулай ук тулы бер фәнни темаларны ачуда метрика кенәләренең чыганакчыл мөмкинлеге күрсәтелә. Тәкъдим ителгән мәкаләдә Р. Фәхреддиннең фәнни мирасы мондый ракурста беренче тапкыр карала. Р. Фәхреддиннең үз кулы белән язылган тәржемәи хәлендә метрика кенәгәләреннән күчермәләрнең күп булуына автор игътибарны юнәлтә.

Автор соңгы вакытта актульләшеп киткән дискуссион моментларга игътибарны юнәлтә, алар — метрика кенәгәләрендә теркәлгән кешеләрнең кайсы милләткә каравы. Мәкалә авторы тикшеренүләре буенча метрика кенәгәләрендә күрсәтелгән кешенең социаль статусы аның милләте буларак кабул ителә алмый. Автор инануы буенча, метрика кенәгәләрен тутыру кагыйдәләре буенча аларда кешенең милләте язылу күздә тотылмаган, моннан кала бу төр документларда кешенең милләте бернинди роль уйнамаган.

Р. Фэхреддин — чыганаклар белән эшләгән галим, аның метрика кенәгәләренә мөрәжәгать итүе, аларга ихтирамлы мөнәсәбәте бу чыганакларның татар язма чыганаклар комплексындагы мөһимлеген раслый. Метрика кенәгәләренең күләмле комплексын мөһим тарихи чыганак буларак өйрәнү тарих фәнендә мөһим фәнни тикшерү юнәлеше булырга тиеш.

Сәлахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөһим тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре

Төп төшенчэлэр: Ризаэддин Фәхреддин, метрика кенәгәләре, татар тарихи чыганаклары, архив документлары, мөселманнарның Диния нәзарәте, Р. Фәхреддиннең фәнни мирасы, татар галимнәре, татар тарихы, XX йөз башы

Сылтама ясау өчен: Салахова Э.К. Ризаэддин Фэхреддиннең фэнни-тикшеренү эшлэрендэ мөним тарихи чыганак буларак метрика кенэгэлэре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 318–330. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.318-330

Ризаэддин Фәхреддин киңкырлы галим, ул тарихчы, талантлы журналист, педагог-мәгърифәтче, язучы, күренекле дин әһеле, фикер иясе буларак билгеле. Аның эшчәнлегенең һәр тармагы аерым зур тикшеруләргә мохтаж. Аның мирасының зур өлеше, кызганычка каршы, әлегә кадәр тулысынча тикшерелмәгән. Бик күп хезмәтләре әлегә кадәр кульязма хэлендэ кала бирэ. Шулар арасында, тарихи проблемаларга багышланган хезмәтләрнең күпсанлы булуын да күрсәтергә кирәк. Р. Фәхреддиннең мирасына карасак. ул татар тарихи эдэбиятына биоблиографик хезмэтдэр алып килгэн галим. Үзе житэклэгэн «Шура» журналындагы hэр санда диярлек билгеле аерым шәхесләргә бағышланған биоблиографик характердагы язмалары басылып барган. «Мәшһүр ирләр», «Мәшһүр хатыннар» хезмәтләрендә төрле халык вәкилләре булган тарихта эзле бөек кешеләр турында биографик мәгълумат тупланган. Бу юнәлештәге иң мәшһүр хезмәте, әлбәттә дүрт томлык «Асар» хезмәте (Фәхреддин 2006: 360). Һәр кеше хакында тәфсилле материал биру, зур чыганак базасы белән таныш булу, аның белән оста эш итүне таләп итә торган хезмәт. Бу хезмәткә кергән фактлар төрле чыганаклардан бөртекләп жыелган материаллар. Р. Фәхреддиннең «Acap» дип аталган күләмле мөһим хезмәтен өйрәнгән тарихчы Л. Байбулатова күрсәтүенчә, галим «Асар» хезмәтен язуга кулланган документаль чыганаклар күптөрле: алар арасында эш документлары (Диния нэзарэтенен эшчэнлеге белэн бэйле документлар), статистик материаллар (ревизия документлары, метрика кенэгэлэре), эпиграфик, фотодокументаль һәм башка чыганаклар (Байбулатова 2004: 22).

1788 елның 22 сентябрендә Екатерина II Указы белән булдырылган мөселманнарның Диния нәзарәте дәүләт белән мөселман дөньясы арасында бер арадашчы да, контроль органы да була (Азаматов 1996: 20). Диния нәзарәте Россия мөселманнары тормышында булган вакыйгаларны, андагы халәтне чагылдырган документларны туплаган оешмага рәвешен ала. Озак вакыт яшәп-эшләп килгән бу оешма документлары Диния нәзарәтенә казый булып килгән тарихчы-галим Р. Фәхреддин өчен зур байлыкка, галим өчен зур табышка әйләнә, хәтта бу вакыт аның тормышында борылыш чоры була дип тә әйтә алабыз. Риза казыйга нәзарәттә йөз ел дәвамында барлыкка килгән бай архивны жентекләп өйрәнү, тәртипкә салу да насыйп була. Р. Фәхреддин рәсми документларны фәнни

хезмэтлэрендэ тарихи чыганак буларак актив кулланучы беренче татар галиме. Диния нәзарәтенең төрле мәхәлләләр, чиновниклар белән язышу кәгазьләре, бәхәсле хәлләрне чишү буенча булган документлар, хосусый хатлар, әлбәттә инде Россиянең һәр мөселман мәхәлләсеннән озак еллар буе жыелып барган метрика язмалары аның биоблиографик хезмәтләренең нигезенә ята.

Метрика язмалары уникаль тарихи чыганаклар. Тарихи чыганак буларак бу документларның фәнни тикшеренүләргә әле дә тиешле дәрәжәдә керә алганы юк. Хәзерге вакытта да фәнни эшләрендә бу чыганакны кулланучы берничә тикшерүчене генә атый алабыз. Чыганакларның кыйммәтен һәм әһәмиятен белгән Риза казый бу чыганакларның мөһимлеген күргән, аларны үз хезмәтендә кулланган иң беренче галим.

Метрика язмалары – гражданлык халәтен теркәгән документлар. Россия империясенда метрика кенагаларе диган документларны алып бару барлык диндэгелэр өчен дә тиеш булган. Аларның гамәлгә куелуы гына төрле диннәр өчен төрле вакытка туры килә. Православиядәге халыкны метрика кенәгәләренә терки башлау 1722 елдан башлана, ә Мәскәү халкының туу, жирләүне теркәү 1702 елда ук башланған була. Католиклар өчен бу 1826 елда, э мөселманнар өчен 1828 елда гамэлгэ керэ, лютеран чиркэве өчен бераз сонрак – 1832 ел, яһудилэр өчен 1835 ел, раскольникларда 1874 ел. Сенатның 1828 елның 21 сентябрь Указы «О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому духовному магометанскому управлению» Оренбург Диния назарэтенэ hэм Таврия мөфтиятенэ караган барлык губерналар өчен дә тарала. Православия метрика язмаларыннан аермалы буларак мөселман метрика язмалары өч сәхифәдән торган, анда талак, ягъни аерылышу фактларны да теркәлгән. Шушы указ нигезендә мәхәллә метрика кенәгәсен, формулярны ике экземплярда алган. Күчермәсе мәхәлләдә калган, ә төп нөсхә киләсе елның февраленнән дә калмыйча нәзарәткә жибәрелгән. Беренче вакытта метрика алу, аны жибәру, алып бару расходлары 700 сум күләмендә дәуләт казнасыннан капланган булса, алга таба бу расходлар тулысы белән мәхәллә өстенә кала (Усманова 2004: 40–53). Шулай итеп, Диния нэзарэте узенэ күрэ бер нотариаль контора статусын да ала.

1918 елны гражданлык халэте хакындагы Декрет чыкканнан соң метрика алып бару инде руханилар вәкаләтендә булмый, ул инде дәүләткә күчә һәм ул ЗАГС дип атала башлый. Әмма, шулай булса да, бу вакыттагы сәяси халәт, гражданнар сугышы бу Декретның чын мәгънәсендә гамәлгә керүен тоткарлый. Кайбер мәхәллә имамнары 1930 елларга кадәр традицияне дәвам итеп, метрика тутыру эшен алып барганнар. Бу чор метрика язмалары юридик көчкә ия булмаса да, тарихи чыганак буларак гаяты мөһим һәм уникаль чыганаклар булып тора. Бу болганчык еллардан сакланып калган документлар күп түгел, шуңа күрә дә бу чорны күзаллауда, формаль яктан караганда рәсми документ булып саналмаса да, метрика язмаларының материаллары тарихи яктан кыйммәтле.

Сәлахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөһим тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре

Димәк ки, Указ кабул ителгәннән соң, 1829 елдан башлап 1918 елга кадэр генэ вакытны алсак та, Россия империясендэге һәр мөселман мәхәлләсендә метрика кенәгәсенең ике экземплярда тутырылуын исәплэсэк, бу чыганаклар купсанлы чыганаклар, тарихи чыганакларнын зур массасын тәшкил иткәнен күрергә була. Метрика кенәгәләренең беренчел экземплярлары киләсе елның февраленнән дә калмыйча Диния нәзарәтенә жибәрелгән, ә икенче экземпляр мәчетнең үзендә сакланған. Һәр елны һәр мәхәлләдән килгән документлар Диния нәзарәтенең документациясенең иң зур өлешен тәшкил иткән, шунда тупланып барган. Монда жыелган метрика кенәгәләренең саны шулкадәр күп була ки, аларны тәртипкә китеру, системага салу һәм кулланырлык иту үзе бер зур проблемага эйлэнэ. Төрле сорауларга жавап биру, белешмэлек тутыру өчен бу документларга мөрәжәгать иту еш булса да. Диния нәзарәтендә моның белән шөгыльләнүче махсус кеше булмый. Ризаэддин Фәхреддин нәзараткә эшкә килгәч, мондагы хәлләрне күреп үз тәрҗемәи хәлендә «нэзарэтнен эшлэре дэ гаять буталчык рэвештэ оештырылуын күрдем», дип яза (Фәхреддин 1999: 37).

«Метрикәләрне тәмам тырышлык илә матур иттереп бастырдым. Архивны тәртипкә салырга тырыштым, хәтта үз күзәтчелегем илә күп вакыт өстендә торып киңәш бирер идем. Менә боларны үзем язмаган булсам, мине иң якын күргән кешеләр дә язмаслар иде. Бу эшләр, аеруча, архив хезмәтләре минем өстемә махсус бер хезмәт түгел иде. Мин фәкать үз теләгем илә боларны башкардым. Архивның тәртипле булуының файдасын хәтта Мәхкәмәдә туып-үскән адәмнәрнең дә беркадәресе белмәсләр. Моның ни дәрәҗәдә мөһим бер нәрсә икәнлеген аңлаучылар тәкъдир итәр дип уйласам, андыйлар да һәр гасырда, кулдагы бармаклар санынча, күп булмаслар», дип яза (Фәхреддин 1999: 37).

Метрика кенәгәләренең иң зур, иң бай коллекциясе Башкортостан милли архивында саклана дибез икэн (Кутушев 2012: 54–59), бу документларны архивның зур фонды итүдә, аны тәртипкә салуда, Россиядә булган авыр вакытларда, гражданнар сугышы барган елларда күп документлар юкка чыккан чорда сакланып калган икән, бу, һичшиксез, беренче чиратта Ризаэддин Фәхреддиннең зур хезмәте. Бу гына да түгел, ул килгәндә идэндэ тузып яткан документларны саклау өчен Диния назарэтенең ишегалдында таш бина салдырыртып, хэзерге архивларга да үрнэк була алырлык тәртип белән документларны урнаштыра. 1922–1935 еллар аралыгында шул документларны саклап калу тырышлыгы белән бик күп кешеләргә мөрәжагать итә, үтенеч хатлары яза. Диния нәзаратенең архивы галим Ризаддин Фәхреддин өчен иң яраткан, көннәрен шунда уздыра торган урын була, хәтта ул ял вакытларын да биредә уздырган. Үз ризалыгыннан тыш мөфтилеккә сайлангач та, ул бу вазыйфага килгәндә, тарихи язмаларга килуе, архивта эшлэп гыйльми хезмэт белэн шөгыльләнергә мөмкинлек булуы белән үзен юата. «Андагы тарихи язмаларны,

метрикаларны эшлэп, үзенә кирәк даталарны тикшереп, актарынып үткәргән сәгатьләре бик еш була иде», дип яза истәлекләрендә кызы Әсма Шәрәф (Фәхреддин 1999: 39–80).

Р. Фәхреддин үз хезмәтләрендә метрика язмаларын ни дәрәҗәдә куллануы, аның бу тарихи чыганакларга булган мөнәсәбәтен аның үз сүзләре белән аңлату иң дөресе булыр. Ул болай яза:

«Әгәр берәр кеше читтән тикшереп торса, Риза казый архивта нинди байлыклар эзли икән? Берәр хәзинә бардыр, шуны табарга маташа торгандыр, дип уйлыйлардыр. Хәлбүки, 3–4 сәгать вакыт сарыф итеп, тузанга батып, актарынып "Acap" га языла торган 3–4 кешенең дөрес туган-үлгән елларын табу минем өчен бер чиләк алтыннан кыйммәтле була» (Фәхреддин 1999: 8–38).

Ризаэддин Фәхреддиннен әлеге сузләре аның ни дәрәжәдә жентекле. һәр фактның зур кыйммәтен аңлый торган тикшерүче-галим булуын күрсэтэ торган дэлил. Аның күптомлы тарихи кыйммэте ягыннан бик көчле, әһәмиятле, энциклопедистик хезмәте «Асар»ның нигезендә тарихи чыганаклар – метрика кенәгәләре ята. Тарихта эзле булган һәр шәхес турында язганда һәр язмасында бу кешенең туу, вафаты турында мәгълумат төгәл көне белән күрсәтелә, бу төгәллекне, әлбәттә метрика язмалары гына бирә ала. Метрика язмалары нигезендә ул шәхесләрнең гаиләсе: никахлы хатыны, балалары, аның нәсел-нәсәбе турында да яза. Бу төгәллекне булдырган «Acap» киләчәктә тарихны өйрәнү өчен, тарихи очерклар өчен, гомумән, татар тарихы өчен тиңе булмаган чыганак. Фактик материалларга бай булган биоблиографик «Асар»ның ни дәрәжәдә мөһимлеге һәм аның алыштыргысыз хезмәт булуы үз заманыннан да бигрәк, хәзерге буын өчен кадерле. Р. Фәхреддин хезмәте тарихта эзле шәхесләрнең тәфсилле энциклопедиясе (Фэхреддин 2006: 360). Бу хезмәтнең мәгълүмати байлығы, бигрәк тә, аерым төбәк тарихын өйрәнү өчен төп чыганакларның берсе, чөнки шул төбәкнең имам-мулласы, аның рухи юлбашчылары хакында, аларның нәсел-нәсәбе белән теркәгән башка хезмәтләр юк. Төбәкнең рухи тормышын өйрөнүдө «Асар» күп кенә очракта бердән-бер тарихи чыганак икәнен танырга кирәк. Кызганычка каршы, рәсми архив документлары мондый төгәллекне бу дәрәжәдә жыеп бирми, ә башка язмалар, мулла, имам язмалары төрле сәбәпләр аркасында бүгенге көнгә кадәр сакланып калмаган. Хэтта ки, «Асар» рэсми архив документларында бирелгэн даталарның ялгышлыгын да күрсәтә, төгәллек кертә. Үз тәржемәи хәлен язган вакытта да Ризаэддин Фәхреддин һәр фактны метрика язмасында язылган рәвешендә төгәллек белән яза. Бу – аның гыйльми эзләнүче булу гадәте, тарихчы-тикшерүче гомуми сузләр белән сөйли алмый, аңа, беренче карашка, вак әйбер булып тоелган нәрсә дә, тарих өчен мөһим факт. Ризаэддин Фәхреддин хезмәтләрендә метрика язмаларының материаллары тулы бер нәсел тарихын торгызу, татар тарихының рухи тормыш халәтен, усешен билгеләүче имам, мулла, мөдәррисләр нәселен, аларның тәржемәи хәлен ачыклау мөмкинлеген тудыра.

Сәлахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөним тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре

Ризаэддин Фэхреддин беренчел чыганаклар белән эш иткән тарихчытикшеренүче, аның кайсы гына хезмәтен алсаң да, аның хезмәтләренең чыганакчыл базасы киң. Ул чыганакларга зур таләп белән караучы, нык тәфсилле кеше була. Метрика кенәгәләренә тулы ышаныч белән каравы, аның аларга актив рәвештә таянуы — метрика кенәгәләренең тарихи чыганак буларак, нигездә, ышанычлы документ булуы хакында сөйли. Әлбәттә документларны тутыручы аерым имам, муллаларның жаваплык дәрәжәсе түбән булып, метрика язмаларында ялгышлыклар да булган, Диния нәзарәтенә бу фактлар белән бәйле шикаятыләр дә күп килгән (Гарипова 2014: 14–34). Әлбәттә Риза казый боларның барысы белән дә таныш булган, әмма ул метрика язмаларын ялгыш, ышанычсыз чыганак итеп санамаган. Ул ялгышлыклар социаль тормышта конкрет очраклар өчен, бәлки мөһим дә булганнардыр, әмма тарихны өйрәнү, жәмгыятыне гомумән күзаллау өчен аерым очраклар гына чыганак базасына зур зыян сала алмый.

Ризаэддин Фәхреддиннең дөньяга килу датасы белән, аның рәсми документка – метрика кенэгэсенэ теркэлу вакыты арасында да берничэ көн бар. Ул узенең тәржемәи хәлендә «1275/1858 ел, 7 жөмадиел-ахирә/31 декабрьдэ чэршэмбе көн тан атканда бу михнэт вэ мэшакать йорты булган дөньяга килгэнмен. Тугач бишенче көнемдэ 1859 ел метрикэсенэ 4 гыйнвар вэ 3 нче номер белэн язылганмын», дип яза (Фэхреддин 1999: 9). Туган көнне төгәл күрсәтү тиеш икәнлеге мәгълүм булса да, ул заманда, хәзерге кануннар таләп иткән дәрәҗәдә, туган көнне шул көн белән язу ул кадәр үк катгый куелмаган. Шулай да, Диния нэзарэте үз матбугат чарасы аша бү хакта имамнарга искәртеп торган. Метрика язмасына төгәл көн белән теркәлмәу шактый четерекле хәлләр дә китереп чыгарырга мөмкин булган. Мисал өчен, аерылу белән яңа никахка керү вакытындагы төгәлсезлекләр кайбер аңлашылмаучанлык та китереп чыгарган, моннан кала, вафат датасы мирас мәсьәләләрен караганда катгый төгәллек таләп итә. Метрика язмасына теркәү кичектерелеп тору төрле сәбәпләр аркасында булу мөмкин. Гадэт буенча, баланы теркэту ата вазыйфасы, ниндидер сәбәпләр аркасында, моны атасы эшли алмый икэн, бу вазыйфаны бабасы үз өстенэ алган. Ата кешенен солдатта калуы, я сугышта булуы да, я булмаса, сату-алу эшләре белән йөреп өйдә бұлмавы да ихтимал. Тагын бер сәбәп – ұл балаға исем кушу белән, бала туу хөрмәтенә оештырыла торган мәжлес, бу мәжлесне оештырганда гына баланы муллага әйтеп метрикага яздыру очраклары да бик еш булган. Шулай итеп, баланы теркәү кичектерелеп торган. Р. Фэхреддиннен тэржемэи хэлендэ дэ чагыла: «Бу вакытта атам сәфәрдә булганга, аннан кайтканнан соң исем биреп, мин туганга кадәр вафат булган углы Ризаэтддин исеме белән атаганнар» (Фәхреддин 1999: 9). Метрика язмаларын комплекслы өйрэнгэндэ вафат булган туганның исемен яна туган балага кушу гадәте татарларда бик еш булмаса да, ул кулланылганы күренә. Гомер итеп вафат булган туганның исеме түгел, ә кече яшьтэ сабый вакытта ук вафат булган туганының исеме кую гадэти хэл саналган. Бу традиция узенэ күрэ рэсми документларда бу ике сабыйны

бутауга да китергән очраклар булган, бу әлбәттә, бик сирәк күзәтелгән аерым вакыйгалар гына. Шулай ук, әйтеп китәргә кирәк, татарларда бер нәселдә, нәселнең якын буыннары арасында бертөрле исемнәр кабатланмаган. Р. Фәхреддин белән Нуржәмал абыстайның уллары Хәсән (1897–1899) вафатыннан соң, туган икенче балага Хәсән (1901–1902) исеме бирәләр (Фәхреддин 1999: 31–32). Метрикаларны күпләп өйрәнү тәжрибәсе яңа туган баланың аңа кадәр туып вафат булган туганының исемен алганнарның гомере озын булмаганлыгын күрсәтә, тик бу һәрберсе дә шулай булган дигән сүз түгел, әмма күпчелегендә бу хәл күренә. Шулай булса да, татарлар традиция буларак моннан баш тартмаганнар.

Ризаэддин Фәхреддин тормышындагы башка вакыйгаларны да метрикада теркәлгән рәвештә сурәтли. Мисал өчен, Минзәлә өязе Чубытлы авылында ахун Габденнасыйр Төхвэтулла улынын кызы Нуржэмал абыстай белән никахлашу вакыйгасы Чубытлы авылы метрикасына 10 июньдэ 5 сан астында язылган (Фэхреддин 1999: 31). Ул улларының кайсы авыл метрика кенәгәсенә, нинди көнне, кайсы сан белән язылганын тәржемәи хәлендә бик тәфсилле итеп күрсәтә, чөнки биоблиографик хезмэтлэр авторы һәр фактның, ул кечкенә генә булса да, зур әһәмияткә ия булуын, фактны табу өчен күп чыганак тикшерергә туры килгәнен бик яхшы аңлый. Төрле жирдә эшләгән-яшәгән Ризаэддин Фәхреддин гаиләсенен тарихы өчен бу гаять мөһим нәрсә, чөнки бала кайда туа, шул мәхәллә метрикасына язылган: Габрахман Кичүчатта, Габделәхәд Илбәктә, Габдерәшид Чубытлы авылында, Зәйнәп, Сәгыйдь, Хәсән Уфа шәһәрендә теркәлгәннәр. Габдрахманны Нуржәмал абыстай үз туган авылы Чубытлыда тудыра, эмма ул 1887 елда Кичучат авылы метрикасына теркәлгәнлеге хакында яза Риза казый. Ул моның ник болай эшләнүен аңлата да:

«... беркадәр игътибарсызлык белән атабыз Кичүчат авылының 114 номерлы метрикәсенә 2 нче номер белән 15 гыйнвар тарихы илә язган. Бу исә вакытында метрикәгә язмыйча, һәр төрле кәгазьләрдә булган эшләрне ел ахырында күчереп, метрикәгә язу жәһәтеннән килеп чыккан», (Фәхреддин 1999: 31–32) ди.

Әлбәттә, имамнарның, муллаларның метриканы ел дәвамында тутырып бармыйча, аерым кәгазьләргә язып барган язмаларын жыеп ел ахырында гына метрика тутыру очраклары еш булган. Р. Фәхреддин әтисенең бу эшен шулай аңлатса да, моңа бераз киңрәк карарга кирәк. Татар кешесе ниндидер сәбәпләр аркасында башка авылларда, шәһәрдә яшәсә дә, баласын үз туган авылына, ягъни үзе теркәлгән авыл мәхәлләсе метрика кенәгәсенә яздырган. Фәхреддин хәзрәтнең беренче оныгын үз авылы мәхәллә документына язуы табигый, хәтта дөрес тә. Кешенең үз туган жире белән арасы ераклашу, авылыннан күп еллар аерылып башка жирдә яшәгән очракта, баласын үзе яшәгән мәхәллә метрикасына яздыру да табигый хәл итеп кабул ителгән.

Сәлахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөним тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре

Р. Фэхреддиннен тәржемәи хәлендә метрика белән бәйле бұлған тагын бер фактны аерым карап киту кирэк, чөнки бу хэл хэзерге вакытта кайбер урынсыз бәхәсләргә, ялгышлыкларга да китерә башлады. Ризаэддин Фэхреддиннен Кичучат метрикасында тууын теркэгэн документта аның әтисе башкорт Фәхреддин дип язылган (ГА РТ 17 кгз). Диния нэзарэтенен метрика язу тэртиплэре, анын кагыйдэлэре турында анын матбугат чарасы «Мәгълуматы мәхкәмәи шәргыяи-Оренбургия» журналы аша бу хакта имамнарга да, жэмэгатьчелеккэ дэ житкерелэ. Диния нэзарэте баланың исеме янында аның этисенең социаль катлавын түбэндәге очракларда гына күрсәтүне таләп итә: я ул мещан, я дворян, я почетный гражданин булса гына (Имамлык вә метрика 1916: 16–21), ләкин метрика язмаларыннан күренгәнчә, муллалар башка катлауларны да теркәп барганнар, гэрчэ бу мэжбури булмаса да. Мэсэлэн, крестьян яисэ зирагатьче, имам, старшина, мөэззин, башкорт, типтэр h.б. очрый. Югарыда әйткәннәрдән аңлашылганча, метрика язмаларына муллалар тарафыннан кешенен бары тик шөгыле, катламы язылган, метрика язмаларында беркайчан да миллэт дигэн нэрсэ язылмаган, бу чор өчен миллэт дигэн төшенчә кулланылмаган да. Нәсел чыгышы белән Зөя өязе Шырдан авылыннан (хэзерге Яшел Үзэн районы Олы Шырдан авылы) булган бабасы Юлдаш бине Ишкәй Кичү елгасы буена килеп төпләнеп яши башлый, авыл нигезләнә (Фәхреддин 2006: 62). XVIII гасырда булган халык исәбен алу халыкның катламы, шөгыле нигезендә барган, дәүләт өчен бу мөһим, бу салым салу белән бәйле, яшәгән кешеләрнең нинди халыкка каравы гомумән игътибарда булмый. Ризаэддин Фәхреддиннең бабалары яшэгэн як халкы «башкорт» дигэн сословиягэ карый. Элбэттэ башкорт сословиясенда булган атасы Фахреддин метрикага үз сословиясе - башкорт дип куелган. Метрикада язылган сословияне хэзерге вакытта милләт итеп күрсәтергә тырышуның бер нигезе юклыгы көн кебек ачык һәм бу бары тик тарихи белемсезлек билгесе генә. Метрикага сылтама белэн бу хакта ялгыш фикерлэр эйтү, элбэттэ метрика кенэгэлэрен комплекслы рәвештә тарихи чыганак буларак фәнни өйрәнелмәүдән килә. Аларның аерым фактларын, аерым кисәкләрен алып аерым кешеләрнең үз файдасына гына куллануы шуңа китерә дә. Метрика язмаларына мөрәжәгать итүчеләрнең, кызганычка каршы, зур күпчелеге тарихи белеме булмаган кешеләр. Алар бу документтан аерым төбәк, аерым нәселгә караган фактларны чүплэү белән генә шөгыльләнәләр. Шул тар чыганак базасы белән зур фикер әйтергә тырышу да бар, кызганыч, ул фикерләрнең күп очракта тарихи нигезе дә юк.

Метрика язмалары халыкның бер гасырлык тормыш-көнкүрешен күзалларга мөмкинлек бирәләр, аларда халыкның күпгасырлык традициясе, тел үзенчәлекләре, гореф-гадәтләре, тарихы. Алар халык өчен кадерле булган уникаль документлар, татар теленең төрле диалекталь үзенчәлекләре белән язылган бердән-бер зур чыганак базасы. Ризаэддин Фәхреддиннең бу төр чыганакларга мөрәҗәгать итүе һәм зур игътибар бирүе ул юктан гына

түгел, тарихи чыганакларга талэпчэн булган галим иң беренче булып бу чыганакларның мөмкинлегеннән файдаланган, аларны саклау шартларын булдырган, өйрәнүнең юнәлешләрен күрсәткән галим. Бай комплекслы чыганакларны һәрьяклап өйрәнү, аларны куллану фәнни проблема, ул кыска вакыт аралыгында гына хәл ителә торган да түгел. Метрика язмалары тарихчылар, телчеләр, дин белгечләре, хәтта медицина тарихы өчен дә кыйммәтле чыганак була ала. Метрика кенәгәләре аерым тикшерү объекты буларак өйрәнелүгә инде күптән мохтаж.

ЧЫГАНАКЛАР ЬӘМ МАТЕРИАЛЛАР

Имамлык вә метрика 1916 – Имамлык вә метрика язу эше // Мәгълүмате мәхкәмәи шәргыя-и Оренбургия. 1916. № 11. Б.16–21.

Фэхреддин 2006 – Фэхреддин Р. Асар 1 том. Казан: Рухият, 2006.

Фәхреддин 1999 – Фәхреддин Р. Фәнни-биографик жы
ентык. Казан: Рухият, 1999.

ТRИӘБДБ ИННБФ

Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в в конце XVIII–XIX вв. Уфа: Академия наук Республики Башкортостан, Уфимский научный центр Институт истории, языка и литературы, 1996.

Байбулатова Л.Ф. Источниковая база биоблиографического свода «Асар» Р. Фахреддина. Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2004.

Гарипова Р.Р. Ведение актов гражданского состояния – метрических книг Волго-Уральских мусульман // Мусульманские духовные лица в социальном и духовном развитии татарского народа. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 14–34.

Кутушев Р.Р. Мусульманские метрические книги в Центральном государственном архиве Республики Башкортостан // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 54–59.

Усманова Д.М. Механизм реализации норм мусульманского права в Российской империи к вопросу о метрикации мусульманского населения Волго-Уральского региона на рубеже XIX–XX вв. // Ислам и право в России: Материалы научно-практического семинара «Мусульманское право в мире и России (Северный Кавказ, Поволжье)». Вып. II / Сост. и ред. И.Л. Бабич, Л.Т. Соловьева. М.: РУДН, 2004. С. 40–53.

Автор турында белешмэ: Сэлахова Эльмира Кадим кызы – тарих фэннэре кандидаты, Татарстан Республикасы Фэннэр академиясе Ш. Мэржани исемендәге Тарих институтының ТР халыкларының тарихи-мәдәни мирасы бүлегенең өлкән фэнни хезмәткәре (420111, Батурин ур., 7А, Казан, Россия Федерациясе); ilsalah@mail.ru

Сәлахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөним тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре

Редакциягә керде 21.04.2020

Басылуга кабул ителде 02.11.2020 Басылды 25.11.2020

METRICAL BOOKS AS ONE THE MOST CRITICAL IMPORTANT HISTORICAL SOURCE IN THE SCHOLARLY RESEARCH OF RIZAEDDIN FAKHREDDIN

E.K. Salakhova

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation ilsalah@mail.ru

Metric books are one of the essential sets of sources that provide valuable material for historical research. Unfortunately, metric books' level of use and involvement as historical sources in scientific and scholarly works is still mediocre. At the beginning of the XX century, Rizaeddin Fakhreddin paid attention to those primary sources: he actively referenced them in his scientific research and contributed to their preservation. Thanks to Qadi, the mufti of the USSR Rizaeddin Fakhreddin, the extensive collections of Muslim metric books were preserved.

The key sources for his famous works as «Famous Men», «Famous Women», «Asar» were metrical books. It is worth highlighting the bibliographic work, «Asar» There Fakhreddin restored the biography, exact dates of birth and death, and lineage of prominent people, theologians, and imams based on the materials from metrical books.

This article aims to demonstrate the role and importance of metric books in the scientific research of Fakhreddin. This article set several tasks, namely: to analyze material the metric books as sources of historical research, demonstrate the degree of usage of metric books by Fakhreddin in his works, and to evaluate the possibilities of studying these documents in the disclosure of several scholarly topics. For the first time in this publication, the scientific legacy of Fakhreddin is studied from that perspective. The author also draws attention to the fact that the biography of R. Fakhreddin, written by his hand, contains many extracts from the metrical books of his family members and close relatives.

It worth mentioning that the author in his article draws attention to such discussions, which have recently become quite relevant, for example, the question of whether a person registered in the metric books belongs to a particular nationality. As the article will demonstrate below, a person's social affiliation in metric books cannot be interpreted as his nationality. According to the rules of registration of metric books, there was no indication specifying a person's nationality; besides, a person's nationality did not have any significance.

Fakhreddin's reverential attitude and appeal to metric books emphasize their essential place in Tatar-written sources' complex. The scientific study of a voluminous complex of metric books as valuable historical sources should be an important research area in historical science.

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, metric books, Tatar historical sources, Spiritual Assembly of Muslims, Tatar scientists, history of the Tatar people, early 20 century

For citation: Salakhova E.K. Rizaeddin Fäkhreddinneñ fänni-tiksherenü eshlärendä möhim tarikhi chyganak bularak metrika kenägäläre [Metrical Books as one the Most Critical Important Historical Source in the Scholarly Research of Rizaeddin Fakhreddin]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 318–330. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.318-330

REFERENCES

Azamatov D.D. *Orenburgskoye magometanskoye dukhovnoye sobraniye v kontse XVIII–XIX vv.* [Orenburg Mohammedan Religious Assembly at the end of the 18th–19th centuries]. Ufa: the Republic of Bashkortostan Academy of Sciences Ufa Research Center of the Institute of History, Language and Literature, 1996. (In Russian)

Baybulatova L.F. *Istochnikovaya baza biobibliograficheskogo svoda «Asar»* R. Fakhreddina. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The Source Base of the Biobliographic Arch «Asar» by R. Fakhreddin. Abstract of Cand. Sc. History Diss.]. Kazan, 2004. (In Russian)

Garipova R.R. Vedeniye aktov grazhdanskogo sostoyaniya – metricheskikh knig Volgo-Uralskikh musul'man [Maintaining Civil Status Records – Metrical Books of the Volga-Ural Muslims], *Musul'manskiye dukhovnyye litsa v sotsial'nom i dukhovnom razvitii tatarskogo naroda*. Kazan, Sh. Marjani Institute of History, RT Academy of Sciences, 2014, pp. 14–34. (In Russian)

Kutushev R.R. Musulmanskiye metricheskiye knigi v Tsentral'nom gosudarstvennom arkhive Respubliki Bashkortostan [Muslim Parish Metric Books in the Central State Archive of the Republic of Bashkortostan.]. *Otechestvennyye arkhivy*, 2012, no. 4, pp. 54–59. (In Russian)

Usmanova D.M. Mekhanizm realizatsii norm musul'manskogo prava v Rossiyskoy imperii k voprosu o metrikatsii musul'manskogo naseleniya Volgo-Ural'skogo regiona na rubezhe XIX–XX vv. [The Mechanism of Realisation of Islamic Law Statutes in the Russian Empire on the Issue of the Muslim Population Metrical Registration of the Volga-Ural Region in the 19th–20th centuries]. *Islam i pravo v mire i Rossii: Materialy nauchno-prakticheskogo seminara «Musulmanskoye pravo v mire i Rossii (Severnyy Kavkaz, Povolzh'e)»*. Moscow: RUDN Publ., 2004, issue 2, pp. 40–53. (In Russian)

About the author: Elmira K. Salakhova is a Cand. Sc. (History), Senior Research Fellow of the Department of History and Cultural Heritage of the Peoples of Tatarstan, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); ilsalah@mail.ru

Received April 21, 2020 Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА

Э.К. Салахова

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация ilsalah@mail.ru

Метрические книги — один из важнейших источников, содержащих ценный материал для исторических исследований. К сожалению, до настоящего времени уровень разработанности метрических книг как исторических источников оставляет желать лучшего. В начале XX века к метрическим книгам обращался Ризаэддин Фахреддин, который не только активно использовал их в научных исследованиях, но также участвовал в их сохранении. Если на сегодняшний день сохранились большие фонды мусульманских метрических книг, это, безусловно, заслуга кадия, муфтия СССР Ризаэддина Фахреддина.

Основными источниками информации для известных его трудов «Знаменитые мужчины», «Знаменитые женщины», «Асар» стали метрические книги. Стоит особо выделить биобиблиографический труд «Асар», где на основе материалов метрических книг Фахреддин сумел восстановить биографию, точные даты рождения и смерти и родословную видных людей, ученых и имамов.

В данной статье предлагается проанализировать роль метрических книг в научных исследованиях Фахреддина. Для достижения поставленной цели ставится несколько задач, а именно: дается аналитический материал о метрических книгах как об источниках научных исследований, рассматривается степень использования метрических книг ученым-исследователем Фахреддином в своих работах, а также говорится об источниковедческих возможностях этих документов в раскрытии целого ряда научных тем. В представленной публикации научное наследие Фахреддина впервые изучается в таком ракурсе. Автор обращает внимание на автобиографию Фахреддина, в которой содержится много выписок из метрических книг членов его семьи и близких родственников.

Следует также отметить, что метрические книги служат источником информации о национальной принадлежности человека; эта тема сегодня активно обсуждается и не теряет своей актуальности. По мнению автора статьи, указанная в метрических книгах социальная принадлежность человека не может расцениваться как информация о его национальности. Автор убежден, что, по правилам оформления метрических книг, не было предусмотрено указание в них национальности человека; кроме того, в данных документах национальность не имела никакого значения.

Фахреддин – ученый-источниковед, чье трепетное отношение к метрическим книгам подчеркивает их важное место в комплексе татарских письменных источников. Научное изучение объемного комплекса метрических книг как ценных исторических источников должно быть важным научно-исследовательским направлением в исторической науке.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, метрические книги, татарские исторические источники, архивные документы, Духовное собрание мусульман, татарские ученые, история татар, начало XX века

Для цитирования: Салахова Э.К. Ризаэддин Фәхреддиннең фәнни-тикшеренү эшләрендә мөһим тарихи чыганак буларак метрика кенәгәләре // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 318–330. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.318-330

Сведения об авторе: Салахова Эльмира Кадимовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш.Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ilsalah@mail.ru

Поступила 21.04.2020 Принята к публикации 02.11.2020 Опубликована 25.11.2020

Документы

УДК 930.2

КОЛЛЕКЦИЯ ЛИЧНЫХ ВЕЩЕЙ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН¹

Р.А. Абзалина

Национальный музей Республики Татарстан Казань, Российская Федерация abzalinaramziya@yandex.ru

Публикация посвящена 160-летию со дня рождения Ризаэддина Фахреддина — известного татарского просветителя, общественного деятеля, издателя, историка и педагога. В статье освещается история приобретения личных вещей Фахреддина Национальным музеем Республики Татарстан.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, Национальный музей Республики Татарстан, личные вещи

Для цитирования: Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 331–344. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.331-344

В музейных коллекциях историческая память о человеке возрождается по предметному миру. Предметы, имена владельцев которых забыты, считаются типологиями, а предметы, принадлежащие определенным личностям, называются — мемориальными. Причастность тех или иных предметов к определенной личности не всегда однозначна. Многие мемориальные предметы, пришедшие в музей через родственников и потомков, могут определяться как «семейные», ими пользовалась и владела вся семья известной личности.

В Национальном музее Республики Татарстан хранится коллекция мемориальных вещей известного татарского просветителя, ученого-историка, педагога, общественного деятеля, издателя — Ризаэддина Фахреддина (1859—1936). В музей они поступили от Арслана Галимзяновича Шара-

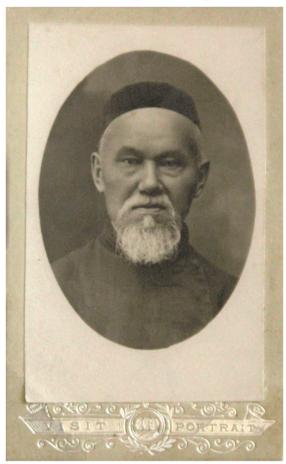
¹ Автор благодарит за помощь в подготовке статьи Муртазину Л.Р.

фа – внука Фахреддина, сына общественного и политического деятеля, языковеда и журналиста Галимзяна Шарафа (1896–1950) и дочери Фахреддина – Асьмы (1906–1993) в 1990-е годы, времени возрождения просветительских ценностей татарского народа. К этому времени Арслан Шараф жил один в доме № 10 по улице Кирова, в своей квартире рядом с Сеннобазарной мечетью, которая сейчас называется «Нурулла». В квартире, кроме аккуратно сложенных стопок современных газет ничего из старых вещей в глаза не бросалось. Все было убрано в шкафы. Вещи он приносил сам, сложив их в тряпичную авоську. В музее он видел, как хранятся вещи Шигабуддина Марджани, глобус Каюма Насыри и другие мемории деятелей татарской культуры. К этому времени издательством «Рухият» был опубликован сборник с биографией его деда Ризаэддина Фахреддина. В этом сборнике были опубликованы многие фотографии, приобретенные музеем в свою коллекцию. Значительная часть этих фотографий хранится так же в архиве Мемориального музея в Кичучатово в Альметьевском районе Республики Татарстан.

Уникальным в коллекции является Коран Фахреддина, напечатанный в Казани в 1909 г. издателями Каримовыми на их собственные средства и проверенный в 1910 г. внуком Фахреддина и сыном 'Абдуллы — Сафиуллой. На форзаце Корана имеется надпись черными и синими чернилами, сделанная рукой Фахреддина «Аять саннары хакында "эл-Манар" журналы жус 348, "Шура" — жус 517. Бу нөсхэдэге аять саннары Казанда басылган Корьэннэн күчерелде. Корьэн хисабына керде бөтен аятьлэр 6222 дер» («О количестве аятов в журнале "эл-Манар" — 348 номер, "Шура" — 517-й номер. Количество аятов данного экземпляра перенесено из Корана, изданного в Казани (год не указан. — Р.А.)»). С четвертой страницы начинается нумерация аятов, с 6-го аята суры «Бакара», сделанная красными чернилами рукой Фахреддина. Номера поставлены на конец аята. На 4-й странице синими чернилами обозначены номера аятов построчно, вероятно вначале планировалось отмечать их таким образом.

Из книг, по преданию переданных в музей как принадлежавшие Фахреддину, интересен «Хафтияк» — сборник часто читаемых сур из Корана в виде блокнота размером 12,5 х 9 см в небольшом конверте «мини-букча», сшитом из среднеазиатской ткани «бикасап». Он состоит из 136 страниц, переплет из коленкора, обложка из картона, обтянутого мраморной бумагой. На титульном листе название сборника обозначено как «Хэзэ собга гашер сур мин мосхаф эл мэжид» (семнадцать сур из Корана) и все они перечислены: эл-Каһф, эл-Саджда, Ясин, эл-Фатх, эл-Рахман, эл-Вакыйга, эл-Хадид, эл-Хашр, эл-Жумга, Тэбэрэк, эл-Нух, эл-Мөзэммил, эл-Дэһир, эл-Нэбә, эл-Ихлас, эл-Фэләкъ, эн-Нәс. На последней странице перечислены имена издателей этой литографии: «Хаджи шейх 'Абделвахаб ал-Хинди, Мухаммед Гали Кашмири в 1295/1878 г.». На форзаце книги едва видны имена: Сафия, Әсма (Асьма), 'Абделкарим.

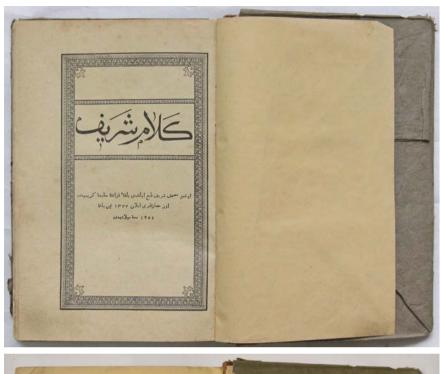
Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

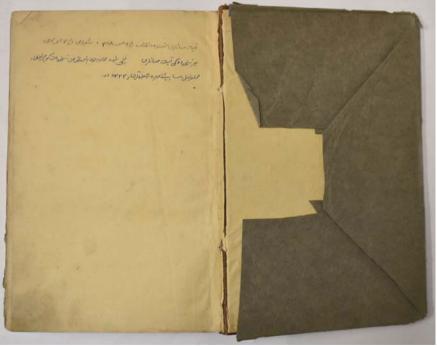

Фотопортрет Р. Фахреддина (№ 24867-37). 29 апреля 1924 г.

Тарелка под визитки (№ 24867-15). Конец XIX – начало XX в. Организация-изготовитель «В. Henneberg»

Книга «Кәлам Шәриф» ($\mathbb{N}$ 25095-1). 1909 г. Типография «Бертуган Каримовлар типографиясе»

Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

Книга в футляре «17 сур из Корана» (№25095-2). Начало XX в.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

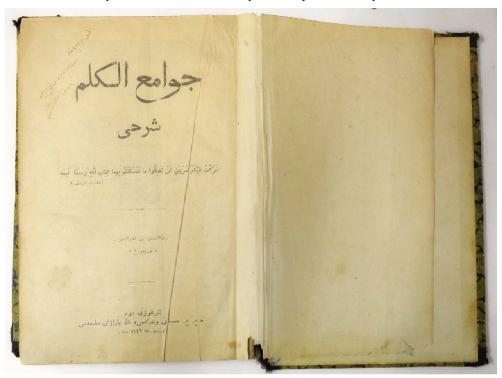

Альбом, подаренный Р. Фахреддину в Орске, с его записями и автографом (№ 24867-14). 1908 г.

Четки из сердолика, принадлежавшие Р. Фахреддину (№ 25095-4). Начало XX в.

Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

Книга «Жәвамигыль-кәлам» (№ 25095-3). 1916 г. Место издания – Оренбург

Четки, принадлежавшие Р. Фахреддину (№ 25095-5). Начало XX в.

Сахарница с крышкой (№ 24867-8). Конец XIX – начало XX в. Организация-изготовитель – «Завод братьев Корниловых»

Подставка под яйцо (№ 24867-12). Начало XX в. Фабрика «Товарищества Д.Ф. Кузнецова»

Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

Кольцо обручальное (№ 24867-30). Конец XIX – начало XX в. Принадлежало Нурджамал абыстай, супруге Р. Фахреддина

Нурджамал абыстай, супруга Р. Фахреддина. Уфа, 1925 г.

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

Кольцо обручальное (№ 24687-31). 1923 г. Принадлежало Асьме Шараф, дочери Р. Фахреддина

Супруги Асьма и Галимзян Шарафы. 1936 г.

Асьма Шараф с сыном Арсланом. 1980-е гг.

Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

Арслан Шараф сохранил книгу «Жәвамиг әл-кәлим шәрхе» («Тол-кование хадисов»), научное издание труда деда, выпущенного в Оренбурге в издательстве Хусаиновых в 1916 г.

На титульном листе стоит дарственная надпись, сделанная Фахреддином: «Кызым Әсмага. Ризаэддин Фэхреддин. 9 май, 1916». В послесловии автор отметил, что труд закончил 6 раби ахир 1334 г. (9 февраля 1916 г.) в доме Мухаммад Шакира Рамиева и его наследников на улице Бобровского в Оренбурге.

Из предметов имеются четки Фахреддины, которые его дочь Асьма в 1930-е годы носила как бусы. Она их распустила, затем собрала так, что разделители были вместе и четки стали похожи на ожерелье. Янтарные четки состоят из 100 бусинок, в стеклянных четках сохранилось только 50.

В коллекции личных вещей хранится альбом для фотографий. В конце альбома надпись, сделанная Фахреддином: «1908 ел. 19 нчы майда Орский шэһэрендә булган яшьләр бән фәкыйрь хөрмәтенә буларак бер мәжлес тәртип итеп гарыз-холус әмәс илә бәрабәр ошбу альбомны һәдия вә ядкарь буларак бирделәр. Мәктүпләренә имза идеге затлар бонлардыр:

Миңлебай Жәгъфәр улы

Мөхэмэдзакир бин Мөхэммэдшакир Сэйфеддинов

Хәкимжан бин Әхмәджан Рахматуллин

Салих Тарзиев

Шакиржан Фәйзуллин

Расих Галиев

Гарифжан Мөхэммэтжанов

Габдеррахман(?)

Вэли бин Мөхэммэтсафа Мөхэммэтшин

Мөхәммәдгариф Галиәкбәров

Әхмәдгариф Мөхәммәдҗан улы Кинкиев

Гатаулла Биккулов

Мансур Маликов

Исхак(?) вә саирлар

Ризаэддин Фәхреддин

Мәктүпләре 1908 елгы мәхтүбләре арасындадыр».

Во время встречи с молодежью города Орска от имени вышеперечисленных лиц Фахреддину был преподнесен альбом для фотографий. Он очень бережно хранил свой архив и, подписывая на форзаце альбома имена дарителей, говорил, что их подарок и имена будут сохранены в делах 1908 г.

Фахреддин нередко собирал семью, чтобы запечатлеть важные события их жизни. Некоторые подписаны, например: «1912 ел 5 нче гыйнвар. Оренбургта алдырган рәсем. Иртәсе Габделәхәт абый Вяткага, Габдерәшит абый Казанга укырга китәләр» («5 января 1912 год. Снялись в Оренбурге. Следующим утром уезжают на учебу: 'Абдулахад абый – в Вятку, 'Абдра-

шид абый — в Казань»). На другой фотографии подпись: «1902 сэнэдэ 28 сентябрьдэ алдырмыш бөтен гаилэбез Габдрахман Казанга, Габделэхэт илэ Габдерэшитне Оренбургка укырга фэхре жибэрдегебез вакыт алдырдык Уфа, Ризаэддин» («28 сентября 1902 год. Фотографировались всей семьей перед отправкой на учебу 'Абдрахмана в Казань, 'Абдулахада и 'Абдрашида в Оренбург. Ризаэддин Фахреддин. Уфа»).

Альбом с фотографиями служит хорошей иллюстрацией лояльного и даже положительного отношения Фахреддина к фотографии, ее допустимости для мусульман. В ответ на вопрос, можно ли фотографироваться мусульманам? — Фахреддин отвечал: «Можно. Для сохранения памяти, но хранить их нужно в альбомах».

На фотографиях запечатлена мужская, женская и детская мусульманская одежда начала XX в. Ярко прослеживается тенденция единообразия в мусульманском костюме: крой и фасон одинаков для всех возрастов, нет разделения на детскую и взрослую одежду. На голове у мужчин бархатная тюбетейка, чаще черная, стеганная, с просунутой суровой ниткой и с мягкой хлопчатобумажной подкладкой, которая простегивалась вместе с бархатным верхом. Благодаря этому она получалась одновременно упругой и мягкой, удобной для ношения под шапкой. По смыслу слово «тюбетейка», «каляпуш», «каляп(ф)ак» означают «кровля головы»².

По фотографиям видно, что Фахреддин со всей семьей носили одежду, застегивая ее с правой на левую сторону, по-мусульмански. На фотографии 1926 г. Фахреддин написал (24867/38) «Әткәгезнең (?) йөргән [вакыттагы] рәсеме» («Фото, когда ваш отец ходил»).

На фотографии 1926 г., где Фахреддин, сидя за столом пишет, он одет в в полосатую рубашку, безрукавку, низкую бархатную тюбетейку. Адрес на обратной стороне фотографии подписан: «Уфа. Тукаевское 50/1. 29/IV—1926. Фото — Рашид абый». На портрете (24867—37) от 1926 г. Ризаэддин Фахреддин с усами и короткой, длиной с лодонь, бородой. Имеется дарственная надпись «Кызым Әсмага ядкарем. Ризаэддин бин Фахреддин 1926 ел 29 апрель. Уфа» («На память дочери Асьме. Ризаэддин Фахреддин. 29 апреля 1926 г. Уфа»).

Арслан Шараф сохранил фамильную посуду: сахарницу, подставку под яйцо всмятку, суповые тарелки.

Благодаря особому отношению татар к посуде, в наличие имеются разные виды посуды, украшенные разнообразными цветочными орнаментами: из стекла, фарфора, глины, дерева. На белом фоне свободно размещались блекло окрашеные цветы, производившие впечатление проз-

 $^{^2}$ Есть такое изречение Пророка (с.а.в.), переданное от Айши «Ангелы видят дома, где читается Коран, так же как люди видят звезды на небе». И мы полагаем, что люди просвещенные, читающие Коран, лучезарны изнутри сами по себе и нет необходимости украшать головные уборы светящимися узорами из золотых и серебряных нитей — вышивкой.

Абзалина Р.А. Коллекция личных вещей Ризаэддина Фахреддина в фондах Национального музея Республики Татарстан

рачной посуды. На фарфоровых фабриках России (Кузнецова, Гарднера и др.) татары заказывали посуду по собственным эскизам, иногда на них даже стояло клеймо «Кузнецов», написанное арабскими буквами. Посуда, имеющаяся в музее собиралась по семьям татарских просветителей.

Самыми интересными экспонатами в этнологическом плане являются золотые кольца Нурджамал абыстай – жены Фахреддина и Асьмы Шараф – его дочери, жены Галимзяна Шарафа. Может создаться впечатление, что они могли быть парными обручальными кольцами. Однако следует уточнить, что, учитывая существующий в исламе запрет на ношение мужчинами золотых украшений, несомненно оба кольца принадлежат женщинам. Неотьемлемой частью бракосочетания (никах) является подарок женщине от мужа в виде денег или украшений – это могли быть золотые кольца. По преданию Арслана Шарафа, одно кольцо принадлежало бабушке – Нурджамал абыстай. Второе – маме Асьме. На внутренней части кольца выгравированы буквы «Г.Ш.»³. На фотографии (В-20264-46) кольцо Нурджамал абыстай на левом безымянном пальце.

Ризаэддин Фахреддин большое внимание в воспитании уделял сохранению семейных ценностей у татар. Известно, что он написал книги «Тәрбияле хатын» («Воспитанная жена»), «Тәрбияле ата» («Воспитанный отец»), «Тәрбияле бала» («Воспитанный ребенок») в 1898 г. И коллекция личных вещей, сохраненная потомками до наших дней – тому подтверждение. Внук Фахреддина Арслан Шараф сохранил и передал личные вещи деда как память в наследство всей татарской общине.

В годы атеистического невежества с 1920-х до 1990-х годов книги Фахреддина не изымались и оставались источником для проповедей в неофициальных мечетях Советского Союза. Их переписывали от руки в ученические тетради — такие тетради сохранились среди книг Ахмадзаки хазрата Сафиуллина — имама-хатыба единственной не закрывавшейся в Казани в советское время мечети. Они написаны на доступном для простых людей языке.

Сведения об авторе: Абзалина Рамзия Асраровна – старший научный сотрудник Национального музея Республики Татарстан (420111, ул. Кремлевская, 2, Казань, Российская Федерация); abzalinaramziya@yandex.ru

Поступила 27.06.2020 Принята к публикации 05.11.2020 Опубликована 25.11.2020

 $^{^3}$ Вероятно, существовал обычай именных колец, как об этом поется в татарских песнях: «Кулымдагы балдагымның исемнәре» («На пальце у меня колечко с именем»)

COLLECTION OF PERSONAL BELONGINGS OF RIZAEDDIN FAKHREDDIN IN FUNDS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

R.A. Abzalina

National Museum of the Republic of Tatarstan Kazan, Russian Federation abzalinaramziya@yandex.ru

This article is dedicated to the 160th anniversary of Rizaeddin Fakhreddin, a famous Tatar enlightener, public figure, publisher, historian, and enlightener. The article highlights the history of the acquisition of personal belongings of Fakhreddin by the National Museum of the Republic of Tatarstan.

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, National museum of the Republic of Tatarstan, personal items

For citation: Abzalina R.A. Kollektsiya lichnykh veshchey Rizaeddina Fakhreddina v fondakh Natsional'nogo muzeya Respubliki Tatarstan [Collection of Personal Belongings of Rizaeddin Fakhreddin in Funds of the National Museum of the Republic of Tatarstan]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 331–344. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.331-344

About the author: Ramziya A. Abzalina is a Senior Research Fellow at the the National Museum of the Republic of Tatarstan (2 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russian Federation); abzalinaramziya@yandex.ru

Received June 27, 2020

Accepted for publication November 02, 2020 Published November 25, 2020

Хроника научной жизни

УДК 94(47)(049.32)

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РИЗАЭДДИНА ФАХРЕДДИНА, ИЗДАННЫЕ В 2018–2020 ГГ.

Д.З. Марданова

Институт истории им. III. Марджани Академии наук Республики Татарстан Казань, Российская Федерация dinara.mardanova@gmail.com

В статье дается краткий обзор произведений Ризаэддина Фахреддина, изданных в 2018–2020 гг. Среди них – «Мухаммад, салляллаху галейхи ва саллям», Рихлат ал-Марджани («Путешествие Марджани»), серия «Мэшһүр ирләр» («Знаменитые мужи»): «Ибн Араби» и «Ибн Таймийя», «Көтебе ситт вә мөэллифләре» («Кутуб ас-ситта и их составители»), «Риза казый фәтваләре» («Фетвы Ризыкадия»), «Гакыйдә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. Тәрбияле бала» («Вероубеждение. Воспитанная мать. Воспитанная жена. Воспитанный ребенок») и др.

Ключевые слова: Ризаэддин Фахреддин, наследие, переводы

Для цитирования: Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахреддина, изданные в 2018–2020 гг. // Историческая этнология. 2020. Т. 5, № 2. С. 345–354. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.345-354

Сегодня активно ведется работа по возвращению наследия многих выдающихся деятелей татарского народа. Имя Ризаэддина Фахреддина является одним из символов татарского реформаторства рубежа XIX – начала XX вв., давшего миру целую плеяду блестящих мыслителей и мощный импульс для развития татарской национальной культуры. В историю татарской общественной мысли Фахреддин вошел как религиозный и общественный деятель, ученый-энциклопедист, издатель, педагог, писатель, историк, пропагандист научных знаний и истории. Фахреддин своим творческим наследием внес огромный вклад в развитие мусульманской культуры России, его труды востребованы сегодня религиозными деятелями, учеными, педагогами. Они являются ценнейшим источником по истории и культуре народов России и Востока. Особенную ценность они

представляют для татарского народа, добавляя структурные элементы в его историю, а также для всего мусульманского населения нашей страны. Поэтому важное место в современной жизни мусульманского общества занимают изучение и популяризация работ ученого.

В январе 2019 г. исполнилось 160 лет со дня рождения Ризаэддина Фахреддина, что усилило огромный интерес исследователей к его богатейшему творческому наследию. За 2018–2020 гг. было опубликовано большое количество произведений ученого, а многие ожидают своей публикации в скором времени. В этой обзорной статье я хотела остановиться на переводах работ Фахреддина на русский и татарский языки, выпущенных за 2018–2020 гг.

«Риза казый фәтваләре» («Фетвы Ризы-кадия»)

Книга представляет собой сборник религиозных постановлений Фахреддина, опубликованных в журнале «Шура», где он был главным редактором. В содержании журнала Фахреддин выделил специальный раздел «Переписка и общение», в котором отвечал на различные вопросы читателей. Благодаря этому «Шура» стала не просто информационным источником, но также местом общения верующих. На обложке журнала даже имелась соответствующая «приглашающая» надпись: «В нем будут вопросы, ответы и всевозможные письма». Читатели откликнулись на данную инициативу Фахреддина и стали присылать в редакцию «Шуры» письма. Нередко читатели, зная о прошлом пятнадцатилетнем опыте работы Фахреддина в качестве шариатского судьи - кади, направляли ему вопросы религиозного и правового характера, ожидая получить фетву. Первоначально он возражал, пытаясь объяснить публике, что больше не является кади и потому «не имеет права издавать фетвы», однако люди продолжали писать, и в конце концов Фахреддин «сдался» и начал отвечать на актуальные религиозные вопросы, но с такой оговоркой: «Это не мои фетвы, а мое личное мнение». Письма с вопросами присылались из разных уголков страны. Фахреддин старался давать полные и взвешенные ответы. За время выхода журнала «Шура» было задано около пятисот вопросов, на которые Фахреддином были даны ответы в рубрике «Мирасала и Мухабира». В 2019 г. исследователь Айдар Гайнетдинов выбрал семьдесят наиболее актуальных в настоящее время «фетв»-ответов Фахреддина и собрал их в сборнике «Риза казый фэтвалэре» («Фетвы Ризы-кадия»). Автор перевел ответы со старотатарского языка (на основе арабицы) на современный литературный татарский язык (на основе кириллицы). Встречающиеся в текстах предложения на арабском языке также были переведены на татарский. Составителем сборника и переводчиком были выбраны следующие темы – религиозные школы, посещение могилы пророка Мухаммада, лотерея, Коран, мечеть ал-Акса, разговорный язык, одежда, фотография,

Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахреддина, изланные в 2018–2020 гг.

граммофон, курение, употребление чая, о следовании Корану и хадисам, никах, развод, зияраты, намаз и многие другие (Фэтваләре 2019).

«Көтебе ситтә вә мөәллифләре» («Кутуб ас-ситта и их составители»)

Книга Фахреддина «Көтебе ситт» вә мөәллифләре» опубликована на старотатарском языке в 1910 г. в Оренбурге в издательстве «Вакыт». В книге объясняется терминология хадисов, определяются типы и особенности хадисов, история хадисоведения как науки, связь хадисоведения и российских мусульман, приводятся краткие биографии авторитетных хадисоведов, а также известных составителей сборников хадисов и характеристика основных сводов преданий. Наряду с названием «Кутуб ас-ситта» также используется название «ас-Сихах ас-ситта», то есть «Достоверная шестерка». Оригинальное сочинение «Кутуб ас-ситта» включает в себя авторитетные суннитские сборники хадисов, собранных мусульманскими богословами примерно через двести лет после смерти пророка Мухаммеда. Среди них — Сахих ал-Бухари, Сахих Муслима, Сунан ан-Насаи, Сунан Абу Дауда, Сунан ат-Тирмизи, Сунан ибн Маджа.

В 2019 г. вышло сразу два перевода книги Фахреддина «Көтебе ситто во мооллифлоре». Один из них — перевод на современный татарский язык, подготовленный Айдаром Гайнутдиновым, под названием «Көтебе ситто во мооллифлоре» («Шесть сборников хадисов и их составители»). Данный перевод включает вводное слово переводчика, 20 разделов самого сочинения и заключение. В татарском переводе отсутствует имеющийся в оригинале «список имен», встречающихся в тексте. Автор вводного слова обращает внимание на актуальность этой книги для студентов медресе; известно, что сам Фахреддин писал это сочинение в качестве учебника и, более того, даже разослал его ученикам медресе Хусаиния в Оренбурге. Встречающиеся в книге предложения на арабском языке переведены на татарский язык, а для неоднозначных слов и терминов даются краткие пояснения в скобках (Котебе 2019).

Что касается второго перевода данной книги Фахреддина, то его подготовил Рустам Гатин, переведя это сочинение на русский язык и опубликовав под названием «Кутуб ас-ситта и их составители» (Кутуб 2019).

Серия «Мәшһүр ирләр» («Знаменитые мужи»)

Перу Фахреддина принадлежит целая серия биографических работ о выдающихся мусульманских личностях, притом не только о мужчинах, но и о женщинах. Это и «Мәшһүр ирләр» («Знаменитые мужи»), «Мәшһүр ха-тыннар» («Знаменитые женщины»), «Болгар вә Казан төрекләре» («Булгарские и казанские тюрки», рукопись), и важнейшее многотомное историкобиблиографическое сочинение «Асар», посвященное жизни и творчеству

ученых, деятелей культуры народов Востока, над которым он работал в течение нескольких десятилетий. По его мнению, «несчастлив тот народ, у которого нет писателей и ученых, народ, забывший своих знаменитых людей, не сохранит себя для истории...» (Байбулатова 2006: 69–71).

Долгое время внимание исследователей было обращено на работу «Асар», однако не так давно их заинтересовали также другие сочинения Фахреддина. За последние три года, начиная с 2018 г., благодаря уже упомянутому переводчику и исследователю трудов Фахреддина Рустаму Гатину была переведена на русский язык вся серия «Мәшһүр ирләр», включающая: 1-й том — «Ибн Рушд», 2-й — «Абу ал-Ала ал-Маарри», 3-й — «Имам Газали», 4-й — «Ибн Араби» и 5-й — «Ибн Таймийя». На сегодняшний день уже изданы «Ибн Рушд», «Ибн Араби» и «Ибн Таймийя», и готовятся к печати «Имам Газали» и «Абу ал-Ала ал-Маарри».

Книга о «знаменитом муже Ибн Рушде» впервые была опубликована в г. Оренбурге в 1905 г. Сочинение начинается с биографии (семья, юность, воспитание), за которой следует информация о друзьях, наставниках и учениках Ибн Рушда, его преподавательской деятельности. В книгу включены также материалы по философским и религиозным воззрениям «знаменитого мужа», критике в его адрес и обвинениям в неверии, злоключениям и другим темам (Рушд 2020).

Том «Ибн Араби» опубликован в 1912 г. в Оренбурге в издательстве «Вакыт». В книге наряду с достаточно подробной биографией (родословная, семья), описанием внешнего вида и даже почерка Ибн Араби Фахреддин приводит также информацию о его учителях, учениках и друзьях. Он включает в книгу стихи, мудрые изречения и наставления Ибн Араби, описывает его философские воззрения, вероубеждение и мазхаб, суждения по различным вопросам в области права и калама, отношение к Ибн Араби со стороны российских мусульман и другие темы (Араби 2019). Это не единственный перевод этого сочинения на русский язык, в 2004 г. в издательстве «Иман» вышел перевод на русский язык Р.К. Адыгамова (Араби 2004).

Завершает серию «Машһұр ирләр» том «Ибн Таймийя», опубликованный в 1911 г., как и многие работы Фахреддина, в Оренбурге в издательстве «Вакыт». Структурно и тематически произведение во многом повторяет вышеупомянутые сочинения. В нем также приводится биография, информация об учителях и учениках, богословские и правовые воззрения ученого. Фахреддин останавливается на богословских проблемах, затронутых Таймийей; на критических замечаниях оппонентов и его сторонников; отношении к Таймийе в среде российских мусульман и других темах (Таймийя 2018). Перевод этого сочинения вызвал много вопросов и дискуссий в общественном пространстве и мало кого из специалистов оставил равнодушным. Как неоднократно отмечала в своих выступлениях

Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахреддина, изланные в 2018–2020 гг.

специалист по творчеству Ибн Таймийи Анна Маточкина, которая, ко всему прочему, подготовила вступительное слово к данному переводу, творчество Ибн Таймийи необходимо рассматривать в контексте того времени и тех условий, в которых он жил, выносить суждение о его взглядах следует с учетом окружавшей его исторической действительности. Иной подход может привести к искажению понимания его вклада в развитие исламской правовой и богословской мысли.

Также в печати находится перевод Гатина книги Фахреддина «Куран ва таба ат» («Коран и печать»). Она посвящена истории печати Корана в России, в ней содержится большое количество документов из архива духовного управления. В 2018 г. это сочинение вместе с художественными произведениями «Сәлимә, яки Гыйффәт» и «Әсма, яки Гамәл вә жәза» было издано в переводе на современный татарский язык под названием «Коръән вә табагат» (Сәлимә 2018).

Кроме того, в печати находится другой масштабный труд Фахреддина – «Мәшһүр хатыннар» («Знаменитые женщины»), его перевела на русский язык Алсу Хасавнех.

«Рихлат ал-Марджани» («Путешествие Марджани»)

В 1880 г. Шихабуддин Марджани отправился в длительную поездку, в хадж в священные города — Мекку и Медину. Его путь пролегал через Нижний Новгород, Москву, Киев, Одессу, Стамбул, Измир, Александрию, Каир и другие города. В «восточных» городах Марджани встречался с видными мусульманскими учеными и политическими деятелями, о чем мы узнаем из его путевых заметок на старотатарском языке. В 1898 г., уже после смерти автора, Фахреддин, считавший Марджани своим учителем и наставником, отредактировал и опубликовал его дневниковые записи под названием «Рихлат ал-Марджани», или «Путешествие Марджани» в издательстве «Типо-Литография наследников М. Чирковой в Казани» на деньги учеников Марджани — братьев Мухаммаджана и Шарафжана Каримовых.

«Рихлат ал-Марджани» представляет собой дневник паломника, изданный по инициативе Фахреддина, о чем сообщается во вступительном слове: «Потратив время, мы постарались сохранить память о нашем великом ученом. В подстрочных сносках разъясняются некоторые моменты». Комментарии Фахреддина включают справочные сведения о неизвестных местах, посещенных Марджани, данные о биографиях упомянутых в дневнике людей и их произведениях.

Эта работа Фахреддина неоднократно привлекала внимание исследователей. В частности, в 1993 г. вышел перевод на современный татарский язык А. Хайри (Болгар 1993); в 2003 г. – перевод на русский язык А.Н. Юзеева (Рихлат 2003: 54–75). Несмотря на существование более ран-

них переводов, издание этой работы не потеряло своей актуальности. В 2018 г. вышел новый перевод на современный татарский язык, подготовленный Альбертом Кадыйровым, под названием «Шиһабетдин Мәржанинең хаж сәфәре» (Шиһабетдин 2018). Очевидное преимущество нового издания состоит в том, что наряду с переводом на современный татарский язык самих заметок в книгу также включено полное репринтное издание оригинала текста Фахреддина, в том числе содержащиеся в нем три страницы дневниковых записей самого Марджани.

«Мухаммад, салляллаху галейхи ва саллям» («Мухаммад, да благословит его Аллах и да приветствует»).

Фахреддин, как сообщается в предисловии к книге, преподнес данный трактат в качестве подарка издательству «Вакыт» в честь его открытия в 1909 г., и сочинение стало первой опубликованной книгой издательства. Вероятно, произведение задумывалось как пособие для знакомства с биографией пророка Мухаммада, рассказанной в свете сопровождавших его жизнь исторических событий аравийской пустыни. Книга представляет собой сочинение «житийной» литературы, отличительной особенностью которой является наличие, помимо биографических фактов жизни героя, также свидетельств о его духовных подвигах и знамениях о его пророческой миссии. 1

В 2018 г. был опубликован перевод этой книги на русский язык, подготовленный Айдаром Карибуллиным. В этом издании, помимо самого перевода и вступительного слова переводчика, также имеется репринтная копия оригинального сочинения на старотатарском языке. Перевод, как и оригинал, содержит введение, 14 глав. В этих главах кратко описывается жизнеописание пророка Мухаммада, начиная от его рождения: юность, время ниспослания пророчества, период хиджры, события в Медине, вплоть до самой смерти, акцент делается на нравственных и моральных качествах пророка. Помимо истории самого Мухаммада также приводится информация о его женах, детях, внуках и прочих родственниках; последняя глава посвящена краткому описанию жизни праведных халифов, правивших после смерти пророка Мухаммада. В отличие от оригинального текста, содержащего «указатель имен», встречающихся в тексте сочинения, в переводе такой указатель отсутствует (Мухаммад 2018).

¹ Понятие «житийная литература» используется в данном контексте условно; жанр «житие» зародился в христианской традиции и понимается как один из основных эпических жанров церковной словесности. Объект изображения жития – подвиг веры, совершаемый историческим лицом или группой лиц. Автор жития ориентирован на показ благочестивой жизни святого.

Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахреддина, изланные в 2018—2020 гг.

Следует отметить, что это переиздание данного перевода. Первое издание вышло в 2015 г. и в отличие от второго, помимо репринтного издания оригинального текста содержало также перевод трактата на современный татарский язык (Мухаммад 2015).

«Гакыйдә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. Тәрбияле бала» («Вероубеждения. Воспитанная мать. Воспитанная жена. Воспитанный ребенок»)

В 2019 году в Казани вышел в свет сборник трудов Фахреддина «Гакыйда. Тарбияле ана. Тарбияле хатын. Тарбияле бала». Инициатором издания выступила мечеть «Өметлеләр», переводчиком со старотатарского и составителем сборника стал имам-хатыб данной мечети Алмаз хазрат Сафин. Во введении книги дается краткая биография Фахреддина. В своем вступительном слове переводчик подчеркивает большое значение публикуемых трудов, главной целью которых является нравственное воспитание на основе Корана.

Сборник включает четыре сочинения. Открывает книгу трактат «Гакыйда» («Вероубеждение», 1909 г.), в котором Фахреддин представляет основы ислама, морали и этики. В произведениях «*Тәрбияле бала*» («Воспитанный ребенок», 1889 г.), «Тәрбияле ана» («Воспитанная мать», издана в Казани в издательстве Императорского ун-та, 1898 г.), «Тәрбияле хатын» («Воспитанная жена», Оренбург: Хөсэен Кэримовлар оешмасы, «Паровой» матбагасы, 1910 г.) анализируются проблемы вероучения, правильного воспитания детей, обучения девушек и женщин, обязанности жены перед мужем и др. По мнению татарского богослова и философа, именно от женщины, матери зависят воспитание ребенка и его будущая жизнь. Учитывая данное обстоятельство, татарская женщина должна быть грамотной, набожной, уметь управлять домашним хозяйством, знать правила поведения в обществе и др. Заключительная часть сборника – анонимное сочинение «Тәрбияле ата» («Воспитанный отец», Казан: типография «Миллэт», 1913 г.). Переводчик отмечает, что данный труд был обнаружен в каталоге книг Фахреддина в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского без указания авторства. Известно, что это сочинение опубликовано на деньги Ибрагима Идрисова в 1913 г. Далее переводчик пишет, что «несмотря на то, что у Фахреддина не было книги под названием "Тәрбияле ата", мы все же решили включить ее в наш сборник как поучительный пример для отцов» (Гакыйдэ 2019). Вероятно, речь идет о книге самого Ибрагима Идрисова (1857–1944), поэта, издателя, предпринимателя, владельца типографии «Миллэт». Впервые это сочинение было издано в 1900 г.

«Гаилә, Әһле гыйал, Нәсыйхәт (олылар өчен)» («Семья, Семейные ценности, Наставление»)

Семья, по мнению Фахреддина, является залогом процветания татарской нации, притом что семья держится не только на благочестивом муже, но также на воспитанной жене. Поэтому в продолжение «семейной» темы Алмаз Сафин в 2019 г. переводит на современный татарский язык и издает второй сборник под названием «Гаил», Әһле гыйал, Нәсыйхәт (олылар өчен)». Сборник состоит из введения, основной части и заключения. Среди затрагиваемых тем сборника: роль семьи в обществе, важность семьи для каждого человека, правильный выбор супругов, организация свадьбы, обязанности супругов в семье, благовоспитанность родителей, воспитание детей, выбор профессии, умение распоряжаться деньгами, правильное отношение к своей нации и родине и другие темы. Всего сборник включает три трактата Фахреддина: «Гаил» («Семья», Оренбург: типография «Вакыт», 1912 г.); «Әһле гыйал» («Семейные ценности», Оренбург: типография «Вакыт», 1910 г.), это книга поучительного характера, предназначенная для девушек и женщин; «Нэсыйхэт (олылар өчен)» («Наставление», Оренбург: типография «Вакыт», 1915 г.). Переводчик и составитель подчеркивает актуальность включенных в сборник работ Фахреддина в наше время, в особенности в условиях, когда в учебных заведениях не преподаются «семейные ценности» (Гаилэ 2019).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Араби 2004 – Р. Фахруддин. Ибн Араби / пер. со старотат. Р. Адыгамов. Казань: Иман, 2004.

Араби 2019 — Р. Фахретдин. Ибн Араби / пер. со старотат. Р. Гатин. М.: Форум, 2019.

Болгар 1993 — Болгар вә Казан төрекләре / төз. hәм хәзерге әдәби телгә күчерүче, кереш сүз авт. Ә. Хәйри. Казан: Татар. кит. нәшр., 1993.

Гаилэ 2019 – Р. Фахреддин. Гаилэ, Әһле гыйал, Нэсыйхэт (олылар өчен) / пер. со старотат., сост. Сафин А.Г. Казан: «Өметлелэр» мәчете, 2019.

Гакыйдә 2019 — Р. Фәхреддин. Гакыйдә. Тәрбияле ана. Тәрбияле хатын. Тәрбияле бала / пер. со старотат., сост. Сафин А.Г. Казан: «Өметлеләр» мәчете, 2019.

Кутуб 2019 – Р. Фахреддин. Кутуб ас-ситта / пер. со старотат. Р. Гатин. Казань: РИИ, 2019.

Көтебе 2019 — Р. Фэхретдин. Көтебе ситтэ вә мөэллифлэре: Гыйльме хэдистән / басм. эзерләүче А.М. Гайнетдинов. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исем. Тарих институты, 2019.

Марданова Д.З. Произведения Ризаэддина Фахреддина, изданные в 2018–2020 гг.

Мухаммад 2015 – Р. Фахреддин. Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует) / пер. со старотат. А.А. Карибуллина. Казань: Хузур-Спокойствие, 2015

Мухаммад 2018 – Р. Фахреддин. Мухаммад (салляллаху галейхи ва саллям) / пер. со старотат. А.А. Карибуллина. Казань: Изд. дом «Хузур» – «Спокойствие», 2018.

Рихлат 2003 – Р. Фахраддин. Рихлат ал-Марджани («Путешествие Марджани») // Очерки Марджани о восточных народах / вступ. ст., ком., пер. с араб., старотат. А.Н. Юзеев. Казань: Татар. кн. изд-во, 2003. С. 54–75.

Рушд 2020 – Р. Фахретдин. Ибн Рушд / пер. со старотат. Р. Гатин. Бальсам, 2020.

Сәлимә 2018 – Фәхрәддин Ризаэддин. Сәлимә, яки Гыйффәт: романнар, мәкаләләр / төз. Л. Хәйдәров, Л. Гобәйдуллин. Казан: Рухият, 2018.

Таймийя 2018 — Р. Фахретдин. Ибн Таймийя / пер. со старотат. Р. Гатин. М.: Форум, 2018.

Фәтваләре 2019 – Риза казый фәтваләре / төз. А.М. Гайнетдинов. Казан: ТР ФА Ш. Мәржани исемендәге Тарих институты, 2019.

Шиһабетдин 2018 – Р. Фәхретдин. Шиһабетдин Мәрҗанинең хаҗ сәфәре. Казань: «Хозур» – «Тынычлык» нәшрият йорты, 2018.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Байбулатова Л.Ф. «Асар» Ризы Фахреддина: источниковая основа и значение свода. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

Сведения об авторе: Марданова Динара Замировна — научный сотрудник отдела истории религий и общественной мысли Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); dinara.mardanova@gmail.com

Поступила 06.09.2020 Принята к публикации 15.10.2020 Опубликована 25.11.2020

RIZAEDDIN FAKHREDDIN'S WORKS PUBLISHED IN 2018-2020

D.Z. Mardanova

Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences Kazan, Russian Federation dinara.mardanova@gmail.com

The article provides a brief overview of Rizaeddin Fakhreddin's works published in 2018–2020. Sach as: "Muhammad (sallallahu alayhi wa sallam)", "Rihlat al-Marjani" ("Marjani's journey"), "Mushur irler" series ("Famous men"): "Ibn Arabi"

Историческая этнология. 2020. Том 5, № 2

and "Ibn Taymiyyah", "Kutub al-Sittah wa mualliflare" ("Kutub al-Sittah and their compilers"), "Riza qadi fetvalare" ("Fatwas of Riza qadi"), "Gakyida. Turbiyale ana. Turbiyale khatyn. Turbiyale bala" ("Aqidah. Well-bred mother. Well-bred wife. Well-bred child") and others.

Keywords: Rizaeddin Fakhreddin, legacy, translations

For citation: Mardanova D.Z. Proizvedeniya Rizaeddina Fakhreddina, izdannye v 2018–2020 gg. [Rizaeddin Fakhreddin's works published in 2018–2020]. *Istoricheskaya etnologiya*, 2020, vol. 5, no. 2, pp. 345–354. https://doi.org/10.22378/he.2020-5-2.345-354

REFERENCES

Baybulatova L.F. "Asar" Rizy Fahreddina: istochnikovaya osnova i znacheniye svoda ["Asar" by Riza Fakhreddin: source basis and meaning of the code]. Kazan, Tatar Book Publ., 2006.

About the author: Dinara Z. Mardanova is a Research Fellow of the Department of History of Religions and Social Thought, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); dinara.mardanova@gmail.com

Received September 6, 2020 Accepted for publication October 15, 2020 Published November 25, 2020 Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014—2022 годы)»

Институт истории им. III. Марджани АН РТ является правообладателем исключительных имущественных прав на свои издания. Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете, перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

The preparation and publication of the journal were carried out within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan "Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)"

Sh.Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences is a holder of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

http://historicalethnology.org

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭТНОЛОГИЯ. 2020. Том 5, №2 HISTORICAL ETHNOLOGY, 2020, vol. 5, no. 2

Формат $70 \times 100^{-1}/_{16}$ Усл. печ. л. 10,25 Тираж 500 экз. Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19

E-mail: citlogos@mail.ru www.logos-press.ru